

Дмитрий Скирюк

Отражение прошлого навсегда
застыло в твоих глазах.

Дмитрий Игоревич Скирюк

Кукушка

Серия «Осенний Лис», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138251
Кукушка / Дмитрий Скирюк: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-107194-3*

Аннотация

Любое путешествие рано или поздно подходит к концу. В поисках себя Осенний Лис шел дорогами страданий и скорби, обретал друзей, помогал страждущим, терял надежду... Теперь он наконец узнает, в чем заключается его судьба и истинное предназначение.

Финальный роман тетралогии Дмитрия Скирюка дает нам еще один шанс окунуться в живой и яркий, образный и многогранный мир Осеннего Лиса.

Ку-куш-ка... Словно твое прошлое зовет тебя. Но прежний мир кончился, и все мы стали другими.

Содержание

Ниоткуда	5
Никак	123
Конец ознакомительного фрагмента.	246

Дмитрий Скирюк

Кукушка

Здесь мог бы быть ваш эпиграф

Ниоткуда

*По той самой цене, что за небо у птиц,
За мир без границ,
Кто-то падает вверх и взлетает вниз,
Поднимаясь ниц,
Кто-то стучится в тюрьму, не зная, к кому,
А преступник ушёл во тьму,
Кто-то, плача, зовёт из темноты,
Но не меня, и не ты.*

АРЕФЬЕВА¹

«Нелепо отрицать тот факт, что Бог есть свет».

– Вот уж действительно свежая мысль! – сердито проворчал Золтан Хагг и заёрзал. – А главное – нетривиальная... Аш-Шайтан, да что у меня там такое?

Из земли торчал корень, впивался в задницу. Устроиться удобнее не получалось. Хагг встал, отряхнулся и пересел под другое дерево.

– Посмотрим, что он накропал...

«...Но ещё более нелепо однозначно и с уверенностью утверждать, что свет есть Бог. Противопоставляя одно другому и сравнивая одно с другим, мы не можем утверждать, что свет и Бог одно и то же. Однако наша жизнь и

---

¹ Ольга Аретфьева, «Ночь в октябре».

представления о ней есть представления о противоположностях и их борьбе между собой. Наши образ мыслей, наше восприятие действительности удерживают нас меж двух крайностей, всегда меж двух, не более. Свет и тьма. Чёрное и белое. Добро и зло. Господь и Дьявол. Всё остальное – игра мысли и шатание чувств.

Но, проводя подобные сравнения, должно ли нам тогда судить о Дьяволе как о сущности? Поскольку Бог есть свет и в нём нет никакой тьмы, не значит ли это, что во тьме нет никакого Бога или, паче того, Князя? Ведь первое утверждение вовсе не делает тождественными понятия «бог» и «свет», мы просто утверждаем, что Господь подобен свету по своей природе. Вместе с тем любому ясно, что свет может существовать только во тьме.

Но ведь тьма есть всего лишь отсутствие всякого света!

Итак, поелику теперь нам ясно, что темнота сама существовать не существует (видел кто-нибудь свечу, распространяющую тьму?), она всего лишь отсутствие света, то не следует ли из этого, что добро есть всего лишь отсутствие зла, а Дьявол – отнюдь не сущная персонификация злых сил, но всего лишь отсутствие Бога?»

– Философ хренов, – выругался Золтан, переворачивая страницу. – Эк чего нагородил! Нет чтобы классиков прочесть: Фому хотя бы Ибн Сину... Читал же он Ибн Сину? Читал. Видно, правду люди говорят: «От большого ума лишь сума да тюрьма»... Так. Что дальше?

Он снова наудачу раскрыл травникову тетрадь. Кожаный переплёт негромко скрипнул.

«Из всего этого, – бежали дальше косые, с наклоном, неровные строчки, – неизбежен вывод, что постижение природы Бога возможно только рассудительным путём, поскольку Бог (по Платону) полностью принадлежит миру Идеи. А стало быть, только постигая Бога рассудком, генерируя в себе Идею, мы и приближаемся к нему, а иного пути не дано, ни глазами, ни ушами, ни иными органами чувств. Фома Аквинат судил об этом так, что в постижении Господа можно опираться только на рассудок и ни на что иное, и писал об этом: «...к исследованию божественной истины только с великим трудом и старанием можно прийти, и немногие хотят взять на себя этот труд из любви к знанию, естественное влечение к которому Бог, однако, вложил в человеческие умы». Ergo: отсутствие познания, отсутствие рассудочного ведёт к отсутствию в человеке Бога, иначе говоря – ведёт к хаосу и к Дьяволу во человецех. Ведь не впустую сказано: «Ученье – Свет, а неученье – Тьма». Вместе с тем у того же Фомы мы встречаем утверждение, что Бог для человека, как конечная цель, не поддаётся постижению разумом вследствие изначальной человеческой несоввершенности...»

– Ну что ты будешь делать, а! – воскликнул Золтан и от избытка чувств так хлопнул ладонью по странице, что в лучах рассвета перед ним за клубилась бумажная пыль. – Даже

мёртвый, он и то бежит на шаг впереди.

Он закрыл тетрадь и наугад раскрыл её в другом месте.

«Судьба мага – риск. Стезя живого мага – осторожность. Стихия ищущего мага – разум. Как мне объяснить это ребёнку? Детство неразумно и беспомощно, а молодость подчинена страстям, она слепа и безрассудна. Когда дитя украло нож и забавляется с ножом, это опасно прежде всего для него самого, а уж потом для окружающих. Нож отбирают. Есть и другой путь – можно обучить ребёнка, как им пользоваться. Взросление неизбежно. Простая девочка может стать матерью, обычный мальчик – воином. Маг в этом смысле, независимо от пола, одновременно и творец, и деструктор. Магия для него тот же нож, можно использовать её по-всякому.

Но магию так просто не отобрать.

Как тогда обучить его пользоваться? С какого момента ребёнок сам начинает осознавать, что магический «нож» – не игрушка?

Воспитание мага в городе не приносит плодов. Город убивает магию: мёртвый камень, равно как и неживое дерево, выхолащивают суть волибы. Теоретические выкладки пусты и бесполезны. Лишь практикующий маг-травник сохраняет секреты управления могучими силами природы в наше время, когда множество псевдоволшебников беспечно владеют магическими материалами. Ведь именно слушая шёпот древних дубов, вьющейся лозы, скалистых гор, песков пу-

стыни, люди и научились таинственным силам природы...»

Некоторое время Золтан вчитывался в записи и только изредка плевал на пальцы, чтоб перевернуть страницу. Щурил увечный глаз, часто смаргивал. Почерк был ужасен, автор путался в словах, буквы набегали друг на друга салками и в чехарду, многих не хватало: перо просто не поспевало за ходом мысли. Наконец Золтан сдался и пролистнул несколько страниц. Снова углубился в чтение.

«...несмотря на многочисленные исследования, природа сего тяжкого недомогания до сих пор остаётся загадочной. Единственно понятно, что передаётся оно в ходе плотского соития (хотя не ясно в таком разе, как могут им заболеть малые дети, а такие случаи известны). Парацельс писал, что мог лечить с равным успехом как твёрдый шанкр, так и спинную сухотку, но считал их проявлениями двух различных хворей. Между тем я неоднократно наблюдал, как протекает люэс и одно предшествует другому, и не вижу смысла в подобном разделении...»

– Тут, похоже, что-то про болезни...

«...рыбаки утверждают, будто многократно видели это существо, пытались изловить и многие через то пострадали, а некоторые даже погибли. После юго-западных штормов его нередко встречают в северных водах. Оно не похоже на рыбу или гада, хотя имеет сверху разноцветный плавник или петуший гребень, служащий ему как парус, и скользкие змеиные тела внизу без счёта. Рыбаки зовут его «Порту-

гальский кораблик» и, едва завидев вдалеке, стараются уйти оттудова подальше, покуда тварь им ненароком в сети не попалась и больших неприятностей не учинила. Думается мне, что на самом деле это...»

– Это про рыбу...

«...наперстянка, *item*² *digitalis* или «рукавички лисьи», при всей своей ядовитости полезна может быть необычайно при больном сердце. Неоднократно наблюдалось мной, когда сушёных листьев наперстянки небольшая доза, правильно напаренная, большое облегчение сердцем хворому приносит. Мне известны наперстянки ржавые и пурпуровые, но, говорят, на востоке есть ещё несколько разновидов...»

Страницы шелестели за страницами. Налетавший ветерок, уже по-весеннему тёплый и сырой, сгибал им уголки и приносил с поляны запахи дымка, сырой травы и жареного мяса. Наконец донёс и крик.

– Господин Золтан! Ну господин же Золтан! – надрывались на поляне. – Где вы там?

Кусты орешника затрясли голыми ветками и расступились, выпуская на поляну кругленького румяного толстяка в дорожном платье.

– А, вот вы где! – с облегчением сказал он. – Что вы там выпятились на эту вашу книгу, ровно сыч на мышь в июльский полдень? Идёмте, я уже вас битых полчаса зову.

Тот отмахнулся:

---

² Она же (лат.).

– Не сейчас, Иоганн. Подожди чуть-чуть.

– Да будет вам, идёмте, ну что вы! Мясо пережарится.

– Сними с огня, я скоро подойду. – Золтан рассеянно запрятал выхваченный нож за голенище и снова принялся за чтение.

– Да бросьте, господин Золтан, бросьте. – Толстяк подошёл ближе. – Ни одна книга не стоит того, чтобы пожертвовать ради неё добрым завтраком. Однако экая книжень! Что это у вас? Святое Писание?

Хагг наконец не выдержал и захлопнул тетрадь.

– Эх, Иоганн, Иоганн, вечно у тебя язык бежит вперёд мыслей. Через то и погоришь, попомни моё слово!

Толстяк, которого называли Иоганном, в ответ лишь беспечно усмехнулся.

– Ай, бросьте, господин Золтан, бросьте. Что меня пугать? Я пуганый. И вешали меня, и стреляли, а я всё живой.

– Ладно, чёрт с тобой, уговорил. Пошли.

Костёрчик на полянке еле тлел. Над огнём румянил спинку выпотрошенный и насаженный на вертел поросёнок, среди распакованных выюков темнели хлеб, бутылка в ивовой оплётке и разнообразные горшочки и пакетики. Чуть в стороне, засунув морды в дорожные торбы, мотали хвостами ослик и стреноженная лошадь, мотали скорее по привычке, чем всерьёз: мух и комаров ещё не было. Царила успокаивающая птичья тишина. Тёмная горбушка неба, видная в просвете меж деревьев, перилась косыми облачками, белыми и

мягкими, как фламандское масло. Весенняя земля дышала влажной женской теплотой.

– Хороший день, – отметил Хагг, усаживаясь у огня на сброшенное седло. Поворошил золу прутиком, откромсал кусочек жаркого. – Неплохо было бы сегодня доехать до корчмы.

– Отчего же сразу не до города? – резонно возразил толстяк. – Бог даст, доедем, да. А правда ваша, господин Золтан, – благодать! И облака опять же.

– А чего облака? – насторожился Золтан.

– Так всё лучше, чем трястись весь день по такой жаротени с потным задом, как вчера! Ой, горчицу забыл. Вот, держите. Да, погодка – фарт, будто не весна, а уже лето. Был бы я помоложе, непременно парочку-другую ходок через горы уже сделал.

– Сиди уж... ходок. И чего шайтан меня дёрнул тебя с собой взять, сам не понимаю.

– А считайте, что это не вы меня взяли, а я за вами увязался. Ведь я чего? Давно уж надоело попусту сидеть, всё думал: подгадаю времечко, да и съезжу в местное аббатство, поставлю за своё здоровье свечечку-другую. А всё не получалось. То заботы, то дожди, а то попутчика хорошего не подворачивалось. А тут – здрасьте, нате сразу всё! Ага. Как вы тогда заехали ко мне на той неделе, я и думаю: эге (это, значит, я так подумал тогда: «Эге»), а не пора ли тебе, Иво, прогуляться с господином Золтаном? Подумал и решил: пора. Да... Как

вам поросёнок?

– Умгу, – только и смог ответить Хагг с набитым ртом.

А Шольц был прав, весна выдалась чуднее некуда. Настала поздно, началась отменной жарой, а после вдруг ударили морозы, две недели разбавляли паводок дожди, да так, что снег сошёл и половину польдеров³ едва не затопило, а к середине апреля распогодилось совсем по-летнему, с водой, травой и жаворонком в небе. Деревья и кусты опасно казали запасные почки: мало ли что, ведь первые, обманутые ранней теплотой, поубивало напрочь. Подсохшая земля под тополями была усыпана клейкими чешуйками, до полной зелени осталось три-четыре дня. В самый раз для странников и пилигримов: и заночевать где хочешь можно, и разбойникам пока прятаться негде.

Золтан рассеяннo жевал горячее, от души приправленное перцем мясо и размышлял.

Минул почти месяц с той поры, как он обнаружил в лесу разгромленную хижину травника, и на неделю меньше месяца, как выслушал историю сего разгрома от парнишки в кабаке. За это время многое произошло. Он полностью свернул все дела в Маргене и в Лиссбурге, продал постоянный двор и долю в городской торговле, рассчитался с кредиторами, повыколачивал долги из должников и в один прекрас-

---

³ Польдеры (марши) – низкие луга и заболоченные земли по берегам Северного моря, весьма пригодные для скотоводства и отчасти для земледелия. Отгорожены от моря плотинами и дамбами.

ный день исчез, уехав в никуда. Напоминанием о Золтане осталась только вывеска трактира «Пляшущий лис», да и ту новый хозяин грозился заменить – уж очень много подозрительного люда она привлекала.

Исчезнув с глаз долой из сердца вон от всех друзей и недругов, Хагг для начала навестил с полдюжины банкиров и ростовщиков, которым доверял, распорядился денежными средствами, потом заехал к Иоганну и два дня там просидел, не выходя из комнаты, обдумывая планы.

А планов-то как раз и не было. С полным переходом Нидерландов под испанское владычество, со смутой и раздором в государстве любое предприятие становилось делом безнадежным, если только не затрагивало интересы испанцев или церковников. Война, однако, тоже набирала силу и заканчиваться в скором времени не собиралась. Бывшему начальнику тайного ведомства равно опасно было опираться как на оккупантов, так и на повстанцев. Золтану было без двух месяцев пятьдесят – возраст, когда уже поздно тратить время на мальчишеские авантюры. В таких условиях разумнее залечь на дно или убраться из страны. Хагг выбрал первое. Жена была спроважена в надёжное убежище, с делами завязано, с обязательствами и долгами покончено. Со всеми, кроме одного – последнюю просьбу травника он так и не выполнил, хотя вспоминал о ней пять раз на дню, благо пожелал тот кратко: *«Если сможешь, позаботься о моих учениках»*.

Легко сказать «позаботься»! А как? Пропавший без вести

мальчишка и захваченная инквизиторами девка – это вам не недоросль, отданный на воспитание. Даже для опытного авантюриста задача была хоть куда. Хагг мог и отказаться – что он, в конце концов, мог один, без денег, без напарников? Впрочем, тут он лукавил – деньги у него были, и свои, и травниковы. Не великий капитал, но всё лучше, чем ничего. С напарниками тоже не должно было возникнуть проблем. Другой вопрос, нужны ли в таком деле напарники: когда секрет знают двое, это уже не секрет. К тому же все эти смутные намёки, пророчества... Он долго раздумывал, взвешивал все «за» и «против», перечитывал пергамент Лиса с завещанием, силясь понять, о какой угрозе говорил Жуга. Не понял ничего, а посоветоваться было не с кем. Наконец, решив, что надо делать дело, а додумать можно и потом, он заплатил за постой, снарядился, прихватил с собой тетрадь, кошель, клинок и самострел, оседлал лошадь и двинулся в дорогу. В последний момент за ним увязался Шольц, которому на старости лет попало шило в задницу. Объяснить его поступок другими причинами Золтан не мог: никаких выгод это путешествие старому контрабандисту не сулило. Но и прогонять его Золтан не стал: Глюк ауф Иоганн чуял прибыль, словно рак тухлятину – за милю против течения, а мысль о том, что кабатчик мог быть подкуплен инквизицией или другим врагом, Хагг отбросил сразу: слишком хорошо он знал своего напарника.

Пока апрель разменивал на звонкую капель холодные

флорины мартовских сосулек, Золтан не терял времени и подкупом, обманом и через доверенных людей навёл большие справки и сразу оказался в затруднении. О парне не было ни слуху ни духу, он как сквозь землю провалился. С девчонкой дело тоже обстояло не ахти: юную пленницу как ведьму отвезли в какой-то монастырь – богатый, верный церкви и солидно укреплённый, где и содержали до поры до времени. Сжигать её пока не собирались, но дознание вели. Хагг взвесил шансы на успех в обоих случаях и задумался. Вести поиски в двух направлениях сразу он не мог. С мальчишкой было проще: только и делов – нанять две дюжины людей и прочесать втихую пару городов, десятков деревень, окрестные дороги – наверняка где-нибудь да объявится, уж больно приметный малый. С другой стороны, и опасность парню вряд ли угрожала: если он не дурак и смог так лихо ускользнуть от испанцев, следовало ожидать, что он успешно будет прятаться и далее; парнишка явно родился под счастливой звездой. Спасение же девушки выглядело предприятием рискованным, но отнюдь не безнадёжным.

Рассудив, что лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать, Хагг решил осмотреться на месте и теперь потихоньку двигался на юго-восток, листая на привалах пергаменты травника в надежде найти ответы на волнующие вопросы. В любом случае спешить не стоило, время работало на него: раз девку сразу не сожгли, значит, что-то не заладилось, а божьи мельницы мелют медленно – следствие в подвалах ин-

квизиции могло двигаться годами. До прихода настоящего тепла девчонку вряд ли куда повезут. Конечно, оставались ещё пытки и допросы, и тут Хагг мог только уповать на лучшее: весенние дороги развезло, среди спутников брата Себастьяна не было палача, в обители тем более, а дилетант на ломает дров. И женщины выносливы.

Так или примерно так рассуждал Золтан, обгрызая мякоть с поросячьей ноги и отхлёбывая из бутылки. Поросёнка Шольц зажарил мастерски, поиски горчицы с его стороны являли самоцель: усталость, кислое вино и свежий воздух были лучшими из приправ. Приятели сжевали больше половины, когда со стороны дороги послышался далёкий конский топот. Хагг насторожился и на всякий случай притоптал костёр.

Встревожился и Шольц.

– Кого несёт в такую рань? – проговорил толстяк, из-под ладони глядя на дорогу. – Гляньте, господин Золтан: летят, как на скачках. Не иначе курьер какой важный, с охранением. Однако, – он потёр небритый подбородок и хмыкнул, – до ближайшего постоянного двора полдня езды. Что они, ночью, что ли, выехали?

Трудно было с ним не согласиться: судя по звуку, отряд был небольшой, но двигался уверенным галопом; ни дворянские кортежи, ни купцы с охраной так не ездят, а боевых действий поблизости не велось, так что разведка тоже исключалась. Оставались только гонцы. Или...

Золтан напрягся. Прочие предположения не вызвали прилива оптимизма. Он торопливо вытер руки, зарядил арбалет и спрятал его под дорожными сумками.

Через минуту в просвете меж деревьев уже можно было разглядеть силуэты трёх всадников и двух заводных лошадей, навьюченных припасами. Возле поворота на тропу, ведущую к поляне, где странники устроили ночлег, загадочный отряд замедлил ход, чуток замешкался и... повернул. На беду, голые стволы деревьев не могли скрыть ни костра, ни людей.

Иоганн заёрзал – похоже, тоже что-то понял.

– Эге. Уж не по наши ли души ребята, а, господин Золтан? Хагг не ответил.

Всадники тем временем приблизились и осадили лошадей. Воцарилась тишина, нарушаемая треском угольков, дыханием животных и звяканьем удил. Даже птицы перестали петь. Пять человек с молчаливой настороженностью рассматривали друг друга.

– Так-так. Золтан Хагг, – констатировал один из верховых, по-видимому, предводитель – дородный, грузный мужчина в сером дорожном платье, не уступающий в объёмах толстяку Иоганну, и отбросил за спину капюшон. – Наконец-то мы вас нагнали. Что же, что же. Добрый день.

– Вы? – Хагг в удивлении поднял бровь. – Какими судьбами? Вот уж кого не ожидал встретить.

– А кого ожидали? – желчно поинтересовался тот. – Папу

Римского? Герцога Вильгельма? Святого Иосифа с зацветшим посохом?⁴

– Я предпочёл бы вообще никого не встречать, – сухо отозвался Золтан. – Что вам от меня надо?

– А вы не очень-то любезны.

– Вы тоже, господин Андерсон. Кто это с вами? – Золтан выгнул шею, силясь заглянуть ему за спину, и кивнул, узнавая: – Ба! Никак Матиас Румпель собственной персоной.

Поименованный привстал на стременах и подался вперёд: не поклон, а так, «моё почтение». Выглядел он несколько смущённым.

– Здравсьте, господин Золтан.

– Здравствуй, здравствуй. – Он уже вглядывался в следующего. – А вас, юнкер, я, кажется, раньше не видел. Или видел? Мне почему-то знакомо ваше лицо.

– Моё имя Рутгер, – с явной неохотой представился тот.

– Рутгер? Ах, Рутгер... Наслышан. Если вы, конечно, *тот самый* Рутгер Ольсон.

Рослый холодноглазый парень каменно проигнорировал намёк, и Золтан повернулся к Андерсону:

– Занятную компанию вы себе подобрали.

– Да, я не жалею. Ну что же, – подвёл итог предводитель отряда, – раз так, полагаю, на этом церемонию знакомства можно считать законченной. Вы позволите нам спешиться?

– Да бога ради! – Хагг развёл руками. – Если хотите, може-

---

⁴ Святой Иосиф – покровитель Нидерландов, его символ – цветущий посох.

те даже присоединиться к нашей скромной трапезе. Иоганн, будь другом, подбрось-ка дров в огонь, только не переусердствуй, а то мы вместо горячего получим «горящее».

Шольц закивал и принялся за дело.

— Премного благодарен. — Андерсон высвободил ногу из стремени и тяжело сошёл с коня. — Вы не представляете, каково это — при моей комплекции скакать верхом: эти проклятые сёдла разрезают меня пополам... Да уберите вы свой чёртов арбалет! Вы из-за него как на иголках. Ещё всадите мне в брюхо стрелу, объясняй вам потом, что я не хотел плохого... — Тут его взгляд упал на ослика. — Матерь Божья! Это что ещё за козлоконь? Вижу, вы не особенно торопитесь, коль ваш приятель путешествует на таком одре.

— Теперь уже не тороплюсь, хотя мы собирались выехать пораньше. — Золтан с видимым неудовольствием извлёк из-под мешков своё оружие, вынул стрелы и аккуратно разрядил оба маленьких железных лука. Матиас и Рутгер при виде этой сцены немного замешкались, но всё-таки спешили и принялись водить в поводу разгорячённых лошадей, а после распаковывать седельные сумки.

— Как вы нас нашли?

— Проще простого. — Андерсон стянул перчатки и подсел к костру, умывая ладони теплом. — Вас подвела любовь к хорошей кухне. Да, мой друг, именно так. Людей, похожих на вас по приметам, немало, но таких гурманов, как вы, считанные единицы. В одном трактире вы заказываете фазана с трюфелем.

лями, в другом мадьярский паприкаш и мясо по-еврейски, в третьем молочного поросёнка, целокупного, хе-хе... Не так уж трудно после этого понять, в какую сторону вы направляетесь. Кстати, если вам интересно, я вовсе не собирался вас преследовать.

– Тогда какого чёрта вы тут делаете?

– Решил догнать, раз уж нам с вами всё равно по пути: по странному стечению обстоятельств я и мои спутники держим путь в Локерен. У меня к вам деловое предложение.

– Какое, если не секрет?

– Пока секрет, – сказал Андерсон и искоса взглянул в сторону Шольца.

Хагг перехватил его взгляд и усмехнулся.

– Надеюсь, вы не думаете открыть трактир со мною на па-ях? Гляжу, вы всё никак не уймётесь. Послушайте, Андерсон, если дело касается того травника, то я...

– Касается, – сказал угрюмо Андерсон. – Ещё как касается.

Иоганн шумно раздувал огонь, сизоватый жиденький дымок струился в небо. Казалось, разговор совсем не интересует старого трактирщика.

– Если дело касается травника, – с нажимом повторил Золтан, – то я хочу вам сказать, что вы опоздали.

Господин Андерсон поднял бровь:

– Опоздал? Не понял. В каком смысле – опоздал?

– Тот травник мёртв, – с нажимом на словечко «тот» от-

ветил Золтан. – Его убили.

– Как? Когда? Каким образом?

– Недавно. Чуть больше месяца тому назад. Застрелили из аркебузы.

– Вы в этом уверены? Ходили слухи, что какой-то знахарь... но я...

– Я абсолютно в этом уверен, – со вздохом подтвердил Золтан. – Я даже побывал на месте его гибели. К тому же у меня есть другие э-э... доказательства его смерти.

– Надёжные?

Золтан снова вздохнул.

– Весьма надёжные.

Господин Андерсон задумчиво потеревил нижнюю губу.

– Хагг, вы всякий раз меня удивляете, – наконец признал он. – Вашей осведомлённости можно позавидовать, даже не верится, что вы отошли от дел. Ну что же, у меня нет оснований вам не верить. Но! Нет и оснований для противоположного. Хотя ходили слухи, что вы с этим знахарем (Жуга – так, кажется, его звали) были крепко знакомы и даже, не побоюсь этого слова, дружны.

– Послушайте, э-э... Андерсон, – устало сказал Золтан, теревя в пальцах вынутую из арбалета стрелу, – хватит брать меня на пушку. У меня нет никаких причин врать вам про его гибель. Вы не могли до него добраться, пока он был жив, и не смогли бы, будь он жив сейчас, так чего уж... Честно говоря, я сам так и не понял, как это получилось у *тех*. Но

у меня есть достоверное свидетельство о его смерти, созданное, так сказать, им самим, и с этим ничего не поделаешь. И давайте перестанем играть в кошки-мышки. — Он поднял взгляд и посмотрел Андерсону в глаза. — Может, вы мне всё-таки скажете, зачем он вам понадобился? Только не надо больше этих баек про знамения и предсказания. На дворе не прошлый век. Тех дел, которые натворила еретичка из Дом-реми, хватит на несколько поколений. Что ни говори, а тут постарались на славу: появившись ещё одно такое чудо, его сожгут прежде, чем успеют поднять на щит. Итак?

Андерсон на пару минут погрузился в молчание. Глаза его задумчиво блуждали.

— Позвольте я сперва угощусь этим чудным поросёнком? — наконец сказал он вместо ответа. — А то у меня голова идёт кругом от запаха жаркого.

Золтан пожал плечами:

— Да пожалуйста. И пусть ваши спутники тоже подсаживаются. Боюсь только, на троих этого будет маловато.

— Ничего, — усмехнулся толстяк. — Зная ваши вкусы, мы закупились провизией. Думаю, вы тоже к нам присоединитесь.

— Вам будет трудно меня удивить.

— Я попытаюсь. — Он обернулся: — Рутгер! Мне тяжело вставать. Не считите за труд, подайте мне вон тот мешок... да, этот. Спасибо.

Он распустил завязки, ухватил мешок за углы, с усилием

перевернул его и вывалил на молодую травку содержимое.

Золтан отшатнулся. Стрела в его руках переломилась.

– Аш-Шайтан! – он вскочил и бросил обломки в костёр. – Что это за шутки?!

Перед ним лежал большой, плохо обработанный сосновый чурбак, кое-как перевязанный потемневшей верёвкой. Изнутри доносилось приглушённое, но ясно различимое гудение.

– Что это?

Андерсон скривился в усмешке.

– А вам, оказывается, чужд пантагрюэлизм, хотя при вашей работе это было бы очень полезное качество. Это улей. Малая дуплянка. Я приобрёл её на ферме возле Синего ручья. Вы что, никогда не видели улья?

– Видел, но... – Золтан нахмурился. – Андерсон, прекратите эти нелепые шутки. На чёрта он вам сдался?

– Там, внутри, пчёлы, целая семья. Они дают превосходный мёд. Вы любите мёд?

– При чём тут мёд? Чего вы хотите добиться? Я ничего не понимаю!

– Хотите откровенности? – Андерсон вздохнул. – Что ж, будет вам откровенность. Но придётся подождать. Совсем немного. Видите ли, Золтан, один из моих спутников отстал. Вернее, не совсем отстал, а так, решил наведаться в ближайшую деревню.

– Зачем?

– Представьте, за молоком, – без тени насмешки сообщил господин Андерсон. – А без него дальнейший разговор теряет смысл. Но, думаю, вскоре он нас нагонит, и тогда... А, вот, кажется, и он.

Со стороны дороги вновь донёсся стук копыт, на сей раз одинокий.

– Рисковый парень этот ваш четвёртый, – покачал головой Хагг. – Одному в такое время можно запросто нарваться на грабителей.

– Да, вы правы. И тем не менее. Иногда мне кажется, что она ничего не боится.

Золтан поднял бровь:

– «Она»?

Ездок тем временем уже свернул с дороги и теперь уверенно пробирался на поляну меж деревьев – хрупкая, почти мальчишеская фигурка, закутанная в зелёный плащ. Капюшон был сброшен за спину, открывая золотистые подстриженные волосы. Скакун был тоже необычной масти – кофе с молоком. Всадница сидела по-мужски, справа у седла был приторочен арбалет. Коня она осадилась чуть ли не у самого огня и не спешила спускаться.

Несколько мгновений Золтан и женщина молча смотрели друг на друга, потом Хагг криво усмехнулся и покачал головой.

– Так-так, – пробормотал он, – сюрпризы продолжаются. Вот так встреча! Не знал, что ты теперь работаешь на Андер-

сона, Белая Стрела.

Девушка в седле нахмурила брови.

– Я ни на кого не работаю, – бросила она вместо приветствия и резко потянула удила. Соловый немецкий рысак присел, попятился и захрапел, затанцевал на пяточке. Развернулся. Рука в перчатке на мгновение показалась из зелёных складок. Пузатая глиняная бутылка взлетела в воздух, рассыпая жемчуг белых капель, и через мгновение закончила свой путь в руках у Рутгера.

– На, держи, – сказала девушка, осаживая коня. – Вот твоё молоко.

Наёмник невозмутимо перевернул пойманную бутылку горлышком кверху и выдернул промокшую тряпичную затычку. Понюхал содержимое.

– Вчерашнее, – сообщил он голосом, лишённым всяческого выражения.

– Сгодится и такое, – фыркнула всадница. – Доставай котелок.

Золтан почесал подбородок и бросил два взгляда, косых и быстрых, на наёмника и на новую гостью. Похоже было, что в отряде господина Андерсона не всё так уж безоблачно: между этими двоими явно пробежала кошка, и, возможно, не одна.

– Сама достанешь, – не замедлил подтвердить его подзрения Рутгер.

Солнце! Солнце! Солнышко! Мохнатый тёплый золотистый шарик в небе юной, стынувшей весны – есть ли в этом мире что прекраснее и лучше, чем клубок соломенной небесной пряжи в гулкой синеве? Мир оживал и жаждал возрождения. На деревьях зеленели листья, под деревьями пробивалась трава, бугристый чёрный снег дотаивал в оврагах, лёд в каналах окончательно сошёл на нет, оставив, словно эхо, утренние забереги.

Дорога подсыхала.

А по дороге, повесив на шею связанные башмаки и насвистывая что-то невнятно-весёлое, шёл невысокий босой парнишка лет тринадцати. Шёл не быстро и не медленно, никуда не торопясь, наслаждаясь тем, как солнце греет ему спину и затылок.

Неделя минула с той поры, как Фриц пришёл в себя на камне у межи, неделя, как исчез единорог, и бог ещё знает сколько времени с тех пор, как испанский отряд разгромил лачугу травника. Уже и вспоминалось тускло: было? не было? когда? Мальчишеская память где не надо коротка, и полностью наоборот – всегда припомнит то, что ни к чему. Если поразмыслить, так похуже девичьей будет: те хотя бы забывать ненужное умеют.

Идти в ближайший город (а это оказался Белэме) Фриц

не захотел и двинулся куда глаза глядят. А глядели они на север. На постоянные дворы он заходить побаивался – вдруг чего? – и ночевать решил в лесу, а поскольку ночи выдались холодные, на следующий день решил сменить режим: идти ночами (благо дело шло к полнолунию), а днём отсыпаться, найдя подходящее место. Страх темноты отступил перед страхом замёрзнуть. Однако сегодня был такой славный день, что Фриц проспал всего ничего и ещё до вечера двинулся в путь. Горизонт повсюду был окаймлён листвой, пыль в дорожной колее приятно грела пятки. Останавливаться не хотелось. Дорога, ранее петлявшая промеж холмов и полей, теперь сбегала вниз и разбросала двоепутем рукава вдоль широкого канала, в обе стороны. Моста поблизости не наблюдалось, выбирать особо было не из чего. Недолго думая, мальчишка повернул направо, чтобы вечернее солнце пригревало спину, миновал большую, редкую в здешних местах ольховую рощу, и вскоре дорога привела его к деревне с незатейливым названием Оост Камп. Деревенька была самая обычная: четыре улочки и серый пик небольшой колокольни, вокруг которой расположились жилище священника, кузница, трактир общины да дюжина дворов различных степеней зажиточности, всё больше дряхлые, увитые плющом дома под потемневшей черепицей, скучные дворы с распахнутыми зевами сараев, плоские поля и редкие заросли кустарника. Единственным, что отличало Оост Камп от прочих деревень, была плотина с домиком мостовщиков и покосив-

шейся пристанью, где ошвартовались дюжина лодок и баржа с не к месту поэтичным именем «Жанетта» – донельзя ветхая посуда с обшарпанными зелёными бортами, гружённая вином, мешками с шерстью и кузнечным углём. На крыше палубной надстройки примостилась ржавая труба, из которой вниз к воде струился жиденький дымок; в клетках на корме сонно квохтали куры, а на носу сидел тощий парень в красном колпаке, курил трубку и удил рыбу.

Невдалеке маячили две ветряные мельницы.

Вся Фландрия – сплошные перекрёстки, если не дороги, то каналы. Фриц был не силен в географии, но примерные прикидки, что, откуда и куда, был сделать в состоянии. Находясь в центре соприкосновения трёх великих государств, нижние земли лежали на скрещении больших торговых путей. Брюггский канал, на берега которого судьба забросила мальчишку, вёл в Брюгге и в Гент и был частью великой системы осушенных земель, одним из тех каналов, соединявших север с югом, а французские и германские земли – с Северным морем, и превращавших Нидерланды в морские ворота Европы. Различные польдеры одной и той же области были по необходимости связаны друг с другом. Их плотины входили в одну систему защиты от моря и взаимно охраняли друг друга. Каких-либо идей по поводу дальнейшего пути у Фрица не было, но сейчас, при виде ошвартованной баржи, он всерьёз задумался. Редкие прохожие и поселяне не обращали на мальчишку внимания, и Фриц приободрился. Упря-

тав нож за спину под рубаху, он переложил поближе парочку монет помельче, чтобы были под рукой, отряхнул от пыли ноги, обулся и решительно направился к приюту у плотины.

Трактир при рабатсе⁵ был плохонький, но тихий и почти пустой, что Фридриха вполне устроило. На вывеске тарасила глаза лягушка, при ближайшем рассмотрении оказавшаяся жабою, зелёной и пупырчатой. Название, как решил Фриц, вполне трактиру подходило – низенький, одноэтажный, с несколькими пристройками, дом будто распластался по земле. Слоняться вокруг да около, топтаться на крыльце мальчишке было не с руки: хозяева, чего доброго, ещё могли решить, что он пришёл воровать, но тут ему вспомнились уроки Шныря, и Фриц замедлил шаг – бросить взгляд на воротные столбики. Так и оказалось: на левом красовалась нацарапанная гвоздиком кошка – знак того, что люди в доме незлобивые. Фриц облегчённо перевёл дух, отворил калитку и вошёл.

Картина, открывшаяся его взору, заставила мальчишку замереть, едва перешагнув порог.

Идти было некуда.

Как уже говорилось, «Жаба» была приютом при канале, потому тут не было конюшен, равно как и места, чтобы развернуться. Всё пространство маленького двора загромождали какие-то вещи. Среди них были ящики, числом пять или шесть – от маленьких, вроде сундучка с ручкой сверху, до со-

---

⁵ Rabots или rabats (голл.) – запруда.

вершенно неподъёмных. На больших были намалёваны танцующие человечки, девочки в чёрных масках, страшные бородатые люди в колпаках со звёздами, солнце, похожее на блин с носом и глазами, и прочие занимательные картинки. Были там также два мешка, небольшой бочонок, длинный свёрток, оказавшийся ковром ауденаардской работы, расписной турецкий барабан размером чуть меньше Фрица и огромная труба, покрытая зеленоватой патиной. Труба эта, закрученная в несколько витков, как раковина улитки, сразила Фрица наповал: он никогда доселе не видал ничего подобного. Должно быть, играли на ней, надев её на себя, чтобы она была как бы намотана на трубача снаружи.

– Экая уродина! – пробормотал Фридрих и поднял взгляд.

Два самых больших ящика были поставлены друг на дружку. На верхнем восседал упитанный мужчина с богатой чёрной бородой и через очки читал толстенный том, название которого Фриц не сумел распознать по причине вычурности букв. Краска на ящиках шелушилась, том был потрепан и распух от влаги и от многочисленных закладок, дядька же, напротив, был одет порядочно, хотя и странновато. Вместо облегающих, обычных для горожан вязаных рейтуз он носил короткие штаны, пошитые на швейцарский манер, чтоб было теплее пузу, и башмаки с пряжками, под которыми почему-то не было чулок. Ещё на нём был камзол фламандского сукна, засаленный и синий, из-под которого проглядывали грязная, но отменно накрахмаленная рубаша и

обманчиво неброский дорогой брабантский воротник. Отороченная мехом круглая высокая шапка с обкладкой из серебряных фигурок и мятая бархатная giubberello⁶ с надставленными, открытыми сбоку широкими рукавами дополняли картину. На хозяина трактира незнакомец явно не тянул, на завсегдатая тоже и являл собой такую смесь богатства и неряшества, такое единение комичности и грозности, что Фриц не знал, что и подумать. Для купца бородач был одет бедновато, для крестьянина уж чересчур богато, для монаха – слишком броско, для чиновника и вовсе по-дурацки; между тем пальцы его были гладки, и ногти на них были длинные, как у судейского или церковного.

Пока Фриц терялся в догадках, бородач закрыл свою томину, заложив страницу пальцем, снял очки и теперь в свою очередь рассматривал мальчишку.

– Подойди-ка сюда, мальчик, – сказал он, указуя на Фридриха дужкой очков. – Это хорошо, что ты сюда зашёл. Ты местный?

Голос у него оказался гулким и уверенным. Фриц сглотнул.

– Нет, – сказал он. Врать не имело смысла: всё равно он никого здесь не знал.

Человек на сундуках, казалось, сильно обрадовался.

– Как превосходно! – воскликнул он. – Просто замечательно. Как тебя звать?

---

⁶ Старинная одежда, куртка свободного покроя (*ит.*).

Со своей точки зрения Фриц не видел ничего превосходного или замечательного, наоборот, в нём проснулись старые опасения, и он поспешил воспользоваться уже опробованной маской.

– Август, – соврал он.

– Что? Какой август? – Чернобородый, казалось, не понял (видимо, совралось как-то тяжело и неубедительно). – Что за вздор! Нет, мой юный друг, до августа у меня ждать нет времени. Так как же?

К такому повороту событий Фриц был не готов. Надо было срочно придумать другое имя, но, как назло, в голову ничего не приходило.

– Фри... Фридрих, – запинаясь, выдавил он.

– Ага. – На сей раз дядька остался доволен. – Вот что, друг Фри-Фридрих. Мне нужен новый помощник. Я вижу, ты один? – Фриц кивнул. – Это превосходно! – Он потёр ладони. – Я предлагаю тебе поступить ко мне на службу.

– Поступить на службу? А вы кто? – самым глупым образом спросил Фриц, совершенно ошaleвший от неожиданности.

Чернобородый господин стремительно обретал уверенность в себе и оттого, казалось, раздувался на глазах. Причина, впрочем, оказалась более прозаической: он чихнул и звучно высморкался в платок. Звук его сморкания был страшен, Фриц чуть не упал, а дядька спрятал очки в футляр, а футляр в карман, приосанился, выпятил живот и одёрнул

обшлага.

– Перед тобой, – сказал он, глядя на мальчишку сверху вниз, – магистр кукольных наук Карл-баас по прозвищу Барба⁷, известный мастер всяческих спектаклей и представлений, обладатель диплома университета в Падуе и автор множества учёных работ по театральному искусству.

– И это всё вы?

– Именно так.

Фриц бросил взгляд на размалёванные ящики.

– Вы делаете куклы?

– Естественно, делаю. Но главное не в этом. Я содержу кукольный театр. – Он похлопал по ящику под собой. – К несчастью, мой прежний паренёк, антонов огонь ему в зад, сбежал от меня и даже не предупредил. И вдобавок прихватил с собой всю мою дневную выручку. Что за времена! Кругом жульё! Куда ты держишь путь?

– Э-э... никуда. Вернее, я иду к морю, но...

– Отлично! Отлично! – Он хлопнул в ладоши (словно аркебуза грохнула). – Просто замечательно. Кто ты? Шваб? Из верхних немцев, да? Это мне подходит. Выглядишь ты довольно честным.

– А что я должен буду делать? Продавать билеты?

– Что? Продавать билеты? О нет, ещё чего! Продавать билеты я тебе не доверю, даже не надейся, маленький плутишка. Будешь грузить ящики, помогать мне собирать и разби-

---

⁷ Baas (голл.) – господин; barba (лат.) – борода.

рать сцену, сторожить шатёр для представлений, зажигать свечи, ну и всё такое прочее. За это ты будешь получать по пять, нет – по четыре патара серебром. Но зато каждый месяц! – Он посмотрел в сторону пристани и продолжил: – Сейчас «Жанетта» поправляет такелаж, а завтра поутру снимается и отправляется в Брюгге. Я уже договорился со шкипером, он был согласен взять меня на борт со всеми сундуками, и тут мой мальчишка взял и сбежал. Ничего не скажешь, подходящий он выбрал момент! Я ждал целый день, не подвернётся ли кто ему на смену, но прохожих нет, а местным наплевать. Не иначе мне тебя посылает сама судьба. Для начала я предлагаю тебе вот что. – Тут он посмотрел на небо. – Не ровен час, начнётся дождь, а моя поклажа на улице. Если ты согласен, помоги сейчас перенести мои вещи под крышу, а за это я накормлю тебя ужином. Согласен?

Фриц толком не ел два дня, устал как собака и пару раз едва не околел от холода, и если эта самая судьба посылала Фрица Карлу Барбе, то Фриц был вправе надеяться на взаимность. Он не раздумывал ни секунды, ему даже в голову не взбрело спросить, почему сбежал прежний мальчишка. В крайнем случае он сам в любой момент мог поступить так же.

– Согласен!

– Вот и отлично. – Кукольник грузно слез с сундука, заправил для удобства бороду в карман, подобрал огромный толстый зонт, которым пользовался вместо трости, и указал

им на ближайший ящик. — Хватайся за ту ручку, я возьмусь с другой стороны. Не бойся, он не такой тяжёлый, каким кажется. Так, где очки-то мои... а, вот они. Ну, взяли!

Переноска вещей под навес заняла весь остаток дня до вечера. Уже после Фриц сообразил, что запросто бы мог поторговаться — кукольник сам поставил себя в невыгодные условия, раскрыв ему все тяготы своего положения, но во Фридрихе проснулась совесть. В конце концов, путешествовать со взрослыми удобнее, а одинокий мальчишка всегда вызывает подозрение, да и четыре патара в месяц были совсем не лишними. Плюс ещё стол... В общем, Фриц передумал торговаться. Но одна мысль в голове всё-таки засела. Если уж их свела судьба, как утверждал господин кукольник, было бы неплохо спросить об этом у самой судьбы напрямую. И пока бородач договаривался с трактирщиком, Фриц урвал минутку, уединился за большим столом и вынул мешочек с костяными плашками.

Пока руны лежали в кармане, Фриц был спокоен, но стояло кожаному мешочку оказаться у него в ладони, мальчишкой овладела непонятная робость. Одно дело — играть с ними просто так, и совсем другое — спрашивать совета, собираясь ему следовать. Как ни крути, это разные вещи. Вдобавок как истолковать расклад, если толком в этом не разбираешься? Единорога в помощь рядом больше не было. Впрочем, помнится, Жуга ему говорил, что предсказание само не так уж важно, важнее разобраться с собственными мыслями

и чувствами, понять, что происходит, а уже потом решать, что делать и как быть. Фриц тряхнул головой, зубами развязал тесёмки и решительно запустил руку в мешочек. Пальцы нащупали холодную кость и снова замешкались.

Какой задать вопрос? Что для него сейчас важнее всего?

Он посмотрел на дверь, потом на кукольника, который всё ещё говорил с трактирщиком, и решил спросить, что он за человек и стоит ли ему, Фрицу, принять его предложение. Он попытался сконцентрироваться, для чего напряг затылок и наморщил лоб, и стал перебирать костяшки пальцами, пока по спине не пошёл холодок, а одна не зацепилась между средним и безымянным. Вытащил и выложил на стол, как оказалось – обратной стороной.

Перевернул.

Символ показался Фридриху знакомым. Больше всего он походил на заглавную «М». И даже лёг как будто правильно, не вверх ногами. Но вот что он означал, на что указывал, какой давал совет, оставалось только гадать: ни на своём браслете, ни на каминной полке в доме травника, ни где-нибудь

ещё Фриц этой руны не видал.

– Это «Эйвас», – вдруг сказали у него над ухом.

Фриц подпрыгнул от неожиданности и торопливо прикрыл костяшку ладонью. Обернулся.

У стола, который он облюбовал, стояла девочка с кувшином и лепёшками, стояла и с любопытством наблюдала за его действиями. Худенькая, опрятная, ростиком чуть пониже Фрица, а годами, вероятно, чуть помладше. У неё было открытое лицо, зелёные глаза, курносый нос и рыжеватые кудряшки, выбивающиеся из-под накрахмаленного чепчика. Синее суконное платье было ношеное, в заплатках, но без дырочек и выглядело очень аккуратно. Фриц был так поглощён своим делом, что совершенно проворонил её появление и теперь сидел, тараща глаза и скомкав в кулаке мешочек с рунами. Девчушка тем временем улыбнулась, поставила кувшин и хлеб на стол и сделала книксен.

– Это ты сказала? – невпопад спросил Фриц.

– Я. Я сказала, что это «Эйвас», – терпеливо повторила она. Голосок у неё оказался неожиданно сильным для такой малявки.

– Где?

– Ну там, у тебя в кулаке, – указала она подбородком. – Ты ведь разбрасывал руны?

– Ну, – замялся тот, – как бы да.

– Ну так я и говорю, что тебе выпал «Эйвас». Руна лошади.

Фриц гулко сглотнул и крепче сжал вспотевшую ладонь.

– А он что-то означает?

– А ты не знаешь?

– Нет. А что?

Девочка пожала плечиком:

– Доверие и преданность, партнёрство, перемены, движение... много чего. А ты о чём их спрашивал?

– Да так, ни о чём. – Фриц был слегка ошарашен таким ответом и поспешил укрыть смутение за нарочитой грубостью. – А тебе-то это откуда знать?

– Меня дед научил, – простодушно пояснила та. – Он лоцман, много плавал, когда был молодой, и много знал. Когда моя мама вышла замуж, он очень ждал внука, но внук не родился, а родилась я. Так что он, когда со мной возился, много всякого мне порассказывал.

– Э-э, да? А где он сейчас?

Девчушка вздохнула и, как показалось Фрицу, слегка погрустнела.

– Дедушка умер, – сказала она.

– О... Прости, я не знал.

– Ничего. Как тебя зовут?

– Фриц. А тебя?

– Октавия, – представилась та. – Меня зовут Октавия.

– Ты что, прислуживаешь здесь, такая маленькая?

– Нет, что ты! – рассмеялась она. – Обычно я при кухне или на дворе. Сегодня просто хозяйки дома нет. И вовсе я не

маленькая, мне уже почти десять с половиной. – Она положила маленькую ладонь на горлышко кувшина. – Здесь молоко и хлеб. Чего-нибудь ещё хочешь? Тот бородатый господин сказал, что за тебя заплатит, если ты не будешь заказывать слишком много и слишком дорогое. И пива велел тебе не подавать. Это твой хозяин? Ты что, путешествуешь с ним, да?

– Ну... э... ага.

– Как здорово! Я так тебе завидую! – Глаза девчушки вспыхнули, но тут же погрустнели. Настроение у девочки менялось, как погода осенью. – А мне никуда не разрешают ходить, говорят, что я ещё маленькая, а я не маленькая, мне уже тринадцать... скоро будет. Так и сижу дома, кроме венка и тарелок на кухне ничего не видела. А вы откуда?

Фридрих насупился. Отвечать сразу расхотелось.

– Ниоткуда.

– Ой, – спохватилась та, – я тут болтаю, а ты, наверное, голодный. Так чего тебе принести?

– Мне? – растерялся Фриц. – Я бы съел... м-м... я бы съел... Я даже не знаю, – наконец признался он. – А что есть?

Девчонка задумалась. Подняла глаза к потолку, пошевелила губами. Тряхнула головой.

– Давай я принесу тебе кровяных колбасок и фасоли с подливкой, – предложила она. – Можно ещё поджарить треску – у нас хорошая треска, ледник ещё не успел растаять. А на сладкое блинчики. Потом, если надумаешь ещё чего-ни-

будь, скажи. Так как? Нести?

– Неси! – с облегчением распорядился Фридрих и так гулко сглотнул набежавшую слюну, что на мгновение устыдился, будто сделал что-то неприличное. Девчушка кивнула и, топоча по полу несуразными башмаками-деревяшками, убежала на кухню. Фриц проводил её взглядом.

Светловолосая, опрятная, зеленоглазая, она напомнила ему сестру, которую вместе с матерью арестовали и куда-то увезли солдаты инквизиции. Боже, неужели это всё произошло всего лишь прошлой осенью? Он так ничего и не узнал об их судьбе – сперва необходимо было просто уцелеть, потом добраться до травника, потом он заболел, потом поправлялся, а потом... потом...

Мальчишка вздохнул. Всё приходилось откладывать на потом. Беда только, что это «потом» никак не наступало. И сейчас, глядя на ладненько обтянутую недорогим сукном девчачью спинку, Фриц испытал болезненный укол забытой совести и вновь проснувшегося страха. Что с ними случилось? Где они? Куда их увезли? А главное – зачем? И как теперь найти их, самому оставшись незамеченным? И что делать дальше?

Когда зверь болен, то ему не до кормёжки, не до водопоя и вообще ни до чего. Какая-то потребность говорит ему, чтобы он искал целебную траву, чтобы он, беспомощный, залёг и спрятался куда-нибудь подальше, где его не тронут, не найдут. Фриц, как тот зверь, был тоже болен, болен тяжело и

навсегда своим ненужным, сладким и опасным даром – даром волшебства, с которым он не мог расстаться, равно как не мог и совладать. Браслет ли травника иль волшебство его же – что поставило препону на пути потока Силы, Фриц не знал, а если бы и знал, вряд ли осмелился её убрать.

«Где она, моя целебная трава?»

Он покосился на браслет, потом на руну на ладони и вздохнул.

– Значит, говоришь, «доверие и преданность», – пробормотал он. – Ладно, попробуем довериться.

Всё равно ничего другого в голову не приходило. Он спрятал костяшку в мешочек, а мешочек в карман, проверил, как там чувствует себя под рубахой Вервольф, разломил лепёшку и, не дожидаясь бородатого, принялся за еду.

* * *

...Две пары ног шагали по оттаявшей земле; две пары: первая – в сандалиях на босу ногу, ношенных, хотя ещё не ветхих, и вторая – в ладных, по погоде, тёплых башмаках. Шагали не спеша, задерживаясь на песке и островках пробившейся травы и обходя большие пятна нерастаявшего снега.

– Я не одобряю ваших методов.

При словах, произнесённых выше, башмаки остановились.

– Право слово, брат мой, я не совсем вас понимаю. Что вы хотели этим сказать? Что наши действия вам неприятны?

Остановились и сандалиии.

– Здесь не может быть «приятия» и «неприятия», любезный брат, поскольку эти термины неприменимы к решению Святой Церкви. Её слова – закон для доброго католика, такой же, как Священное Писание, и инквизиция не исключение. Я счастлив оказать вам помощь и гостеприимство. Но не могу не отметить, что вам, последователям святого Доминика, свойственно больше внимания уделять целям, нежели средствам.

– Вы так полагаете?

– Да. Я так полагаю, – прозвучало после паузы. – Я мало имел дело с посланцами святейшей инквизиции, но большинство этих встреч не оставили у меня хороших воспоминаний. Не сухая рассудочность и суетная учёность, а всепоглощающая любовь к богу открывает спасительную истину. А ваш деятельный ум, ваша *пытливая* натура заставляет вас доискиваться истины любым, зачастую далеко не лучшим способом.

Некоторое время царила тишина: похоже, собеседник оценивал каламбур. Затем шаги возобновились.

– Что ж, это тоже точка зрения, она вполне заслуживает права на существование. Я сожалею. Но надеюсь, что моё пребывание здесь позволит вам изменить её.

– Я тоже искренне на это... надеюсь.

Снова пауза, но её, в отличие от первой, смог бы различить лишь очень опытный и ловкий диспутант.

Геймблахская обитель просыпалась. Только что прошли заутреня и завтрак. Монахи-бернардинцы расходились на дневные работы, всюду царила сосредоточенная молчаливая суета. Не было никого постороннего: в отличие от прочих орденов, цистерцианцам не позволялось жить чужим трудом, соответственно у них и не было зависимых крестьян. Поблизости располагалось с полдесятка деревень, но то были деревни не вассальные, а самые обычные.

Место для обители было выбрано исключительно удачно. Монастырь располагался в живописнейшей низине и был относительно новым, ему не исполнилось и двух веков. Такое случалось нечасто: цистерцианцы предпочитали закладывать свои обители «в пустыни» – в ещё не обжитых человеком местах, ибо только в бедности и простоте надеялись осуществить устав святого Бенедикта досконально. Когда-то здесь и впрямь была болотистая пустошь, которую не взялись поднять даже трудолюбивые фламандские крестьяне. Сам монастырь был строг, без всяческих излишеств и архитектурных украшений, монахи одевались в небелёный холст, но наблюдателю со стороны не стоило наивно думать, что обитель была нищей – цистерцианские монастыри подобны Ноеву ковчегу, на который братья собрали все богатства, оставив снаружи запустение. Грамотно построенный и полностью независимый от внешнего мира, при случае мо-

настырь смог бы даже выдержать недолгую осаду – братия вполне обеспечивала себя всем необходимым. Небольшое озерцо в пределах стен снабжало обитель чистой водой – вот и сейчас брат Себастьян мимоходом пронаблюдал, как пятеро конверсов⁸ тащат сачком большого зеркального карпа. Наверное, подумал монах, так и должна выглядеть жизнь, обустроенная сообразно божественным заповедям, и аббатства *sacer ordo cisterciensium*⁹ являли тому осуществлённый пример. Несуетливые, похожие скорее на пчёл, чем на муравьёв, приверженные в большей степени труду, нежели монашеской аскезе, бернардинцы больше времени проводили в поле, на скотном дворе или в винограднике, чем в скриптории, школе или храме за богослужением. Они мало что значили в духовной жизни мира, отторгали городской уклад, но в устройстве хозяйства, в освоении земель и разумном их использовании им не было равных.

Настоятель монастыря, аббат Микаэль, был невысок и основателен. Черноволосый, с крупным носом, с глазами навывкате, он шёл, сосредоточенно глядя перед собой, грел руки в рукавах рясы и мало обращал внимания на происходящее вокруг. Это его сандалии с коротким хрустом подминали схваченную поздним инеем зелёную траву.

---

⁸ *Conversi* (лат. «обращённые») – выходцы из сельской бедноты, которые хотя и принимали монашеские обеты, но жили отдельно от основной братии и выполняли основные хозяйственные работы.

⁹ «Святой орден цистерцианцев» (лат.).

Башмаки носил брат Себастьян.

— Что вы намерены делать? — после некоторого молчания спросил аббат. — Как поступите с девицей?

— Я думаю над этим.

Холодный ветер пах не снегом, но уже дождём, весенний лёд стеклил пустые лужи, над головой незатейливо цвиркали ласточки, слепившие под козырьками монастырских крыш такую прорву гнёзд, что их хватило бы на пропитание не одной дюжине китайцев, которые, как известно, до них весьма охочи. Солнце помаленьку начинало пригревать. Когда отряд испанцев больше месяца тому назад притопал в монастырь, царили холода, теперь же всё в природе говорило, что весна не за горами.

Что касается их юной пленницы, её судьбы и дальнейшей участи, то тут брат Себастьян не торопился. Удалённое от городов, спокойное, надёжное и тихое аббатство бернардинцев было удачным местом, чтобы остановиться и как следует подумать.

А подумать было о чём.

Брат Себастьян испытывал странное ощущение, сродни тому, которое, должно быть, чувствует охотник, много лет преследующий дичь, но находящий только клочья шерсти, капли крови и остывшие следы. Сейчас же, если продолжать придерживаться этих аналогий, в челюстях капкана оказалась лапа, намертво зажатая и потому отгрызенная бестией, в борьбе за жизнь пожертвовавшей малым, чтобы сохранить

большое. И даже если двести раз сказать себе, что тварь действительно мертва, успокоение не наступало, ибо не было главного свидетельства успеха – тела.

А лапа... Мало ли какая, от кого и где осталась лапа!

Лис ускользал, подбрасывая инквизитору одну загадку за другой, может, с умыслом, а может, непроизвольно, пока наконец не исчез совсем, подбросив напоследок самую большую. Девушка, захваченная в лесу близ рудника, как та «оторванная лапа», вынутая ловчим из капкана, оставалась для священника загадкой. Кто она? Откуда? Как её зовут? Зачем была при травнике? Куда бежала, почему? Куда исчез её товарищ, да и был ли мальчик? Какое колдовство им застило глаза во время штурма дома и каким бесовским наваждением убило астурийского наёмника?

Кто был отцом её покамест нерождённого ребёнка?

Как это могло произойти-то, наконец?

Когда брат Себастьян поднял вопрос о содержании пленницы под стражей, настоятель был против присутствия женщины на территории монастыря, но в интересах следствия такое дозволялось, и ему пришлось уступить. Первое время её держали в помещении для раздачи милостыни, потом перевели в лечебницу, и наконец – в странноприимный дом, где девушке, по крайней мере, можно было обеспечить должные уход и содержание и не особо напрягаться, выставляя стражу: окон было мало, находились эти окна высоко, а дверь наружная была одна и крепко запиралась.

Там же разместили и охрану.

* * *

...Две пары рук неспешно перебрасывались картами; две пары: одна – с мосластыми суставами, неряшливыми сбитыми ногтями на коротких пальцах, жёлтая от табака, и вторая – поухоженней, почище и с кольцом на среднем пальце правой. Перебрасывались резко, но без напряжения: день только-только начался.

– Восьмёрка.

– Дама.

– Ну а мы её тузом, тузом! Ага? Что скажешь?

– Что скажу? А вот тебе на это тоже туз! И вот ещё один. И вот ещё.

– Dam! – руки с кольцом задержались, сложили и бросили карты. – Ну и везёт же тебе, ты, старый sacra plata!¹⁰

– Хорош ругаться, гони выигрыш.

Кольцо было недавно выигранным, сидело неплотно, стянулось легко. Звякнуло и закрутилось, словно золотистый шарик. Упало. Легло. Первые руки подхватили его и преловко надели на палец.

– Ну что, ещё разок?

– Сдавай.

---

¹⁰ Вымогатель денег (*исп.*).

Два испанских солдата несли караул в комнатухе возле входа. Странноприимный дом был пуст: бродяги и нищие с наступлением тёплых деньков спешили разойтись по городам в надежде захватить пораньше паперти, трактирные задворки, берега каналов и другие хлебные места, в лечебнице тоже почти никого не было, кроме пары простудившихся монахов и двух больных, на днях постриженных *ad seccurendum*¹¹: им в общей монастырской спальне было слишком холодно, да и уход требовался. Никто караульщиков не тревожил – брат Себастьян пребывал в размышлениях, десятник пьянствовал и спал, изловленная дева тоже не доставляла неприятностей. Приятели дули вино и резались в карты.

Алехандро сгрёб колоду со стола, вложил рассыпанные карты, постучал, чтоб подровнять, и начал тасовать, сверкая жёлтым ободком на безымянном пальце.

– Альфонсо, *compadre*, везенье тут вовсе ни при чём, – наставительно проговорил он. – Ведь что такое игра? Игра – это *quazi una fantasia*. Она, если хочешь знать, почти искусство, а в искусство надо верить, иначе никакое везенье тебе не поможет, хоть тресни. А ты сидишь, ходы просчитываешь – сколько, где, куда, и думаешь, что угадал.

– Будто ты не просчитываешь.

---

¹¹ *Ad seccurendum* (лат.) – особая «ускоренная» форма пострижения в монашество для тяжело заболевших и ожидающих скорой смерти – считалось, что это увеличит их шансы на спасение души.

– Есть такое. Только всего не просчитаешь. Взять хотя бы нашего Хосе: ты б сел играть с ним?

Родригес поморщился:

– Что-то не особо хочется.

– А-а! – Алехандро дал партнёру срезать, раскидал и важно поднял палец. – То-то и оно. А он считать умеет только до пяти. – Он развернул карты веером. – Что у тебя?

– Десятка.

– А, *caspita!* Тройка. Заходи.

По грязному столу зашлёпали карты. Фортуна, вопреки пословице, на этот раз себя явила женщиной непеременимой: так же быстро, как и первую, Родригес проиграл вторую партию, после чего взгляды обоих задержались на бутылке.

– Угу?

– Угу.

Вино забулькало по кружкам.

– А неплохо здесь, – опустошив свою до дна, довольно ощерился Санчес.

Альфонсо тоже оторвался от кружки, перевёл дух и потянулся за сыром.

– Что говоришь? – спросил он.

– Неплохо здесь, я говорю. – Санчес вытер подбородок и усы. – Когда пришли сюда, я, грешным делом, подумал: всё, Санчо, отбегался, сиди теперь в монастыре, карауль эту чёртову девку, набирайся святости и пой псалмы, пока хрен не отсохнет. Ан нет: жратва хорошая, тепло, а вино вообще

нектар, а не вино. И кислит, и сладит, и в голову ударяет. Не иначе им сам бог виноград помогает растить. Одна беда – делать нечего, даже подраться толком не с кем, и до девок топать далеко.

– Ничего, как станет потеплее, дальше пошагаем.

Алехандро с сомнением покосился на собеседника:

– Думаешь?

– Угу. Вон и Мануэль так говорит. Сам посуди: была б нужда, padre Себастьян давно уже собрал бы тройку и провёл дознание, а он чего-то ждёт.

– А чего он ждёт?

– Бог знает. Может, посоветоваться хочет с кем-то знающим, а может, хочет заседать в привычной обстановке. А может, просто ищет толкового экзекутора. Но между нами, – тут солдат на всякий случай огляделся и наклонился к собеседнику, – между нами говоря, я думаю, что если мы на днях отсюда не уйдём, то просидим здесь ещё полгода, а то и больше.

– Это почему?

– Да потому. Смотри сюда. Una baraja¹². – Родригес перебрал рассыпанные карты, вытащил даму треф и положил её картинкой кверху для наглядности. – Мы эту девку взяли? Взяли. Так вот, смекаю так: сама она сознаться не захочет, а свидетелей-то нет, один лишь Михелькин с ножом.

Из колоды вслед за дамой явился валет и, вопреки всем

---

¹² Колода карт (исп.).

правилам, наискосок лёг поверху.

– Так?

– Так. – Алехандро, насупившись, сосредоточенно наблюдал за происходящим.

– А если так, тут надобен juez de letras¹³, чтобы засудить, а никакой не инквизитор, – торжествующе сказал Родригес, снова перебрал колоду, отыскал там короля и побил им обе карты. – Но тогда её наверняка утопят. (Он перевернул все три.) А padre Себастьяну... (тут он подобрал пикового туза и положил его поверх всех прочих) ...padre Себастьяну этого не надо, он, должно быть, хочет разузнать, чего с ней там творилось, на поляне, а не в том хлеву, с Мигелем. Он потому и пришёл к местному аббату, чтобы делу раньше времени не дали ход. (К раскладу присоединился ещё один король.) А то, что Лиса не поймали, так и ладно: «Mas vole pajarо en mano que buitre volando»¹⁴. От нашей cuadrillo¹⁵ только и требуется, что быть наготове и перебить всех, кто мешает.

Он выложил рядом четыре десятки и валета червей, у которого даже на рисунке была какая-то пьяная рожа, навалился грудью на стол и умолк.

– Хм-м! – вынужден был признать Эскантадес и поскрёб ногтями выпирающий из-под распахнутого камзола живот. – Ну у тебя и голова, Альфонсо! А зачем нам сидеть и ждать

---

¹³ Уголовный судья (*исп.*).

¹⁴ Поговорка: «Лучше птичка в руке, чем летающий коршун» (*исп.*).

¹⁵ Бригады (*исп.*).

полгода?

– Дурак ты, Санчо.

– Почему это я дурак?

– Нипочему. Подумай сам. Девчонка беременна?

– Беременна, – согласился тот.

– Вот и придётся ждать, чтоб посмотреть, кто народится.

А это, если отсчитать от девяти по месяцам, получится никак не меньше, чем полгода.

– А-а...

– Ага. Наливай.

Они разлили и выпили. Санчес снова оглядел расклад.

– Да. Это ты понятно расписал. Ну ладно. А если всё-таки нам кто-то помешает?

– Кто?

– Ну не знаю. Всякое может быть.

Родригес подкрутил усы, подобрал туза, изображавшего в раскладе брата Себастьяна, усмехнулся и постучал по нему пальцем.

– Эту карту, *compadre*, вряд ли кто сумеет перебить.

– Серьёзно? – Санчес пошарил в картах, взял одну, перевернул и показал Родригесу: – А эта?

В руках у Эскантадеса был джокер.

* * *

...Две пары глаз смотрели вниз на монастырский двор;

две пары: одни – мужские, светло-серые, как выцветшее дерево, наполнились затаённой болью, вторые – женские, с пушистыми ресницами, с глубокой карей радужкой, устало-равнодушные, были пусты.

В монастыре её не трогали. Какая-то часть девушки ещё боялась – боли, пыток, холода, огня, неволи, одиночества, но в душе уже поселились онемение и безразличие. И если бы не зреющая у неё во чреве жизнь, маленькая, беспомощная, незащитная, кто знает, что бы было. Может быть, она давно уже рассталась бы с жизнью. Не наложивши руки на себя, а просто бы ушла, ибо с этим миром её уже ничего не связывало. Когда она поняла, что беременна, она ждала каких-то материнских чувств, ждала, когда её душа наполнится любовью, нежностью, ждала, ждала, но ничего не приходило. Не мучили её и мысли о себе на тему «Боже, какой ужас: я скоро стану похожей на веретено!», обычные для женщин, забеременевших в первый раз. Что до всего остального, то тут госпожа Белладонна была совершенно права: здоровому юному телу требовались только отдых и покой. *Высокий* не солгал: все её хвори отступили. Холод и снег канули в прошлое, сменившись солнцем и дождём, дороги превратились в страшный сон, над головой была надёжная крыша, а монастырские бани помогли избавиться от блох и вшей, так донамавших странников в пути. Дверь, отрезавшая девушку от мира, мало что изменила в её нынешнем положении – ну куда бы она сейчас пошла, куда? Домой, где про неё давно за-

были? В трактирчик к тётке Вильгельмине, зарабатывать кусок вязанием? К базарной повитухе с опустевшими глазами, помогающей девчонкам избавляться от ненужного ребёнка? Нет, сейчас ей было некуда идти.

Но одно чувство всё же к ней пришло. По большому счёту Ялке было всё равно, что с нею будет. С нею, но не с ребёнком. Всё равно кто, мальчик ли, девочка, он не должен был умереть. Беспокойство не давало ей свалиться в эту пропасть. Не давало свалиться, но и только.

Её больше не били и не унижали. Брат Себастьян молчал, не угрожал и не запугивал, а после первого, довольно обстоятельного допроса, на котором Ялка не сказала ничего, почти не говорил с нею. Сейчас она думала, что, если б говорил, ей было б легче. Быть может, это тоже было частью замысла доминиканца.

О чуде, от которого произошёл такой сыр-бор, она не вспоминала — объяснить его монахам Ялка не смогла бы, да и не хотела, а других причин думать об этом у неё не было. Бледная и бессловесная, она стояла у окна, отрешённо глядя на двор и положив ладони на живот, который всё никак не округлялся. Окно ей позволяли открывать. Тянуло холодом, но так ей было легче: от свежего воздуха отступала тошнота. Госпожа Белладонна сказала ей, что надо потерпеть — недомогание скоро должно пройти.

Завтрак на столе в очередной раз остался нетронутым.

Глаза с другой стороны двора, серые, мужские глаза, при-

надлежали Михелькину, простому парню из фламандской деревушки, бросившемуся за испанскими солдатами и их предводителем, чтобы отыскать свою обидчицу, а им помочь настичь добычу.

Он отыскал.

Они настигли.

Михелькин ненавидел себя за это.

За эти два-три месяца в нём что-то изменилось, и он никак не мог определить, сломалось это «что-то» или проросло. Нормальный взрослый парень, уже не мальчик, но и не мужчина, он никак не ожидал, что так тяжело перенесёт известие о тягости своей мимолётной подружки. Мало ли кто, мало ли с кем – такая уж у женщины природа, что приходится рожать, тут ничего не поделать. Наверняка у многих было так, что понесла деваха, с которой только малость повалялись на траве, что тут такого? Всякое бывает. Но сейчас, когда он своими руками загнал девушку в ловушку, он чувствовал себя последним подлецом и перед ней, и пред собой. Такого с ним раньше не случалось.

Бог знает, на что он надеялся, когда предлагал монаху и солдатам свою помощь в отыскании девчонки. Думал, что её допросят и отпустят? Или передадут ему? А что потом? Он что, её побил бы? Оттаскал за волосы? Второй раз поймел? Ударил бы ножом, как сделала она? При воспоминании об ударе шрам под рёбрами заныл, Михель потёр живот, поморщился и снова бросил взгляд на монастырский двор, где про-

гуливались и о чём-то разговаривали настоятель и брат Себастьян (последнего было легко отличить от других монахов по цвету и покрою рясы, а разговаривал он, скорее всего, с аббатом, братом Микаэлем, в некотором роде тёзкой Михелькина). Возле озера виднелась крупная фигура Смитте с лысой головой.

Весть о внезапном будущем отцовстве была всего лишь первым из откровений, снизошедших за последние три месяца на Михеля, но вряд ли многое бы изменилось, не случись подобного. Хотя ребёнок, эта маленькая жизнь, в возникновении которой был отчасти виноват и он, тоже сыграл свою роль.

Это он попался в ловушку, он, Михель, а вовсе не девочка. Это был капкан, который он отныне обречён носить в своей душе, его карманная тюрьма, его невидимые цепи. Промолчи он тогда в трактире, не скажи испанцам ничего про девушку и свою рану, и в худшем случае её посчитали бы обманутой жертвой, а теперь...

Михелькин прерывисто вздохнул и закусил губу. Ему хотелось сделать себе больно, как-нибудь отвлечься от того огня, который жёг его изнутри. Что бы теперь ни случилось, оправдали бы его раз сто или двести, Михель понимал, что ничего от этого не изменится.

Душу, как лапу, ему не отгрызть.

Наверное, в этом не было ничего особенного, и человек постарше, умудрённый опытом, легко бы объяснил ему, в

чём дело, но такого человека рядом не было: солдат интересовали только выпивка, оружие и бабы (именно в таком порядке), а монаху Михелькин довериться боялся. А между тем зачастую лишь умение чувствовать чужую боль, умение сопереживать и отделяет детский ум от взрослого. Михелькин ещё не понимал, только чувствовал, как из юнца становится мужчиной, как обезьянье ухарство, задиристость, рисовочка и подражание сверстникам уступают место здравомыслию, тревоге и ответственности за свои поступки и решения. Запоздалое раскаяние было следствием, но не причиной.

Но и сейчас он не знал, прав он или нет. Что, если девушка в самом деле была ведьмой? В самом деле помогала травнику в его бесовских игрищах, а Сатане пособничала низвергать людские души вниз, в Инферно, в самом деле была дьявольским суккубом, сосудом мерзости и греха, что тогда?

Мерзости... греха...

Михелькин опустил веки и прижался головой к вспотевшему стеклу в надежде остудить разгорячённый лоб. Сердце колотилось как бешеное, оконная полоска переплёта сероватого свинца глубоко вдавилась в переносицу. Отстраняться он не стал, решил терпеть. Кулаки его сжались. Это ЕГО греха и мерзости она была сосудом. Это за ЕГО грехи с ней приключилась эта мерзость. Что было в том лесу, ещё предстояло разобраться. Но в одном он был уверен.

– Это *мой* ребёнок, – сдавленно сказал он сам себе и

несколько раз повторил, словно пробуя слово на вкус: – Мой, мой. Я никому его не отдам.

Михель открыл глаза и вздрогнул, наткнувшись на взгляд своего отражения с той стороны. Лицо было его и в то же время будто не его – какое-то прозрачное и бледное, разбавленное светом дня; оно молчало, напряжённо глядя на Михеля, и будто чего-то ждало.

– Я должен что-то сделать, – сказал он.

Отражение повторило.

* * *

– Многие считают, что куклы годятся только для забавы малышни. Аб-со-лютная чушь! Мой юный друг, я скажу тебе прямо: куклы могут многое. Почти всё, что могут люди. Если, конечно, их должным образом направить. Но ведь и о людях можно сказать то же самое! Si. Ну-ка передай мне вон тот нож.

Отлаженная и поставленная на ровный киль «Жанетта» неторопливо двигалась на север. Плеск воды успокаивал. От окрестных полей тянуло запахом оттаявшей земли.

Баас Карл облюбовал местечко на корме за палубной надстройкой, где дымился маленький очаг, для безопасности обложенный камнями, и занялся починкой реквизита. Сундуки и коробки уложили под навес. Всё туда не вошло, пришлось нагромоздить их пирамидой друг на дружку, а боль-

шой барабан бородач взял себе, чтобы на нём сидеть. Фриц обошёлся досками настила, благо те были сухие. Сейчас кукольник развернул большущий кожаный пенал со множеством карманов и карманчиков, в которых помещались разные кусачки, щипчики, ножи, резцы и прочий инструмент, достал из сумки чурбачок мягкого дерева и всецело углубился в работу по вырезанию нового «артиста».

– Кукла – это не просто деревяшка с ручками и ножками, не просто чурбачок, завернутый в тряпье. О, кукла – это целая наука! – Он оторвался от работы, придирчиво отодвинул заготовку подальше от глаз и повертел, рассматривая со всех сторон. Поправил очки и снова принялся вырезать на будущей кукольной голове не то глаза, не то рот. – Scuzi, о чём я? A, si. Кукла входит в нашу жизнь с раннего детства, лежит с ребёнком в колыбели, потом в детской кровати, сидит с ним за одним столом, потом показывает его со стороны на представлениях и, наконец, замирает над ним после смерти надгробной фигурой. Si. На куклах человек, не побоюсь этого сказать, учится жить! Порой актёр, как бы ни был он смел и находчив, не может высказать толпе всё, что он думает. Он прибегает к маске, но бывает, что и маска не спасает. Знал я одного актёра, он раздобыл шкуру медведя с головой, которая снималась вроде шапки; он натягивал эту шкуру на себя, а голову медведя надевал на собственную голову и из неё вещал. Он говорил такие вещи, рассказывал такие истории, так ужасно веселил народ, что многие вельможи стали

недовольны. А когда стража в городе, в который он заехал выступать в тот раз, затеяла его арестовать, он всё свалил на медведя. И знаешь что? В итоге властям пришлось арестовать медвежью шкуру! – Тут Барба рассмеялся. – Si. Бедняга долго потом не мог выступать, потому что новую шкуру ему было достать неоткуда. А куклу можно вырезать за полчаса, если, конечно, знаешь, как это делается.

Фриц лежал, полужакрыв глаза, слушал речи своего нанимателя и задумчиво наблюдал за проплывающими мимо деревеньками, полями и корявым редколесьем. Слушать было забавно, а вот смотреть по сторонам не очень. Гораздо больше его увлекало то, как двое лодочников (их звали Ян и Юстас) споро, слаженно орудуют шестами. «Жанетта» шла вниз по течению, тягловые лошади не требовались, но и отдавать свой чёлн на волю волн каналыщики не собирались. Ветер был попутным, на единственной столбовой мачте лихтера подняли парус, но бездельем не пахло: обоим приходилось всё время трудиться, направляя барку, чтобы та держалась середины канала, где глубже. Фрицу всё в них нравилось: их красные колпаки и крепкие нагие спины, мокрые от пота, их ловкие, уверенные жесты и движения, их ругань и сальные шуточки, которыми они перебрасывались с командами встречных барок и плотов, их предостерегающие возгласы: «Йосс!», «Скуп!», «Топляк!», «К'пуф!» или «Ой-оп!», которыми парни давали знать, с какого борта надо подтолкнуть, или что навстречу движется баржа и надо срочно принять

вправо, или что что-то упало за борт – у них, как у моряков, была своя система знаков и словечек, а уж по части ругани баржевики считались непревзойдёнными мастерами. Фриц находил это дело очень увлекательным. На какое-то время ему даже захотелось стать таким же, как они, носить красный колпак или шляпу лоцмана, непринуждённо, с ловкостью орудовать шестом, махать руками девушкам на берегу и скалить зубы экипажам встречных лодок. Но скоро солнце припекло, его сморила лень, и теперь Фриц просто лежал, сонно смежив веки и изредка вставая, чтобы передать бородачу какой-нибудь буравчик или штихель.

– А много у вас кукол, баас Карл? – спросил он, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

Господин Карл Барба поправил очки, с неудовольствием заметил множество застрявших в бороде стружек и вытряхнул их.

– Не очень много, Фриц. Не очень, si. Но мне хватает.

Он отложил заготовку, встал, с усилием откинул крышку самого большого сундука, перегнулся через его край и с головой зарылся в ворох тряпок, долженствующих, вероятно, изображать собою декорации. В солнечных лучах закрубилась пыль. Заинтригованный, Фриц приподнялся на локтях и наблюдал. Наконец Барба вынырнул наружу. В руках его был белый бесформенный ком, из которого торчали какие-то палки.

– Обычно я не даю больших представлений, – сказал он,

отдуваясь и вытирая пот. — Управляться с ниточными куклами без помощников сложновато, больше чем с двумя я не справляюсь, разве только примостить одну заранее где-нибудь в уголке сцены. Но я исповедую жанр *commedia dell'arte* — «комедию масок», а там не требуется много действующих лиц.

— Комедию масок? — повторил Фриц. — А что это?

— Ты ни разу её не видел? Её придумали в Италии, но и у вас её играют часто. Странно, что ты её не видел. А впрочем, да, ты ведь немец. В ней нет готовых персонажей, только маски с именами, как актёры. Есть много готовых пьес, которые они разыгрывают меж собой, но обычно я придумываю их по ходу дела: никогда не знаешь, чего народу захочется. Обычно их играют настоящие, живые люди, но у меня дома, в Сицилии, это театр марионеток. Смотри, я тебе сейчас покажу.

И он развернул свёрток, на поверку оказавшийся грустной куклой в белом балахоне с большим плоёным воротником и в чёрной шапочке, сидевшей на его затылке, как ореховая плюска. Господин Карл осторожно уложил куклу на палубу, сунул бороду в карман, залез с ногами на сундук, чтобы растянуть на нужную длину марионеточные нити, взял в одну руку крестовину, а в другую — перекладину и... кукла ожила! Фриц заворожённо наблюдал, как она поднимает голову, медленно встаёт и смотрит вверх, а после обращает к нему белое лицо с нарисованной слезой под правым глазом.

– Вот видишь? – сказал бородач, преловко двигая верёвками и палочками. – Видишь, si? Его зовут Пьеро.

– Почему он такой грустный? – спросил Фриц.

– О, это грустная история, мой мальчик. Si, очень грустная. От него ушла невеста.

Кукла разом сникла и закрыла лицо рукавами широкой рубахи. Затряслась в рыданиях. Нити, тянущиеся к её рукам, ногам и голове, были почти незаметны, и всё происходящее походило на волшебство.

– Она пропала. Изменила. Убежала от него. Ушла к другому, si. Он ничего не ест, страдает и пишет стихи.

– А к кому она ушла?

– А! – Господин Карл отложил белую куклу, спрыгнул с сундука, откинул крышку и извлёк наружу нечто яркое, цветастое, с бубенчиком на колпаке и ухмыляющейся рожицей. Опять залез наверх, расправил нити и явил новую куклу во всей красе.

– Это Арлекин! – объявил он.

Раскрашенная кукла ухарски притопнула ногой и закружилась в пляске, помахала мальчику рукой и показала «нос». Фриц не удержался и хихикнул.

– Он слуга и озорник, бездельник и дурак, хитрец и забияка, он часто поколачивает остальных, особенно Пьеро. Si, где драка, там ищи его! Где он, там плутни и проделки.

– Это к нему и ушла невеста Пьеро?

– Scuzi? А, да, si. Её зовут Коломбина. Вот она. – Он сно-

ва слезал в ящик и достал оттуда куклу-девочку в цветастой юбке, тотчас выдавшую пару па жеманного затейливого танца и пославшую мальчишке воздушный поцелуй.

– А ещё кто есть?

– О, много кто. – Карл-баас опустил марионеточные крестовины и устало сел на крышку сундука. Извлёк из кармана бороду, потом носовой платок, вытер пот и в обратном порядке сунул их обратно. – Я не стану сейчас всех доставать и показывать: ты их всё равно потом увидишь. Есть Панталоне, старый купец, он глупый и жадный, его все обманывают. Ещё есть его слуга Бригелла, он друг Пьеро и Арлекина. А вот Скапино или Скапен, – хитрец и ловкий плут. Есть Доктор – болтун и шарлатан, а есть Тарталья – он учёный и педант. А есть ещё Капитан, такой трусливый пьяница со шпагой, а ещё Октавио, Лусинда... И ещё есть Пульчинелла, здесь его зовут Полишинель. Как раз его-то, – он кивнул на нож и заготовку, – я сейчас и вырезаю.

– Разве его у вас до того не было?

– О, его, вместе с Капитаном, конфисковал у меня настоящий капитан городской стражи, когда мы в последний раз давали представление. Тогда, кстати, мне пробили барабан, а моего слугу изрядным образом поколотили. Видно, после этого он и решил, что с него хватит, и при первой возможности дал дёру. Вот я и делаю нового.

– Слугу?

– Полишинеля!

Фриц заметил, что хозяин начинает сердиться, и поспешил исправить положение, хотя про себя решил попозже выяснить, за что такое их поколотили стражники.

– Ох, вы так ловко с ними управляетесь. Честное слово! Я даже как-то забыл, что это вы там, наверху, ими шевелите. Они у вас... будто сами двигались.

Бородач усмехнулся.

– Ах, друг мой Фрицо! Любое искусство полно тайн. Ты сам не подозреваешь, как ты близок к истине. У каждой куклы есть l'аnîma – душа. У каждой есть характер и свои замашки. Не поверишь, – тут Карл-баас огляделся, наклонился к Фридриху поближе и, понизив голос до заговорщического шёпота, проговорил из-под руки: – Ты не поверишь, но иногда мне самому кажется, что мои куклы... живые!

И в этот момент в сундуке кто-то чихнул.

Фриц вздрогнул. Кукольник тоже вздрогнул и изумлённо вытаращился на него. Глаза его за стёклами очков стали круглыми и неправдоподобно огромными.

– Будь здоров... – несколько неуверенно сказал он.

– Спасибо, баас Карл, – слегка дрогнувшим голосом поблагодарил его Фриц, – только я не чихал.

– То есть как не чихал? – удивился тот. – Я только что слышал, как кто-то чихнул!

– Я тоже слышал, баас Карл, но это был точно не я!

– Как не ты? Уж не хочешь ли ты сказать, что это я сам чихнул и не заметил, как чихнул?

– Н-нет... – замялся Фриц.

– Тогда кто же? А?

– По правде сказать, я думаю, это у вас в сундуке. – Фриц указал пальцем.

Канальщики на носу баржи прервали работу и теперь с интересом прислушивались к разгорающемуся спору.

Кукольник надулся и сердито запыхтел.

– Деточка, этого не может быть! – объявил он. – Куклы не чихают. Тебе слышалось. И вам, – он обернулся к речникам, – слышалось!

Те молча пожали плечами, выплюнули за борт две струи табачной жвачки и вернулись к работе. Как раз в воде мелькнул топляк, и один из парней поспешил его оттолкнуть.

И тут в сундуке чихнули ещё раз!

Бородач испуганно вскочил, будто под сиденьем у него взорвалась пороховая мина, мгновенно развернулся и откинул крышку сундука. Отступил назад и опасливо потыкал кучу тряпок кончиком зонта.

– Эй, кто в сундуке? Выходи!

Сперва ничего не происходило. Фриц даже уверился, что им почудилось. Потом в глубине сундука возникло шевеление, будто кто-то пробирался вверх со дна, покрывала задвигались, и на свет вынырнула рыженькая девчоночья головка, размерами немногим больше кукольной. Девочка моргала на свету и виновато смотрела на Фрица и на господина Карла, а Фриц и господин Карл – на девочку.

– Здравсьте, господин Барба... – Она встала, попыталась сделать книксен и едва не утонула в театральных тряпках.

– Мамма mia! – наконец изрёк бородач. – Что ж это? Это что ж?! Как ты сюда попала?! – Разгневанный, он обернулся к Фрицу: – Это ты её там спрятал?

– Господинкарабас, господинкарабас, – глотая слоги, зачастила Октавия, умоляюще сложив перед собой ладошки, – не бейте Фрица, он не виноват! Он ничего не знал. Я... я сама забралась к вам в сундук. Без спросу.

– Но зачем? Зачем, porca Madonna?!

– Чтобы попутешествовать с вами, – простодушно призналась девчонка.

Юстас выругался и упустил свой шест.

* * *

Слежку Зерги заметила сразу. То есть, конечно, не сразу, а как только отъехала от лагеря настолько, чтобы тот скрылся из виду. Однако заметила. Преследователь, может, действовал по-своему умело, но при этом не учёл, что лес обманчив: звук в лесу разносится не как в городе – пусть глуше, но и дальше, с хрустом веточек под сапогами и копытами, с тревожной тишиной умолкших птиц и сорочинным треском по верхам. Ему бы не спешить и ехать по следам, как делают охотники, а он ломился напрямую. А не всегда короткий путь действительно короткий. Зерги усмехнулась, под-

дала каблуками, а как добралась до развилки, спешила и отвела коня назад по молодой траве за зеленеющие заросли.

И затаилась.

Минуты через две раздался стук копыт, и на развилке показался всадник, как Зерги и предполагала – Рутгер. Без шляпы, весь в испарине, он придержал кобылу, повертел белёсой головой, пару раз наклонился к земле, задумчиво потёр небритый подбородок и наконец решительно свернул направо, очень скоро скрывшись за деревьями. Зерги проводила его пристальным взглядом, опустила арбалет и плюнула. Растёрла сапогом.

– Вот ублюдок! – процедила она сквозь зубы. – Всё же увязался. *Vu Got*. Ну ничего, ещё посмотрим, кто кого пасёт.

Она вложила ногу в стремя, забралась в седло и двинулась в обратную сторону. Не доехав мили полторы до лагеря, свернула незаметной стёжкой, пробралась по дну ручья в сыром овражке и вскоре оказалась на другой дороге, по которой сразу погнала коня галопом на восток. Прошло не больше получаса, Зерги даже не успела разувериться в своей догадке, а впереди уже маячили два верховых силуэта. Толстая фигура восседала на ослике, худая – на лошади. Заслышав топот, обе обернулись, придержали скакунов и теперь молча наблюдали за её приближением. Девушка отбросила за спину капюшон и на всякий случай пустила коня шагом.

Золтан хмуро смотрел ей в глаза, на лице его не дрогнул ни единый мускул. Руку из-под плаща он так и не достал.

– Ну, – сказал он, едва лишь расстояние позволило им говорить, не повышая голоса. – Что теперь? Зачем ты догнала меня на этот раз?

Зерги остановилась. Отбросила чёлку со лба. Приезд её, похоже, Золтана ничуть не удивил.

– Хочу поговорить наедине, – сказала она.

Золтан поднял бровь:

– Вот как? Забавно. Что ты хочешь мне сказать?

– А ты уверен, что я хочу тебе что-то *говорить*?

Хагг усмехнулся.

– Эх, Зерги, Зерги. – Он покачал головой. – Твой несносный характер рано или поздно доведёт тебя до трёх ступенек... или до речного дна. Ты что, гналась за нами, только чтобы в очередной раз мне нахамить? Эй, опусти свой игломет! Я без оружия. – Он медленным движением вынул руку из-за пазухи и демонстративно покрутил пустой растопыренной ладонью. – Видишь? Я перчатку потерял. Рука замёрзла.

– Не верю.

– Как хочешь, твоё право. Ну так чего тебе от меня надо?

Иоганн молчал. Зерги поколебалась и всё-таки рискнула с ними поравняться.

– Хотелось бы кое на что взглянуть.

– На что, на что?

– Не знаю. – Девушка тряхнула головой. – Я не знаю. Но *ты* знаешь, потому что эта штука у тебя. И мне ты её не показал.

– Не понимаю.

Почуяв настроение хозяйки, конь под ней оскалил зубы и затанцевал куда-то вбок. Зерги коротким движением поводьев вернула его обратно.

– Хватит вилять! – сказала она неизвестно кому (Хагт принял это на свой счёт, конь, вероятно, на свой). – Давай начистоту. Там, на поляне, ты сказал толстому, что травник умер. Я всё слышала, не спорь. Айе, наговорил с три короба, сказал, что у тебя есть доказательства.

– И что?

– Я хочу их видеть.

– У меня их нет. Я просто знаю.

– Откуда?

– Знаю, и всё.

– Врёшь, – уверенно сказала Зерги, глядя Золтану в глаза. – Врёшь, Золтан, врёшь, подлец. Я ж тебя знаю как облупленного: ты никогда не бываешь в чём-то уверен просто так. Если дело швах и он взаправду умер, я хочу их видеть, эти «доказательства». Что там у тебя? Рука отрубленная? Голова? Давай показывай. Не бойся, я не кисейная барышня, в обморок не грохнусь.

– Это тебя Андерсон настропалил за мной поехать?

Зерги плюнула и грязно выругалась.

– Андерсон, Андерсон... Этот «Андерсон» и так, и так тебе не верит. Можешь убеждать его в чём хочешь, он всё равно останется при своём. Но меня ты за нос не води! Где

Жуга? Ты знаешь, что меня с ним связывало, ты прекрасно знаешь, кто я. Мне достаточно капли его крови на платке, чтоб определить, жив он или нет. А этому серому ублюдку я ничего не скажу. Айе, не скажу. Ну?

Обоим прекрасно было понятно, о чём они говорят.

– У меня нет его крови, – сказал сыскарь.

– Тогда *что* есть?

Хагг помолчал.

– Ладно, – наконец проговорил он, медленно цедя слова. –

Только давай уговоримся так: услуга за услугу.

Зерги фыркнула.

– Dam! Я так и знала. Что ещё? Надеюсь, под тебя ложиться не придётся?

– Придержи язык. Зачем он едет в Локерен?

– И это всё? – Она расхохоталась. – Это всё, что ты хочешь спросить? Я отвечу: не знаю!

– Не знаешь? – поразился Золтан.

– Айе, не знаю, совершенно так. – Конь под девицей снова сделал разворот. – Можешь мне не верить, только это так. Нам он ничего не говорит. Говорит, что без наживки нет поживки, вроде как пчёлы это ключ, а в Локерене вроде как замок. Сам догадывайся, если знаешь. «Маленький такой замочек», говорит. И лыбу тянет. У него поганая улыбка, Хагг, ещё хуже, чем твоя. Кто он такой?

– Если не знаешь, зачем едешь с ним?

– А вот это уже моё дело! – вспыхнула Зерги, но тут же

успокоилась. – Впрочем, ладно, что скрывать. Этот, толстый, нанял Рутгера, а тот ещё через одного урода выцепил в Лиссбурге меня, чтобы я ухлопала Жугу. Айе, так всё и было. Им так срочно был потребен арбалетчик, что они даже не сподобились узнать, кто я такая.

– А ты?..

– А я что, дура? Да и хрен его убьёшь, если подумать. Не, Хагг, ты меня не знаешь, если так говоришь! Было уже. Забыл, да? Так что давай не дури, показывай. Я хочу знать, что за каша заварилась.

Золтан помолчал, потом, не оборачиваясь, влез рукой в чересседельную суму, пошарил там и вытащил свёрнутый в трубку пергамент. Протянул. Зерги взяла его без слов, сняла шнурок и пробежала текст глазами. Прочла второй раз, внимательней. Посмотрела на Золтана, на записку, снова на Золтана, скривила рожицу и хмыкнула.

Хагг ждал.

– Вот, значит, как, – произнесла она. – Выходит, завешание! – Зерги изучила лист с обратной стороны и на просвет, надеясь найти что-то особенное, и перевернула обратно. – Да. Это серьёзно.

– Теперь поверила?

– Почерк его, – признала девушка, зажала под мышкой свободную руку, в два рывка стянула с неё перчатку и подышала на пальцы. Поводила над листом ладонью.

– Тело нашли? – деловито спросила она.

– Нет... Что ты делаешь?

– М-м, сейчас. Погоди. Хм-м...

Даже в свете позднего утра было заметно, каким неверным, зыбким, идущим изнутри свеченьем налилась её ладонь. Меж пальцев запрыгали искорки, синие и фиолетовые, Хагг на мгновение даже встревожился, что вспыхнет пергамент. Он не видел, что творится на листе в руках у девушки, и потому следил за выражением её лица. А оно изменялось как-то странно: от сосредоточенности к облегчению и далее – к растерянной задумчивости. Впрочем, вскоре девушка взяла себя в руки, и на лицо её легла своеобразная для Зерги, чуть сердитая и чуть насмешливая маска.

– Хагг, – сказала Зерги, поднимая голову и глядя Золтану в глаза. – Ты будешь смеяться, но это что угодно, только не доказательство.

– Откуда знаешь?

– Ниоткуда. – Она дунула на чёлку.

– Там подпись. Ты прочла, что он написал?

– Прочла, прочла. Всё верно. И заклятие активно, тут он тоже не соврал, айе. С ним и впрямь что-то произошло.

– Но ведь заклятье сработало! Как это понимать, если он сам всё расписал, вот: «...если я ещё жив, чернила будут красными, если меня уже нет, они почернеют». Чего тебе ещё надо? Ты что, ему не веришь?

– Верю. – Зерги сдула с пергамента несуществующие пылинки, медленно скатала его в трубку, перевязала шнурком

и бросила обратно. Хагг поймал, проверил, тот ли это документ, спрятал и снова вопросительно взглянул на девушку. — *Я тебе не верю*, — уточнила та. — А ему я верю. А у тебя или память дырявая, или ты соображаешь только половиной головы, айе. Нижней. Впрочем, что с тебя взять, все вы, мужики, такие.

Брови Золтана сошлись.

— Кончай зубоскалить! Я честно рассказал тебе всё, что знаю. Что это значит?

Зерги развернула коня и наклонилась в седле, придвинувшись к сыскарю.

— Элидор, — произнесла она, называя Хагга старым именем, — ты плохо знаешь или плохо помнишь нашего приятеля.

— Что за...

— Он *путает цвета*.

Хагг осёкся и долго молчал, гоняя под кожей желваки. Чувствовалось, что соображение это застало его врасплох.

— Ты уверена? — спросил он наконец. — Но ведь это значит...

— Это значит только то, — прервала она его, — что эта пи-сулька ровным счётом *ничего не значит*. А я ни в чём не уверена.

С этими словами Зерги натянула перчатку и подобрала поводья.

— Прощай, Золтан. Хочешь ещё о чём-нибудь спросить?

– Только одно. Андерсон. Что ты о нём скажешь?

Зерги помрачнела.

– Не мой клиент, хоть с той, хоть с этой стороны. На вид – лопух, а сунешься – репейник. – Тут она хихикнула и дёрнула плечом, будто стала зябнуть. – Престранный тип. Не думала об этом раньше. Одет как дворянин, и речь дворянская, а приглядишься, так и кость не белая, и кровь не голубая. То бороду отпустит, то побреется. И образован чересчур. Дворяне так себя не ведут. И знаешь, он всё время начеку. По моему, он вообще никогда не спит. Айе, ни разу не видела его спящим. Ну и хватит о хорошем. Остальное не для твоих ушей.

– А как насчёт э-э... другой стороны?

Зерги снова развернулась.

– Ты и вправду дурак, Золтан, – с горечью сказала она, прищипорила коня и погнала его галопом в сторону, откуда появилась. Было б посуше, завилась бы пыль.

– Ты ей веришь, Дважды-в-день? – спросил Хагг, не сводя с неё пристального взгляда. – Веришь, а?

– О чем вы, господин Золтан? – отозвался тот, глядя вверх на Хагга с высоты ослиного седла. – Я ничего не понимаю. Прискакала девка, заболтала зубы... и чего?

– Всё ты понимаешь, старый коновал, всё... Хм. Неужели я и вправду в последнее время так хреново соображаю? Но вот ведь глаз у девки – в самую точку смотрит! А? А этот Андерсон и впрямь как будто изменился, я и не заметил, а она...

Однако погоди! Не разряжай арбалет: кажется, она возвращается.

А девушка и правда заложила разворот и теперь скакала обратно.

– Чуть не забыла! – крикнула она. – Держи!

Она рванула что-то из-за пазухи и бросила Золтану. Тот профессионально уклонился, даже не пытаясь это «что-то» поймать, только и увидел краем глаза, как в подсохшую грязь шлёпнулась его потерянная перчатка.

* * *

У самой опушки, там, где путь ветвился в лес, нашёлся Рутгер. Зерги заметила его издалека, да тот и не таился – сидел на маленьком прогретом холмике и, как мальчишка, игрался в ножички. Лошадь ожидала рядом. Преодолев естественное первое желание развернуться и объехать их стороной, девушка решила не таиться и вместо этого пустила коня шагом.

«Первый – герой, второй – с дырой, – донеслась до её ушей мальчишеская присказка. – Третий – с заплатой, четвёртый – поддатый, пятый – проклятый...»

Рутгер не спешил. Не подал виду, что девушка его интересуется, даже не взглянул на неё, поглощённый своим занятием. Даже не поднял головы, когда Зерги осадил коня перед самым его носом.

Кинжал проделал хитрый пируэт и с хрустом вонзился в сочную весеннюю дернину чуть ли не по самую рукоять. Зерги поразмыслила и решила не тянуть.

– Ты какого чёрта за мной увязался?

Рутгер вытащил оружие и осмотрел клинок. Поднял взгляд. Не ответил.

– Шпионишь?

– Ездила перчатку отдавать? – спросил он полуутвердительно.

– А если даже так?

Наёмник усмехнулся, спрятал в ножны сталь, прищёлкнув языком, подозвал свою лошадь, поднялся, отряхнул ладони и быстрым движением запрыгнул в седло. Подобрал поводья.

– Проедемся? Хочу поговорить.

Зерги не нашла, что возразить, только пожала плечами.

Некоторое время они ехали молча, бок о бок. Копыта лошадей негромко стучали, будто с неба на тропу валился камнепад – земля ещё не оттаяла.

– Я видел, как ты спрятала её, – сказал он наконец.

Зерги вздрогнула:

– Кого?

– Перчатку, – усмехнулся Рутгер. – Сыскарь обронил, а ты подобрала. Старый трюк, с бородой отсюда и до Льежа. Если спросят, скажешь: ничего не знаю, ездила отдать.

– А тебе-то что?

Рутгер задумчиво пожевал губу. Посмотрел на девушку.

Та отвела глаза.

– Я всё понять хочу, – проговорил он медленно, – зачем тебе всё это. Зачем ты поехала с нами. Ты ведь сказала, что не станешь его убивать.

– Конечно, не стану! – фыркнула Зерги. – Мёртвого убивать ни к чему. И вообще, – она развернула коня, – я, белобрысый, тебе не верю. Что ты хочешь от меня?

Взгляд Рутгера был быстр и холоден. На этот раз Зерги не стала отворачиваться, наоборот, парировала, как хороший фехтовальщик. Рутгер оценил.

– Ты знала травника? – быстро спросил он.

– А если и знала, то что?

– Значит, знала...

Снова воцарилась тишина, нарушаемая только пеньем птиц и топотом копыт. И снова Рутгер первым начал разговор.

– Я тебя почти совсем не знаю, – сказал он со вздохом, – но чувствую, что ты замешана в этой истории. Каким-то левым боком, но замешана.

– А сам-то! – воскликнула она. – Сам ты не замешан, что ли? Для чего второй раз на это дело подрядился? Мало поплясал тогда? Ещё охота?

Выпад был проигнорирован.

– Он делает странные вещи, – всё тем же спокойным тоном продолжил наёмник. – И сам он очень странный... был. Или всё-таки не был, а есть? – Он посмотрел на девушку. –

Ты что-то знаешь. Услуга за услугу. Расскажи мне. Расскажи, и я не стану выдавать тебя.

– Тьфу, зараза! Ну что за день такой сегодня! – Зерги с отвращением плюнула и смирila попутчика презрительным взглядом. – Как же вы, мужики, любите торговаться... С чего я должна тебе верить? Он твой наниматель.

– Но не хозяин, – возразил белоголовый. – У меня своя соображалка есть. Ты ведь вряд ли знаешь, как всё было. Этот рыжий убил двоих моих людей. Нет, я его не виню, всё было честно. Я бы даже сказал, что по понятиям он очень даже прав: мы пытались его поиметь, а он нас раскатал, как маленьких засранцев.

– Правильно сделал.

Рутгер, чья кобыла на пару шагов опережала жеребца, через плечо покосился на девушку и покачал головой:

– За что ты меня так ненавидишь?

– А что мне с тобой, целоваться, что ли?

– А что? Могла бы. Я тебе не враг, занимаемся мы с тобой одним делом. Я много знаю про тебя, Белая Стрела.

– Ты? Да что ты можешь знать!

– Ну... кое-что знаю. Ты ведь почти легенда. Стражникам всех окрестных городов наказано искать у всех въезжающих болты, покрашенные белым. Многие не верят, что ты на самом деле есть, думают, будто это шайка такая «Белая Стрела», вроде «Лесных братьев» или «Китобоев». Так что, видишь, знаю, кто ты и какая ты, и чем ты занимаешься. И если

мы в братве, то ты мне вроде как сестра. Не знаю только, как ты сделалась такой.

– Какая тебе разница? Захотела и сделалась. Женщины вообще стреляют лучше – у нас сердце реже бьётся, даже когда злимся. А если б я хотела целоваться с такими, как ты, пошла бы в портовые шлюхи, была возможность. «Одним делом»! – фыркнула она презрительно. – Не равняй меня с собой. Одним, да не таким.

– А в чём разница?

– А в том, – она повысила голос, – что я хотя бы знаю, на кого беру заказ, а не кидаюсь, как щука, на первый набитый кошель! В том, что никогда не беру больше определённой платы, – в этом предо мною все равны, и нищий, и богач. Ты знаешь, что у жидов есть такая молитва о смерти для врага? Айе, вижу: не знаешь. Каббалист возносит её, и после, около недели (я не знаю точно сколько), ждёт, пока их бог решает, кто достоин смерти – упомянутый в молитве или тот, кто молится. Потом один из двоих умирает... Чего уставился? Думаешь, я иудейка? – Она усмехнулась и откинула за плечи капюшон, рассыпав золотистые подстриженные волосы. – Не угадал. Но я тоже, можно сказать, молюсь перед тем, как начать. Я тоже *спрашиваю* и получаю ответ.

Наёмник сморщил лоб:

– Что ты плетёшь? Какой ещё ответ? Кто из вас умрёт, что ли, ты или жертва?

– Нет, – покачала головою та. – При чём тут я? Ты что,

совсем дурак? Я спрашиваю, кто достоин смерти – жертва или заказчик.

– By Got! – Рутгер натянул поводья и осадил лошадь. Он казался ошеломлённым. – Так вот почему иногда... Но так не бывает! Так... нельзя. – Он покачал головой. – Ты, наверное, сумасшедшая. Ты... ты просто не можешь знать такое!

– Могу, Рутгер, могу. Я изучала магию и знаю, как просить. – Тут девушка умолкла на мгновение, будто собираясь с силами, и добила его, уже безо всякой пощады: – А у тебя в голове никакая не «соображалка», а всего лишь весы. Меняльные такие – знаешь, да? – для денежек и золотишка. В аккурат на тридцать сребреников. Ты не наёмник, Рутгер, ты торгош. Продажная дешёвка. Угрожать мне вздумал! Говоришь, меня не выдашь? Думаешь, я испугаюсь? Ха! Тот травник... Когда я поняла, о ком ты, мне захотелось тебя пришить. Да ты и сам наверняка это понял. Ты ж ничего о нём не знаешь, ничегошеньки! Сейчас не знаешь и тогда не знал. Обжёгся разик и решил переложить заказ. Как мальчик: спрятался под одеяло – и нет буки. Только штука в том, что бука всё равно есть. Хочешь, скажу, в чём твоя беда? Хочешь? Тебя никто и никогда не обижал. Ты всегда считал, что ты лучше других. Ты не чувствуешь чужую боль. Знаешь, почему я не стала тебя убивать?

– Почему? – тупо спросил уже вконец замороченный наёмник.

Зерги огляделась, потом наклонилась в седле и картинно

поманила его пальцем. Рутгер, как лунатик, против воли подался к ней и выставил ухо.

– Потому что у тебя *его* глаза. Такой же взгляд. Вы с ним слеплены из одного теста. Оба одиночки. Оба поступаете по-своему. И оба – дураки. Но только ты не лис, нет. – Она с усмешкой покачала пальцем и наставила его на Рутгера. – Ты волк, которому в тот вечер прищемили хвост. Давай скажи всё Андерсону. Думаешь, я не *спрашивала*, кто из них двоих достоин смерти? Сказать ответ? Молчишь, брат молочный? Вот и молчи: за умного сойдёшь... Хей! Хайя!

Она приподнялась на стременах, рукой огрела скакуна по крупу, тот привычно перешёл в галоп и через несколько мгновений скрылся за поворотом, унося свою хозяйку.

Рутгер остался один. Голубые глаза его неотрывно смотрели ей вслед.

– Чёрт бы побрал этих женщин... – в сердцах пробормотал он, стянул шляпу и вытер ею лицо, блестящее от пота. Нахлобучил обратно. – Нет, но какая девка! И какая стерва...

* * *

– Кукушка!

Полуголос, полушёпот – отзвук в тишине...

Ялка оторвала от подушки голову. Прислушалась.

За четырёхугольником окна маячил серпик молодого ме-

сяца. В больничной келье было от него едва светло, но этого хватало, чтобы увидеть, что она пуста. Стул, стол, свеча в подсвечнике, большая, совершенно неподъёмная кровать и таз для умыванья. Дверь заперта снаружи. Ялка улеглась обратно, попыталась успокоиться. Голос, воскресивший в памяти полузабытое прозвание, наверняка ей послышался. Так бывает, если засыпаешь, иногда вдруг слышишь голоса. Будто кто-то в голове раскрыл сундук и перетряхивает сны – ещё не выбрал, что надеть, но пыль уже летит. Пыль, нитки, перья, клочья шерсти... То вдруг мама позовёт, или подруга, или кто-то незнакомый – скажет слово в самое ухо и умолкнет, а ты вскидываешься, вертишь головой: откуда? Никого...

«Это моё прошлое зовёт меня», – подумала она и закрыла глаза.

Лежать было удобно. Обычно монахи спали на жёстких постелях, набитых гороховой соломкой, но в больничных тюфяках шуршала морская трава. О ней заботились и дали одеяло. Ей даже дали простыни и раз в неделю их меняли. Ялка вздохнула и повернулась на другой бок.

– Кукушка! Да проснись же!

Теперь уже стало не до шуток. Девушка села и завертела головой.

– Кто здесь? – осторожно спросила она.

– Это я! Я, Карел!

– Ты где?

– Здесь. – Стук в стекло заставил Ялку обернуться. – Подойди к окошку.

Ялка завернулась в одеяло, на цыпочках подобралась к окну и различила с той стороны тёмный силуэт щекастой головы.

– Ты?!

– Я, – сказала голова и расплылась в улыбке. – У тебя там никого нет? Можно войти? Эта штука открывается?

– Что? Эй, подожди, я сейчас. – Она отступила в глубь комнаты, торопливо нырнула в юбку, завязала узел и зашарила по раме в поисках щеколды. Окно не запиралось. Видимо, высота, на которой оно находилось, плюс беременность девчонки служили гарантией, что та не убежит. Наконец холодное олово двух шпингалетов поддалось, и створка с лёгким скрипом распахнулась. В комнату потёк холодный воздух, из-под двери потянуло табаком. Ялка запереступала, запахла одеяло. Карел хекнул, хакнул, втиснулся в проём и через миг уже сидел на подоконнике, свесив в келью короткие ножки. С тех пор как Ялка видела его в последний раз, он стал ещё неряшливей, хотя, казалось бы, куда уже. Плащ изорвался, штаны залоснились, полосатые носки просвечивали дырами (башмаков на Кареле не было). Только куртка была новая, Ялка её раньше не видела.

– Уф! Здравствуй, – объявил он. – Наконец-то я тебя нашёл. Холодно там, снаружи.

Он спрыгнул на пол. Ялка притворила окно, чтоб не дуло,

напоследок выглянув наружу. Ни верёвки, ни лестницы не было.

– Как ты сюда попал?

– С крыши, – мотнул он головой. – Я всегда и всюду попадаю с крыши. Гей-гоп – и я где надо. – Он прошёлся по келье, трогая мебель и стены. Шаг его был на удивление лёгкий и почти не отдавался в тишине. – Вот, значит, где они тебя держат... Как ты тут?

– Я? Ничего... – Она уселась на кровать. – Как видишь.

– А эти?.. – Он кивнул на дверь.

– Пока не трогают. Допрашивали один раз, и всё.

– Не били? – Ялка помотала головой. – Надеешься, они на этом остановятся?

– Не знаю. А что там теперь... у вас?

– В лесу? Да ничего хорошего, – хмыкнул Карел. – Дом сожгли, норы разорили, все расплзлись по углам. Всё плохо. Сейчас туда нагнали крестьян, вырубает старые деревья. Мы немножко пошумели в городе, наподдавали стукачам, но это так, для души, не обращай внимания – сейчас важнее ты. Мда. – Он выглянул в окно. – Высоковато, а то бы мы тебя попробовали вытащить.

– Мы? – вскинулась она. – Кто это «мы»? Кто тебя послал?

– Сама догадаешься или сказать? Моих приятелей ты знаешь.

Ялка помолчала.

– Даже если я спущусь, что с того? – с горечью проговори-

ла она. – Окно во двор, ворота закрыты. Ночью сторож обходит, привратники... Не со стен же мне прыгать. От бернардинцев не сбегают. Да и куда мне бежать... такой...

– Нашлось бы куда. Вопрос стоит – как. Можно, к примеру, попробовать... хотя нет, так не получится. Вот если б тебя держали где-нибудь внизу...

– А что внизу?

– Так, ничего.

– Тогда зачем ты меня спрашиваешь? – Она вдруг почувствовала себя такой усталой, словно целый день прала белье или плясала. – Нету в этом никакого толка. Они будут держать меня здесь, сколько захотят, потом отвезут ещё куда-нибудь, а потом... потом придёт пора рожать, если только меня раньше не сожгут. А потом всё равно сожгут. Допросят и сожгут. Хотя мне уже всё равно.

Она махнула рукой и умолкла.

– Ну, ну, выше нос, Кукушка! – укоризненно сказал ей Карел, задом заскочил на стол и поболтал ногами. – Я ж сюда не просто так пришёл. Хотел бы просто так, не стал бы заходить – к чему душу травить? Мы вытащим тебя, дай только срок.

– Зачем?

– А что ж нам, тут тебя оставить? – Карел подмигнул. – Жаль только, ты в монастыре. – Он посмотрел вокруг. – Здесь много *сильных*, стены и земля *намолены*, наше колдовство тут не срабатывает, а если и получится, срабатывает неправильно. Но подожди недели три-четыре, и эти испанцы со

своими картами и водкой всё здесь расшатают. Вот тогда мы придём и поможем. Продержись.

– Три-четыре недели. – Ялка с сомнением покачала головой. – Это почти месяц. Я тогда уже не смогу нормально ходить. У меня будет вот такой живот, – она показала руками. – К тому же я не знаю, выживу ли, нет: я слышала, уже послали в город за палачом.

– Когда? – вскинулся Карел.

– Тише! Нас могут услышать. – Ялка с испугом стрельнула глазами на дверь. – Уже с неделю как. Я стараюсь не думать.

– Ух. Это меняет дело. – Карел спрыгнул, заложил ладони за спину и заходил по комнате кругами. – Спокойствие, только спокойствие. Мы что-нибудь придумаем.

Ялка с удивленьем наблюдала, как маленький карикатурный человечек, уйдя в свои мысли, с каждым шагом подпрыгивает всё выше. Наконец он сам не заметил, как поднялся над полом и зашагал по воздуху. Девушка смотрела на него округлившимися глазами, а когда изумлённо охнула, тот спохватился, замахал руками и поспешно опустился на пол, где и сел на табуретку, крепко за неё ухватившись.

– Ты что, летаешь? – растерянно пролепетала Ялка. – Кто ты, Карел?

– А? Нет, не летаю, – мрачно отозвался тот. – Так, подпрыгиваю.

– Отчего?

– От земли, – отмахнулся он. – Это долгая история.

– Расскажешь?

– Что, прямо сейчас? Гм, что тут слушать... Видишь? – Он покрутился на табуретке.

– Чего? – не понимая, заморгала Ялка.

– Ну я... ну это... – Тут он, в первый раз на её памяти, слегка смутился. – Это сейчас я красивый и в меру упитанный, а тогда я был... немного полноват. Не то чтоб это меня беспокоило, а так, неудобно порой. Хотел избавиться – не получилось. Но как-то я услышал, что у травника, у Лиса, есть особый порошок, который убавляет вес. Мне Зухель рассказал. Лис сотворил сколько-то гран такого порошка и забросил на полку, где у него валяются ненужные и неудавшиеся вещи – ты видела. Я попросил дать мне немного – он ни в какую. И тогда я... ну... я...

– Ты его украл, – помогла ему закончить Ялка.

Карел вспыхнул.

– Не «украл», а «позаимствовал», – обиженно поправил он. – Любите вы, бабы, всё переворачивать с ног на голову... Что ему, порошка, что ли, жалко? Там была целая аптекарская склянка. Я высыпал немного на язык и сразу почувствовал себя легче.

– И как оно на вкус? – Несмотря на её положение и место, где она находилась, Ялку вдоль и поперёк корёжило от смеха.

– Превосходно! – признал тот. – Лучшее в мире лекарство из тех, что я пробовал, если не считать лесного мёда пополам с орехами. Но не в этом дело. Как я уже говорил, порошка

было много. Я и съел ещё чуть-чуть, потом ещё, потом... в общем, я слопал всю банку. Ага. Уж очень вкусный оказался порошок, приторный такой. «Эльфийская пыльца», как мне потом сказали. Ей надо было сверху посыпаться, а не есть. Ну а потом... ну вот.

– И?.. Надолго это теперь?

– Я не знаю. Лис мне сказал, что не нашёл лекарства против этого, потому и не велел его никому принимать. Ох, он тогда ругался! Две недели со мной не разговаривал.

– Представляю себе! А не тяжело тебе летать?

– Мне – ни капельки, – важно произнёс Карел. – Я лучший летун в мире, могу держаться в воздухе сколько угодно, и голова не кружится. Только в сильный ветер неприятно – руками махать устаёшь. Но я не советовал бы увальню, похожему на мешок с сеном, пытаться мне подражать.

– Так что ж ты, выходит, ничего не вешишь?

Карел почесал в затылке.

– Ну, наверно, сколько-то я вешу, – признал он, – а иначе бы давно уж в небо улетел. Одежда, башмаки... Обычно у меня под стельками свинец. Сначала было неудобно, потом я привык. Придумать бы ещё такую штуку, чтобы двигаться куда захочешь. А то я как-то пробовал запрячь гуся, так он, тупая скотина, летит только туда, куда надо ему, а не мне, да ещё клюётся. Гусиная матушка обещала весной подыскать мне покладистого, да где уж теперь... – Тут он смутился, огляделся, наклонился к девушке и понизил голос: – А

самое плохое: вдруг, я думаю, вся эта штука к моим детям перейдёт?

Тут Ялка уже не выдержала, приснула и рассмеялась, зажимая рот руками. Повалилась на кровать, зарылась лицом в подушку, но тут же прекратила и вскинулась: на лестнице слышались шаги.

– Ну вот! Достукались! Беги скорей!

Но тут, как назло, то ли рама разбухла от сырости, то ли шпингалет примёрз, только окно не захотело открываться.

– Спокойствие, только спокойствие... – бормотал Карел, дёргая защёлку. – Ну давай же, давай...

Шаги приближались.

– Лезь под кровать!

Выхода не было. Карел развернулся, ласточкой в прыжке преодолел полкомнаты и скрылся под кроватью, только его и видели. Оставалось только надеяться, что его не заметят.

Заскрежетал засов. Дверь распахнулась. В келью посветили фонарём. Ялка с головой зарылась в одеяло и притворилась спящей. Стоявшие на пороге молчали и почему-то не хотели входить.

– Спит вроде? – наконец спросил один.

– Да вроде спит, – с сомнением произнёс второй. – И нету никого.

– Кому ж тут быть-то?

– А чего смеялась?

– Una bruja, señor amferes¹⁶, кто их поймёт. Может, помаленьку с ума сходит, а может, колдует.

– Колдует? Пресвятая Дева да хранит нас! – Звякнула какая-то железка, заскрипела кожа, отсвет фонаря заколебался – Киппер, видно, осенял себя крестом. – Да и смех ли это был, раз она спит? Это были звуки не человеческие, это звуки потустороннего мира, ясно как божий день! Коли так, не улетела бы! Неплохо бы забить окно. Или цепь ей на ноги надеть.

Ялка вся похолодела и крепче сомкнула веки. Впрочем, второй стражник (судя по голосу – аркебузир Мануэль) в ответ на это предложение только рассмеялся.

– Могла б летать, давно бы улетела, – снисходительно сказал он. – Думаете, это так просто? Viva Dios, им надо сперва зелье для этого сварить, такую embrocacion – corteza de milhombres, tocino, alfalfa¹⁷ и всякое такое прочее, потом натереться им, выпить...

Мануэль прекрасно говорил по-фламандски, но сегодня был изрядно пьян, испанские словечки из него так и сыпались. Впрочем, Киппер выглядел не лучше. Удивительно, как они вообще понимали друг дружку. Наверное, обоим помогало странное свойство пьяниц общаться друг с другом на любом языке.

---

¹⁶ Ведьма, господин десятник (*исп.*).

¹⁷ Мазь (*исп.*), далее – перечисление: кора дерева тысячи мужей, свиное сало, клевер.

– А ты откуда знаешь? – с подозрением спросил десятник.

– Да уж знаю. Я с нашим инквизитором давно странствую, наслушался. Да и не пролезет она в окошко, маленькое оно.

– А вдруг и она маленькой сделаться может? Или превратится в эту... ик!.. Ну в эту!.. В мышуна летучего?

– В нетопыря.

– Ja, ja, so etwas¹⁸. Ищи её потом...

– Да бросьте, сеñор Киппер. Кабы так, что за толк караулить её? И потом, мы с вами где?

– А где?

– В монастыре. Святые стены, pues, comprendes?¹⁹ Какое тут может быть колдовство?

– А и верно! – с облегчением промолвил немец. – Я совсем забыл. Это ты верно подметил, правильно! А она и вправду спит?

– Да правда, правда. Храпит даже, слышите? (Из-под кровати в самом деле слышался вполне натуральный храп – Карел раньше девушки сообразил, что надо подыграть.) – На спине спит, robrecita²⁰, тяжеломерно ей или приснилось что-то. Пусть её. Padre Себастьян сказал, не надо её беспокоить. Vamonos, señor amferes, пойдёмте, там ещё полбутылки осталось.

– А... ик!.. это... – вдруг засомневался Киппер, обшари-

---

¹⁸ Да-да, именно (нем.).

¹⁹ Вот так, понятно? (исп.).

²⁰ Бедняжка (исп.).

вая келью светом фонаря. – Что-то мне тревожно. Вот что, Мануэль, ты до утра снаружи карауль, под окном ходи.

– Соссого?²¹ – удивился тот. – Для чего? Куда она отсюда денется?

– Приказ не обсуждать! – повысил голос десятник. – Не знаю, куда денется. Может, простыни порвёт и по ним слезет... Himmel, – выругался он, – надо бы забрать у неё простыни... Караул до трёх ночи нести будешь, потом кто-нибудь тебя сменит. Abgemacht. Erfüllen!²²

И стражники удалились. Через минуту хлопнула входная дверь, и под окном, снаружи, с интервалом в несколько минут принялись шуршать замёрзшим гравием туда-сюда подошвы сапог. Карел выждал сколько-то и вылез, весь в пыли и в паутине, отряхнулся, поддёрнул штаны и погрозил кулаком сперва двери, потом окошку.

– У, мерзавцы! Тартилья испанская! – Он повернулся к девушке и огляделся. – Так. Что делать?

Он снова прошёлся по комнате, заглянул под стол, пошарил по углам.

– А это что? Это твоё?

Девушка подняла взгляд. В руках у Карела было что-то маленькое и продолговатое. Он подошёл к окну. Стало видно яснее.

– Это губная гармошка, – сказала она. – Её, наверное, Ми-

---

²¹ В караул? (исп.)

²² Решено. Выполнять! (нем.)

хель забыл.

Ей вспомнилось, как белобрысый фламандец вчера опять пытался с ней поговорить и как-нибудь развлечь, расспрашивал, рассказывал истории, играл на этой штуке... Он вообще странно вёл себя последние несколько дней. Ялка не могла понять, что с ним творится.

– Губная гармошка? – обрадовался Карел. – Я всегда мечтал о музыкальном инструменте! А кто такой Михель? Ещё один стражник?

– Нет. Он просто... просто с ними. Только не надо на ней играть, а то опять прибегут!

– Так. – Глаза у коротышки загорелись. – Ну-ка, дай простыню.

– Зачем тебе?

– Надо. Дай, у тебя их две. – Он стащил с тюфяка простыню, прогрыз в ней две дыры и набросил на себя, как плащ и капюшон.

– Сойдёт, – сказал он удовлетворённо, оглядев себя со всех сторон. – Пришла мне в голову одна идея. Сейчас мы с ними поиграем.

– Что ты задумал?

– Сейчас увидишь. – Он хихикнул и потёр ладошки. – Начинаем воспитательную работу! А ты лежи. Ты притворялась спящей? Вот и притворяйся. Если спросят, взятки гладки: ничего не видела, ничего не слышала. Не бойся, я проверну всё так, что тебя не заподозрят.

– Я не боюсь. – Ялка почувствовала, как вместе со сном к ней возвращается прежнее тупое безразличие. – Я не боюсь. Мне всё равно.

Карел после этого, как показалось девушке, подрастерял свою уверенность, и это даже принесло ей некое удовлетворение, словно его недоумение послужило ей возмещением за беспокойство. И в самом деле, что за толк был от его визита? Что он ей сказал хорошего? Разве что рассмешил, ну так этот маленький гном, тролль, кобольд – кем он там был на самом деле? – всегда умел казаться хамски наглым, хитрым, трогательным и смешным одновременно. И почти всегда не к месту. Невелика заслуга, если вдуматься. Да и охранники теперь настороже.

– Ну, я полетел. – Карел распахнул окно и влез на подоконник. Обернулся: – Тебе принести чего-нибудь?

– Ничего мне не надо. Ни-че-го.

Она затворила оконную створку, вогнала в пазик стержень шпингалета и устало опустилась на кровать. Повалилась на бок, накрылась одеялом и затихла. Ей и правда ничего не хотелось. Глаза были как два свинцовых шарика, закрытые веки, казалось, с трудом их удерживают. Она лежала неподвижно, краем уха различая печальные вздохи гармоники за окном, и только вздрогнула, когда хрусталь полночной тишины разбился аркебузным выстрелом, и долго слышала потом, как удаляются и затихают звуки музыки, вдогонку которым несутся божба и проклятия. Что бы там пройдоха Карел

ни замыслил, трюк его сработал – один раз пьяный Мануэль промазал, а второй заряд, должно быть, подмочила роса.

Суета и беготня, наставшие потом, её уже не трогали. Она спала.

* * *

Когда деревья расступились и впереди замаячили первые дома, внезапно посвежело. Сыпанул снежок. Всё небо затянуло тучами, в домах засветились окошки. Время было позднее, настала пора подумать о ночлеге для себя и стойлах для скотины.

– Видишь этот городишко, Дважды-в-день? – указал рукою Золтан Хагг и запахнул плащ. Взгляд его был хмурым и сосредоточенным, из складок вязаного шарфа торчал наружу только нос, горбатый и костистый.

– Вижу. Это Кортрейк?

– Да. Последний раз я был здесь года два тому назад. Было одно дельце, я тебе не рассказывал. Непокойное место, хоть и монастырь неподалёку. Ну? Что скажешь?

Иоганнес Шольц с интересом привстал на стремянах. Серый войлок его шляпы побелел, покрытый снежным порошком. Толстяк стянул её, отряхнул о колено, напялил обратно и вновь оглядел из-под широких полей шпиль ратуши, церквушку, пару ближних лавочек и россыпь небогатых обшарпанных домишек. Взгляд его скользил по городу, как луч ма-

яка по волнам: туда – сюда, туда – обратно... вновь туда... опять обратно...

– Выглядит безопасным, – наконец сказал он. – Очаги везде горят, и запах угольный, надёжный. Я бы, правда, не рискнул здесь промышлять – маловат он, чтобы затеряться. Воровская гильдия в таких местах не любит чужаков, а контрабандисту и вовсе приткнуться некуда. Хоть бы канал был, и то легче. А так город как город. Не богатый и не бедный. Петухи на флюгерах... А что здесь?

Хагг пожал плечами. Помолчал.

– Предлагаете тут и остановиться?

– Интересно, кто там сейчас корчмарём? – вместо ответа проговорил Золтан и тронул поводья. – Ладно. Поехали. Всё равно выбора нет.

Почувяв запахи жилья, кобыла и осёл приободрились, всадникам уже не приходилось их подгонять, и вскоре перед путниками возникла вывеска трактира с намалёванным на ней пчелиным жалом и железным фонарём над входом. Но ещё прежде чем они смогли разглядеть, что там написано, до слуха их донёсся шум гульбы – не драки, не погрома, а негромкой такой гульбы. То ли окрестные деревенские справляли что-то, то ли кутили проезжие, то ли сами горожане пьянствовали, чтобы скоротать ненастный вечер. Праздники, вроде, никакие на память не приходили.

– Вот он, «Прокалыватель», – удовлетворённо констатировал бывший сыскарь, кивнув на вывеску. – Гляди, пуза-

тый: видишь пчёлку над воротами? Раньше это место называлось in De Vie, то есть «У пчелы», и сначала там и вправду целая пчела была, потом половину вывески в бурю оторвало, только и осталось от неё, что задница и жало. А когда-то неплохой был постоянный двор. В прошлый раз я тут останавливался.

Путники проехали в раскрытые ворота, с трудом докричались мальца, которому препоручили своих «скакунов», и проследовали в дом.

Тесно, вопреки ожиданиям, здесь не было. Приятели быстрыми взглядами пробежались по лицам. Две дюжины, не больше, половина приезжие. Крестьяне. Два приказчика. Двое-трое у окна, видимо, мастеровые. Гуртовщики. Ещё гуртовщики. Четыре девки из прислужниц. Наособицу сидела и по-свойски выглядела лишь одна компания за столиком направо от камина, ровным счётом шесть рож: монах, угрюмый толстый парень лет двадцати, три субтильных неприметных типчика, одетых в серое, и, наконец, ещё какой-то дядька, совершенно лысый или бритый, жилистый, худой, с ног до головы затянутый в чёрное сукно. Его длинное, как у коня, тевтонское лицо поражало резкостью черт, будто он не родился, а был вырублен из тополевой колоды и отделан рашпилем. Рядом притулились два сундука, чересседельные сумки, мешок из кожи и большущий меч в потёртых чёрных ножнах. Тарелки перед *этими* стояли почти нетронутые, а вот пили там много, и бутылки у них были в пыли, а бока-

лы на ножках. Остальные в кабаке довольствовались брагой или пивом. В углу оплывший малый с волосами цвета хлебной корки раздувал мехи волынки, рядом другой, такой же, только почернее, пиликал на скрипке. Играли оба больше от души, чем от умения.

На вошедших никто не обратил внимания. И только кабатчик, как наливал из бочки в кружку, так и замер, глядя Золтану в глаза, пока пиво не побежало через край.

Хагг стянул перчатки, плащ и шляпу, бросил всё на ближайшую свободную скамью, уселся и огляделся. Шольц последовал его примеру.

– Гляди, Шольц, гляди, – зашептал вдруг взволнованно Хагг и подтолкнул приятеля локтем. – Видишь шестерых за тем столом? Сдаётся мне, сама судьба идёт к нам в руки, если только я не обознался... Эй, хозяин! – Он вытащил флорин и постучал им по столу. Дождался, пока трактирщик вытрет руки и подойдёт к нему, затем потребовал: – Бутылку бургонского красного и чего-нибудь горячего.

– Пожиже или чтобы пожевать? – осведомился тот.

– К чёрту жижу, давай чего-нибудь, что раньше бегало, но не мяукало. Ты, я знаю, монастырских зайцев держишь. Скажи, чтоб одного зажарили. – Он размотал шарф. – Уф... – вытер шею. – Как дела, Жилис?

– Так это всё-таки вы! – На лице кабатчика отразилась смесь тревоги с облегчением. – А я уже подумал, мне мерещится. А дела неплохо. В последние годы малость хуже, но

пока испанцы далеко, всё тип-топ и о-ля-ля... А вы куда?

— А мы туда, — мотнул головой Золтан. — Ещё вопросы будут?

— Хм. — Кабатчик потерябил густые бакенбарды. — Если подумать, нет. — Он сделал знак, и девчонка принесла им на подносе бутыль и две кружки. Откупорила, разлила, вильнула задницей. Ушла.

— Остановитесь здесь?

— Возможно. — Хагг потёр ладонью подбородок. Глаза его неотрывно следили за компанией у камина. — А много ль постояльцев?

— Да никого пока, все комнаты пустые.

— Ага. Жилис, что это за люди?

— Где? А, эти. — Волынка к этому времени стихла, скрипач водил смычком по струнам, извлекая скрежетливые задумчивые звуки, поэтому корчмарь невольно снизил голос. — А палач, — сказал он. — Заплечных, так сказать, дел мастер из города, с помощником. Звать не знаю как, не спрашивал. Монах — из местного монастыря. Я так понял, он за ним и ездил в Гарлебек, этот монах.

— Ишь ты, — со значеньем протянул Золтан, дважды гулко отхлебнул из кружки и поморщился. — Чёрт. Мог бы и сам догадаться по мечу: на гельвета мужик не похож. Старею... А зачем им вдруг в обители потребовался палач?

— А чёрт их знает зачем. Зачем-то понадобился. Я не знаю. Испросить?

– Не надо! – Хагт поставил кружку и прищурился. – Не надо. Монах, говоришь? Что-то у него рожа больно знакомая, у этого монаха... Да не таращись ты на них, хватит того, что я таращусь. Прикажи лучше своей девке подать ещё бутылочку вина на ихний стол: я к ним сейчас попробую упасть на хвост. Эй, постой. Наших много?

Трактирщик, похоже, понял вопрос и кивнул:

– Есть трое мясников. Живут поблизости. Надёжные ребята. Есть ещё. Послать за ними?

– Рано. Эх, и знакомая же рожа... погоди, пока я не удостоверюсь. Эти трое кто?

– Которые с ними? Топтуны от магистрата. Завсегда здесь трутся.

– Вот как? Иоганн, – обернулся он к Шольцу, – пока я не вернусь, держи язык на привязи. Ладно, я пошёл. Который палач-то?

– Лысый.

Золтан встал, одёрнул на себе полукафтан, прихватил с собою кружку и двинулся к камину. Шестёрка примолкла и с мрачным огоньком в глазах наблюдала за его приближением.

– С почтением! С почтением! – широко улыбаясь, на ходу выдал Золтан и уселся к ним за стол. Девушка тотчас поставила перед ними новую бутылку и ещё один бокал в форме тюльпана. – Позвольте угостить вас, господа хорошие. Мерзкий сегодня ветер, холодает и вообще, а тут... такие люди, такие люди! Трактирщик! – Золтан обернулся. – Эй! Пода-

вай закуски.

Палач разлепил свои тонкие, почти бескровные губы.

— Я думать, — проговорил он скрипучим голосом, с акцентом сильным и немецким, — я думать, что ми не есть с вами знакомы. Я. Не думать так.

— С вами? — удивился Золтан. — С вами вряд ли, господин хороший, это вы свинье в самое рыло дали — с вами я и вправду не знаком. Только при чём тут вы? Я про другое. Кто ж не знает достопочтенного брата Бертольда! — Он ответил монаху лёгкий поклон. — А? Неужели я не прав? Ведь это вы, святой отец?

Монах, который был уже изрядно пьян, стремительно трезвел. Он сидел и смотрел на Золтана снизу вверх, остекленело выпучив глаза и невнятно ворочая челюстью.

— И-э... — наконец выдавил он, икнул и умолк.

Как раз в это время принесли яичницу с колбасками и ветчину, обстановка слегка разрядилась. Хагг сноровисто разлил вино и выпил с сыщиками, потом подцепил со сковородки шмат поджаренной колбасы и снова повернулся к монаху.

— Так значит, это в самом деле вы, святой отец, — удовлетворённо сказал он. — А у меня к вам просьба. Я, знаете, хотел исповедаться. Прямо сейчас. Ага. Исповедаться и получить отпущение грехов, если возможно. Вы же не откажете мне в этакой малости, а? Не откажете? А?

Монах, которого называли братом Бертольдом, гулко сглотнул и покосился на своих сотрапезников.

– И-э... собсно...

– О, я знал, я знал, что вы мне не откажете! Я уже обо всём договорился. Трактирщик предоставит нам на полчасика комнатку наверху, где нас никто не станет беспокоить. Какое счастье, что я вас здесь встретил! Господа! – Он вновь разлил и поднял тост: – За короля и святую церковь! Аминь и да здравствует!..

Все закивали, поднялись и сдвинули бокалы. Как-то умудрился встать и брат Бертольд. Не дожидаясь, пока все допьют, Хагг пригубил вино, подхватил монаха под руку, и не успел никто в корчме опомниться, как оба уже поднялись по лестнице и дверь за ними закрылась.

Едва они вошли, улыбка с лица Золтана испарилась, как вода с горячей плиты. Он толкнул монаха на кровать, заложил засов, зажёл свечу и встал над собеседником, засучивая рукава.

– Ну здравствуй, Бертольд, – проговорил он не спеша, так, чтобы тот как следует расчихал в голосе медовый яд угрозы. Монах «расчихал» – вздрогнул. – А, узнал меня, морда немецкая? Не притворяйся: вижу, что узнал. Выходит, ты теперь у нас брат-бернардинец?

– Я... – пролепетал тот. – Я, ей-богу (*da jurandi*²³), господин Хагг... я ж ни сном ни духом... Вы чего хотите-то?

– Это ты ездил в город за палачом?

– Да... Меня послали, чтобы я... – он гулко сглотнул и

---

²³ Позволь [Господи] поклясться (*лат.*).

взмолился: – Господин Хагг, на честность вашу уповаю! Я везу сто пятьдесят флоринов под расписку, вот здесь, под рясой, в кошельке. Не отбирайте их, господин Золтан, не отбирайте их у меня! Они меня убьют, если узнают.

– Да плевать я хотел на твои флорины! – поморщился Хагг, поставил ногу на край кровати и теперь глядел на монаха глаза в глаза. – Кто в монастыре? Что за люди? Сколько? Где? Когда приехали? Зачем понадобился экзекутор? Для кого? Я знаю, что к вам недавно привезли девчонку. Так? Отвечай по-хорошему, Шварц. Я буду не я, если не доведу тебя до откровенности. Ты теперь без бороды и с тонзурой, но я найду, за что тебя оттаскать, ты меня знаешь. Ну? Говори.

Брат Бертольд дураком не был, а Золтана знал давно. Он даже не стал прикидывать в уме все pro и contra. Он только гулко сглотнул и заговорил.

...Как Золтан и обещал, не прошло и получаса, а они с монахом уже спустились вниз, в общую залу. Монах, сказать по правде, выглядел бледным и помятым, ряса была выпачкана в пыли, а тонзура будто увеличилась, зато Хагг сиял от наступившего просветления. На столе уже красовалась новая бутылка – трактирщик знал своё дело.

– Выпьем? – Золтан поднял свой бокал.

– Выпьем! – сказал палач.

– Выпьем! – бодро ответили сыщики.

– Выпьем... – безнадёжным тоном согласился брат Бер-

тольд и обречённо потянулся за бокалом.

Со всех сторон на дармовое угощение лезли посетители. Шольц смотрел на происходящее из своего угла и не уставал поражаться. Хагга будто подменили. Вместо хмурого, в летах, задумчивого седоватого мужчины по корчме носился юноша с горящим взором, скалил зубы, хохотал, кого-то хлопал по плечу, кому-то ставил выпивку... Вспомнив, каким он был в прошлом, Иоганн склонен был предполагать, что Золтан что-то затевает.

Меж тем за столом у камина снова выпили, и выпили ещё, после чего Золтан испросил разрешения минут на десять отлучиться.

– Виноват, виноват, господа! Я на время вас оставляю: хочу проведать своего приятеля – вон он, за столиком. Заодно закажу чего-нибудь ещё.

Расталкивая локтями кучкующийся народ, он подобрался к Иоганну, перед которым стояла тарелка с жарким и наполовину опорожненная бутылъ, сел за стол и стал сгребать в охапку плащ, перчатки и прочее.

– Кролик уже остыл, господин Золтан, – укоризненно сказал Шольц. Физиономия его была красной и встревоженной.

– Чёрт с ним, – буркнул Хагг, нахлобучивая шляпу, – не до кроликов сейчас. Я выяснил. Девчонка и вправду в монастыре. С ней инквизитор и солдаты. Эта троица едет туда.

– Девчонка? – Шольц, не понимая, поднял бровь. – Какая девчон... Матерь Божья! И что ж вы теперь думаете делать?

У вас есть какой-то план?

– Есть ли у меня план? Есть ли у меня план, ха! Ты ещё не разучился драться?

Иоганн тревожно заоглядывался.

– Что вы задумали? Стража услышит!

– Не услышит. – Золтан замахал рукой: – Хозяин! Эй! Я сегодня при деньгах и с чистой совестью, так что подай чего-нибудь ещё вон тем хорошим господам и святому отцу.

Однако только тот приблизился к его столу, Хагг ухватил трактирщика за фартук, притянул к себе и зашептал на ухо:

– Слушай, Жилис, это важно: с сыщиками делайте что хотите, но кат и катёныш уйти не должны. Слышишь? Не-должны!

– Понятно. Проломить им котелок?

– Не надо. Хватит, если сломают ногу и месяц-другой проваляются где-нибудь в подполе. Сможешь?

– Хе! Можно. А монаха тоже?

– Ах, да, монах... – нахмурился Золтан. – Монаха не трогайте! Монах мой. Получит хоть царапинку или потеряет кошелёк – всем напинаю.

– Понятно, – снова закивал корчмарь. – Всё уже готово, ребята ждут на кухне. Начинать?

– Эх, Жилис, Жилис, ты всегда был малость тороплив. Ладно. По сигналу, как в прошлый раз. Да, чуть не забыл: раздобудь мне бритву.

– Бритву? – трактирщик опешил. – Для чего?!

– Для дела. Баки брить. Не спрашивай, тащи... всем выпивки! – объявил он громогласно, заметив, что с дальнего стола на них уже косятся с подозрением.

Под весёлый гул собравшихся Хагг и Дважды-в-день перебрались за столик у камина, где наполнили и сдвинули бокалы, вызвав стеклянный перезвон.

Немец торопливо принакрыл бокал рукой:

– Nicht doch²⁴.

Золтан улыбнулся и с укоризной покачал головой.

– Her, – сказал он, – tringue, tringue!²⁵

Палач поколебался, но руку свою убрал.

Монах глядел перед собой и лишь беззвучно шевелил губами – видимо, молился.

Хагг встал.

– Что за прекрасный вечер! – объявил он. – Сколь приятна мне сегодняшняя встреча с вами, господа, и особенно с вами, святой отец! – Он отвесил поклон. – Жаль только, что немного скучновато. Эй, там! Скрипач! Волынщик! Ну-ка вжарьте музыку!

Он обернулся к палачу так, что седоватый хвост волос переметнулся у него через плечо, и подмигнул трактирщику и Иоганну.

– ‘T is van te beven de klinkaert! – провозгласил он, перекивая вой волынки. – Время звенеть бокалами!

---

²⁴ Нет, довольно (нем.).

²⁵ Сударь, пейте, пейте! (нем.)

– ‘T is van te beven de klinkaert! – отозвались нестройными криками за его спиной мастера и четвёрка мясников.

«Время звенеть бокалами!» Иоганнес вздрогнул – так кричат во Фландрии, когда гуляки недовольны и начинают громить кабаки и дома с красными фонарями.

– Ох, – проговорил в сторону трактирщик, – опять они мне здесь всё перебьют!

В глазах брата Бертольда отразился ужас.

* * *

– Ing, Ur, As и Perph. Это – Mannaz. А вот это – Wunjo. А вот эта зовётся Raido, руна дороги, я тебе её сегодня уже рисовала.

Две детские ладошки, обхватившие запястье Фрица, казались крохотными, кукольными. Тусклый зеленоватый сплав браслета мягко поблёскивал в свете костра: Октавия разглядывала подвески.

– А эти две?

– Вот эта – Tug. А эта... эта... Ой, я всё время её забываю. М-м, Laguz? – личико девочки посветлело. – Ага, правильно – Laguz! Руна воды.

Ночь выдалась беззвёздная и тихая. Холодный ветер шевелил листву высоких тополей и морщил гладь воды. «Жанетта» встала на стоянку возле маленькой фламандской деревушки, такой маленькой, что в ней не оказалось даже по-

стоялого двора, не говоря уже о приюте или доме для канальщиков. Ян с Юстасом пришвартовали баржу к старым осклизлым сваям около мостков, с которых женщины полоскали бельё, выбрались на берег, развели костёр и теперь хлебали кашу из большого котелка. Поглядывали мрачно на бородача и двух ребят. Рыжему толстяку шкиперу ужин отнесли в каюту. Господин кукольник, Октавия и Фридрих тоже получили свою порцию, причём итальянец расщедрился и наделил детей двумя ломтями гентской ветчины (себя он, впрочем, тоже не обидел). С ужином расправились за две минуты, девочка взялась помыть тарелки (Фриц пригрозил: «Смотри, не утони!»), и вскоре все трое уже сидели у костра, готовясь отойти ко сну и занимаясь своими делами. Царила тишина, лишь изредка на барже взлаивала собака, серая гривастая зверюга с лисьей мордой и хвостом, закрученным в кольцо, – на ночь шкипер выпускал её на палубу. Кукловод вооружился ножницами и большой иглой, расстелил на земле не то попону, не то старый занавес с кистями и принялся кроить. Он ворчал и ползал на коленках, отмерял то там, то тут и поминутно щёлкал ножницами, рискуя отрезать впотьмах ненароком порядочный клочок собственной бороды. Октавия некоторое время с любопытством за ним наблюда-ла, потом перебралась к костру. Там-то её внимание и привлёк браслет у Фрица на запястье.

Девочка ещё раз осмотрела со всех сторон невзрачную кривую безделушку с девятью подвесками и парой камешков

и скривила губки.

– Некрасивый браслетик, – с простодушной детской непосредственностью заключила она. Заключила, но тут же поправилась: – Некрасивый, но, наверное, очень умный. Столько рун!.. Зачем они здесь?

– Да я и сам не знаю, – смущённо признался Фриц, опуская рукав. – Мне его сделал... гм... учитель. Да, учитель. Надел мне на руку и сказал, чтоб я пореже его снимал.

– А больше он ничего тебе не сказал?

– Нет, больше ничего. Может, не хотел, а может, просто не успел.

– Ой как интересно! – девочка захлопала в ладоши. – Здесь наверняка кроется какая-то тайна. Дай мне ещё разок на него посмотреть, ну дай, пожалуйста!

– На, смотри, – покраснев, сказал Фриц и протянул ей руку. – Может, что и углядишь.

Кукольник оторвался от работы, посмотрел на них сквозь стёкла окуляров, вздохнул и покачал головой.

– Это бог знает что такое! – глухо, в бороду, проговорил он сам себе. – Мало того что эта девчонка сбежала из дома, мало того что забралась ко мне в сундук, мало того что мне пришлось доплатить за её провоз два с половиной флорина, так теперь она ещё будет учить нас разбирать языческие закорючки! Ну что мне делать с нею? Что? Que malinteso!²⁶ Я из-за неё на виселицу пойду, из-за этой плутовки: меня об-

---

²⁶ Что за недоразумение! (ит.)

винят, что я похищаю piccolo bambini²⁷, и арестуют. Dio mio! Не сиди так близко к огню, ты платье прожжёшь!

Бородач взобрался на сундук, убрал ножницы в карман и расправил на коленях выкройку накидки, которую, как это теперь было видно, он сооружал для девочки из старого занавеса. Снова вздохнул. Смерил девочку взглядом из-под нахмуренных бровей.

– А ведь ещё весна, – задумчиво проговорил он, – до лета далеко, ночи холодные, она того и гляди замёрзнет в этом своём домашнем платье и туфельках – маленькие дети быстро замерзают. Ей понадобятся ещё stivali e colbacco²⁸ или что они тут носят в холода? Ну куда, куда катится этот мир, если дети начинают убегать из дому и забираться в деревянные сундуки? Эй! Ты слышишь меня, девочка? В первом же городе я договорюсь с каким-нибудь шкипером, баржа которого идёт вверх по течению, и ты отправишься домой.

– Я не хочу домой! – внезапно запротестовала девочка и надула губки. – Мне скучно там. И я не хочу плыть обратно с чужими дядьками на баржах! Я их боюсь.

Бородач сурово сдвинул брови и выпучил глаза:

– А МЕНЯ ты разве не боишься?!

Октавия так и покатилась со смеху – только деревяшки башмачков мелькнули в воздухе.

---

²⁷ Маленьких детей (*ит.*).

²⁸ Сапожки и шапочка (*ит.*).

– Ой, нет, вас я не боюсь! Вы такой смешной! И добрый.

– С чего это ты взяла, что я добрый?

– Вы за меня деньги заплатили. И плащик для меня сидите шьёте. Злой ничего не стал бы шить.

– Много ты понимаешь! Может, это я для куклы платье шью, для представления.

– Нет, не для куклы, не для куклы, я же вижу! И вы всё время на меня глядите, когда сукно режете. Да и разве бывают такие огромные куклы? – Она показала руками какие. – Не прогоняйте меня, господин Карабас! Я буду помогать вам. Я буду помогать вам сундуки перебирать и за куклами присматривать буду, платья им штопать... Ой, вы так интересно рассказываете про своих кукол! Я видела в щёлочку, когда вы Фрицу всё показывали, только мне плохо было видно. И слышно было тоже плохо. А вы мне покажете, как Пьеро читает стихи той красивой девочке, ведь правда покажете?..

– Да замолчишь ты наконец или нет?! – не выдержав, воскликнул Карл-баас и так стукнул кулаком по ящику, на котором сидел, что с досок посыпалась краска. Вытер пот со лба. – Да что ж это творится! Чего бы ради маленькой девочке убегать? Я понимаю, если это мальчик, si, их хлебом не корми, дай убежать из дома. Но воспитанные девочки так себя не ведут. Воспитанные девочки не убегают из дому и не просят старых бородатых дядек взять их с собой в путешествие! Воспитанные девочки сидят дома и занимаются...

занимаются... рогса Madonna, чем они занимаются? Ах, да! Рукоделием они занимаются! Мамам своим они помогают! Кстати, у тебя должна быть мама. Что она подумает, когда поймёт, что ты сбежала? Она решит, что я тебя украл, и пожалуется судейским, а те отправят за мной стражников!

Кукольник весь раскраснелся, глаза его вращались, руки совершали жесты, борода взъерошилась и выбилась из кармана. Фриц сидел в стороне тише мыши, но девчушка, похоже, ничуть не испугалась.

– Меня не украли, я сама ушла, – объявила она. – Я не хочу жить у неё! Она мне не родная, она меня не любит. У неё и так семеро детей, я восьмая. Я им сто раз говорила, что убегу, а мне не верили и называли меня дурочкой. А я не дурочка, не дурочка! Моя настоящая мама Алоиза умерла от горячки, когда я была совсем-совсем маленькая. У меня от неё остался на память только этот чепчик с кружевами, его ещё моя бабушка носила...

Карл Барба перевёл дыхание и малость успокоился.

– Ребёнок, – наставительно сказал он, – должен уважать своих родителей, кем бы они ему ни доводились. Любит, не любит, при чём тут это? Тебе разве плохо жилось? Тебя там разве били? Не давали есть? Сажали в тёмный чулан?

– Нет... То есть да, иногда колотили, если я разбивала тарелку или пережаривала мясо, но не сильно. Но я не хочу просидеть там всю жизнь! От их постоянного двора всё равно очень мало денег, этой осенью они собирались отдать меня

в пансион при монастыре. А я не хочу в монастырь, не хочу, не хочу!..

Она топнула ножкой.

– Мало ли, что ты не хочешь! А чего ты хочешь?

– Я хочу быть как мой папа.

– Вот как? – Карл-баас поправил очки и с новым выражением воззрился на девочку. – Гм! Интересно. А кто у нас э-э... папа?

– Мой отец моряк, вот! – объявила девочка. – Мой дедушка рассказывал, что папка плавал на огромных кораблях – у него их было три или даже десять! Он приплывал два раза в год и привозил моей маме деньги и подарки и всякие красивые штуки, а потом однажды уплыл далеко-далеко, в далёкую страну, уплыл и не вернулся. А мама осталась одна, а потом умерла от горячки. Я не хочу жить, как она, я сама хочу плавать! Я уже знаю, как устроен корабль, я знаю, как находить путь по звёздам, я знаю много-много всего! Я хочу быть как он.

Карл-баас ошеломлённо покачал головой, опять поправил очки и задумчиво уставился на догорающий костёр.

– Клянусь Пресвятой Девой, – наконец проговорил он, – если бы мне в Милане год назад кто-нибудь сказал, что где-то во Фландрии ко мне в сундук возьмёт и заберётся восьмилетняя девочка, которая захотела убежать из дома и стать моряком, я бы умер со смеху или прибил этого остряка на месте за такие шутки. Но скажи мне, дитя, объясни, почему

из всех проезжих путников ты выбрала именно *меня*?

Октавия, кажется, впервые за этот вечер опустила глаза и заметно смутилась.

– А вы не будете смеяться, если я скажу?

– Обещаю, что не буду, – торжественно пообещал бородач и поднял руку. – Клянусь.

– Ну, – произнесла она, неловко комкая передник. – Ну... у вас же столько кукол...

И покраснела.

* * *

Ранним утром, до восхода солнца, в приоткрытые ворота бернардинского монастыря в Геймблахе въехала тележка, запряжённая ослом. На передке сидел и правил толстый малый в сером платье и дорожных сапогах, а на задке, среди мешков и сундуков, понутив голову, сидел монах из местной братии. Вслед за повозкой, в поводу ведя осёдланную лошадь, шёл высокий, сумрачного вида сухощавый человек с поджатыми губами. Одежды его были черны, дорожный плащ запачкан грязью. Поверх седла и сумок приторочен был тяжёлый длинный меч с тупым концом и зачехлённой крестовидной рукоятью. Двор полнился туманом, словно чаша – грязным молоком, повсюду было холодно и сыро, под ногами чавкало, от дыхания в воздухе сгущался пар. Приехавших, как видно, ждали: два монаха вышли их встречать. Ещё один, по

виду человек военный – желчный пучеглазый тип с неровно выбритым лицом, стоял и молча наблюдал за их прибытием, скрестивши руки на груди. На нём был жёлтый стёганный, немецкого кроя полукафтан с нашивками на рукаве, штаны, набитые как дыни, и малиновый берет на восемь клиньев, который он надвинул на глаза. Всё было «Zerhauen und zerschnitten nach adeligen Sitten»²⁹, как это называли ландскнехты.

Животных распрягли и увели. Прибывший передал встречающим поводья, отбросил за спину капюшон, стащил берет с красным пером и оглядел обширный двор, толстые стены, башенки и массивные створки ворот, которые как раз в этот момент привратники закладывали тяжёлым брусом. Голова его оказалась наголо выбритой, на левой руке не хватало мизинца.

– *Rax vobiscum*³⁰, – раздался голос у него за спиной. – Вы господин Людгер? Людгер Мисбах из Гарлебека, городской палач?

Бритоголовый обернулся и обнаружил ещё одного монаха, терпеливо дожидавшегося ответа.

– *Ja*, – скрипучим голосом проговорил он, – это моё имя.

– Мне поручили вас встретить. Как вы доехали?

– Вполне хорошо. Благодарю вас, – холодно ответил тот.

Речь прибывшего монах понимал прекрасно. Монастыри

---

²⁹ Разрублено и разрезано по благородному обычаю (нем.).

³⁰ Мир вам (лат.).

собирали в своих стенах самую разношёрстную братию со всех концов Европы. Многие монахи были красноречивы на фламандском, французском и латинском языках, и если иногда случалось, что какой-нибудь монах *modice litteratus*³¹ не знает латыни, можно было надеяться, что он поймёт, если заговорить с ним по-французски.

– *Padre guardian*³² встретится с вами после утренней трапезы, – сказал монах. – Комнаты для вас и вашего помощника приготовлены в странноприимном доме, если вы не возражаете. Там не слишком удобно, но вполне терпимо и тепло. Вы, наверное, устали в пути. Я попрошу нагреть воду в купальнях. Вам потребна какая-либо помощь?

– *Nein*, – покачал головою пришелец. – Благодарю. С помощником управимся. Где нам расположиться?

– Я покажу. Следуйте за мной. – Монах склонил голову. – Я здешний келарь, моё имя Гельмут. Если вам что-нибудь понадобится, разыщите меня или моего помощника, его зовут Арманд. Обычно я бываю в кладовых или в амбаре, а помощник – ну, он где-то там же. Спросите у кого-нибудь из братии или конверсов, они покажут.

Палач кивнул, сделал знак своему спутнику и зашагал за монахом. Стражник у порога пропустил их, проводил взглядом в спину, плюнул, переменял наклон с одной диагонали на другую и по новой привалился к косяку в проплеши-

---

³¹ Недостаточно образованный (*лат.*).

³² Прелат, настоятель (*лат.*).

нах зелёной краски. Через минуту у него за спиной скрипнула дверца караульной комнаты. Зевая и почёсываясь, наружу вышел Санчес – босиком, зато в штанах с галуном и в жёлтой кожаной куртке, наброшенной поверх рубахи. В руке его был кисет.

– Что за шум, сеньор Киппер? – дружелюбно поинтересовался он, неторопливо набивая утреннюю трубочку. – Экзекutory прикатали?

– Ага. Они, – буркнул тот, не поднимая взгляда. – Только не прикатали – притопали.

– А! И то дело. – Санчес оживился и зевнул. Просунул руки в рукава, поёжился. – Может, хоть сдвинется чего, в город переберёмся. Скучно здесь. Ни в карты поиграть, ни баб пощупать. Да и приодеться б не мешало, а то жалованье копится и копится, а штаны совсем протёрлись на задуге. Ей-ей, я скоро буду задницей светить, как жук-светляк.

– Подрясник у монахов попроси.

– Хе-хе, шутить изволите, señor amferes, я понимаю! – добродушно захихикал Санчес (в отличие от Киппера он выспался и пребывал в наилучшем расположении духа; ссориться ему не хотелось). – Кстати, ведь и вам от их приезда будет польза.

Десятник обернулся, с подозрением нахмурил брови:

– Что? Польза? Что ещё за польза?

– Как что за польза? Будет вам теперь с кем на родном языке словечком переброситься.

– На каком родном языке?

– Да на немецком. Этот ведь палач, я слышал, тоже немец.

В ответ на это Мартин Киппер разразился длинной тирадой, в которой через слово или два чередовались *scheiße*, *dreck* и *donnerwetter*³³.

– Он не есть немец, – наконец сказал он. – Учился говорить, как немец, и только.

– О чём вы? Кто же он, по-вашему, если не немец?

– Какая разница? Мадьяр, арнаут или москвит. Такой же, как его помощник.

– Вот как? Надо же... А я бы не заметил. – Санчес снова потянулся и зевнул. – Ну и ладно. Нам-то что? Лишь бы он своё дело знал.

– Ja, ja, – задумчиво проговорил десятник. – So... Лишь бы дело знал.

* * *

Аббат Микаэль отвернулся от окна, через которое он наблюдал за въездом в монастырь заплечных дел мастера, и поднял взгляд на брата Себастьяна.

Доминиканец ждал.

– Итак, ваш подручный прибыл.

– *Alea jacta est*³⁴, – пожал плечами инквизитор. – Негоже

---

³³ Грубые немецкие ругательства.

³⁴ Жребий брошен (*лат.*).

останавливаться на полдороге. Ваши сомнения могут повредить и ей, и вам.

– Вы уверены, что мне необходимо присутствовать?

Брат Себастьян выпростал руку из рукава рясы и провёл ладонью по толстой книге, лежащей на столе.

– Вы не хуже меня знакомы с правилами и законами, досточтимый брат Микаэль. *Tres facitunt capitulum*³⁵, а настоятель обители, в которой происходит рассмотрение дела, обязательно должен входить в тройку.

Аббат помолчал.

– Сколько лет вы состоите инквизитором, брат Себастьян?

– Восемь, аббон. Всего лишь восемь.

– Целых восемь лет, – задумчиво проговорил тот. – Францисканцы не позволяют своим монахам служить инквизиторами больше пяти.

– Я доминиканец.

– Да, я знаю. А что насчёт *Periti et Viri Boni*?³⁶ Сколько человек вам потребуется?

– Надеюсь, хватит двадцати. Я сам позабочусь об этом. Но буду благодарен, если вы мне ещё кого-нибудь порекомендуете.

---

³⁵ Трое составляют капитул (*лат.*).

³⁶ *Periti et Viri Boni* (букв. «эксперты и добрые люди») – группа людей, в той или иной степени игравших роль жюри в процессе обвинения. Начиная с 1264 года, после указа папы Урбана IV, инквизитору предписывалось вести все дела и выносить приговоры лишь после того, как эти люди выскажут своё мнение по делу.

– Что ж, если так, то можете начинать. Я не возражаю.

Мне поговорить с экзекутором?

Брат Себастьян склонил голову.

– Я сам с ним поговорю.

Никак

*И не свѣта та петля, чтобы меня удержать.
И серебряная ложка в пулю не отлита.
От крови моей ржавеет сталь любого ножа.
Ни одна меня во гробе не удержит плита.*

*И когда истает плоть моя теплом в декабре,
В чьё спелѣнутое тело дух мой в марте войдёт?
И по смеху отъищи меня в соседнем дворе —
И к тебе с моей усмешкой кто-нибудь подойдёт.*

ТИККИ³⁷

«Когда ученики готовы, появляется учитель. Не наоборот.

Талант есть талант, и ничего тут не поделать — он всегда бежит впереди осознанных желаний. Если его постоянно душить и ограничивать, он зачахнет. Если предоставить ему безграничную свободу, его погубят вседозволенность и лень. Необходимо среднее, как дереву: тому нужна каменистая почва, чтобы не изнежиться, и в то же время палый перегной, чтобы иметь необходимые для роста жирные тушки.

Уже высказывал я мысль, что, если кто-то обладает силой, с коей не способен совладать, и поэтому может при-

---

³⁷ Марина Богданова (Тикки А. Шельен), «Сиреневое пламя».

чинить огромный вред, необходимо как-то ограничить его в процессе обучения и воспитания. Но тогда не будет никакого роста и развития! Корни дерева нередко разрывают глиняную кадку, и я боюсь, что в данном случае «разрыв» окажется ужасен. Неконтролируемые проявления волшебного таланта присущи начинающему магу и схожи в этом смысле с ночными извержениями у мальчиков. Думаю, мой приёмный родитель тоже столкнулся с подобной проблемой. Два десятилетия спустя с ней столкнулся и я, и также не нашёл другого выхода, кроме как заставить будущего мага в ходе обучения высвободить свою силу **постепенно**.

Если распрямлять согнутое дерево, оно сломается.

Как я успел убедиться на собственном опыте, довольно простой в изготовлении оберег семи металлов успешно сдерживает спонтанный магический выброс, предотвращая нежелательную волибу. Идея, видимо, стара, придумана не мной и даже не моим учителем: ещё в норманнских сагах упоминается подобный «драупнир». Всякий раз теперь, чтобы подвигнуть себя на сложное магическое действие, мальчику потребна будет определённая решимость, некое душевное усилие, которое заставит начинающего мага ощущать ответственность за свой поступок. И ещё. Уже само принятие решения об их действительной необходимости провоцирует духовный рост и способствует постепенному увеличению магической нагрузки. Жизненно необходимо, чтобы подобные поступки порождались не суетными чувствами,

но рассудком и разумом. Какой путь после этого выберет разум, это уже другой вопрос – жизнь в одинаковой степени учит как жестокости, так и милосердию.

Но как быть с другим моим учеником, вернее, ученицей? Женская волиба отлична от мужской, ведь женщиной движут именно чувства, она подвержена страстям, сильные порывы души способны затмить в ней голос разума. Обучить этому невозможно, ограничивать опасно: женщины упрямы, мыслят по-другому, их реакция на возникшие препятствия непредсказуема. Женщина в равной степени способна как утроить усилия в достижении поставленной цели, так и с лёгким сердцем отказаться от этой цели вообще, сочтя её в принципе недостижимой или посчитав себя лишённой всякого таланта.

Сердце моё в сомнении. Как мне добиться равновесия подобных устремлений? Я думаю над этим и всякий раз прихожу к одному и тому же ответу: никак. С горечью в душе я вынужден признать, что никак не могу ей помочь, а могу только постараться не навредить...»

– Господин Мисбах!

«...если только я уже не навредил».

– Господин Мисбах! Вы тута или где?

Заскрипели ступеньки. Золтан торопливо захлопнул тетрадь, завернул её в мешковину и упрятал в сумку за мгновение до того, как дверь приоткрылась и в щель проник сильный нос брата Арманда. За помощником келаря водилась

неприятная привычка входить без стука, у Хагга всякий раз чесались руки прищемить ему этот самый нос, но приходилось сдерживаться: личина палача диктовала свои правила и обязывала вести себя соответствующе. В городской иерархии палач стоял немногим выше, чем могильщик или ночной стражник, в спину его презирали, вслед плевались, но мало кого так боялись в лицо. Потому зазнаваться не стоило, но страхом этим можно было воспользоваться. К тому же оный брат Арманд был потрясающе болтлив для бернардинца, от которых порой за весь день и двух слов не услышишь. Иоганн Шольц в первый день свёл с ним знакомство, и Золтан не без основания считал это большой удачей.

– Что есть случиться? – выговорил он, старательно коверкая слова.

«Чёрт бы побрал этот акцент!»

Монах проник в келью, как большая серая клякса, и согнулся в поклоне.

– Меня это... – почесал он тонзуру, затем нашёлся: – Меня за вами, господин палач, послали, стало быть, ага. Брат Гельмут так и говорит, отец, мол, настоятель просит вас зайти к нему, и по возможности быстрее. А то, говорит, к полудню близится, а время дорого. Так что, если вы уже отзавтракать изволили, я это... как бы провожу, а если не изволили, я это... как бы подожду. Эй, а вы это чего с утра и за чтение? Никак, я погляжу, вы эта... тоже книжками балуетесь?

Золтан обернулся и с неудовольствием увидел выгляды-

вающий из-под мешковины угол кожаного переплёта.

– Nein, – сказал он, задвигая тетрадь глубже в сумку. – Это не есть книга, это есть ein Notizbuch, чтоб записывать каждый приём для моей работа. Ich studiere³⁸. Много нового.

– А, – закивал монах, – понятственно. И то, наука ваша сложная, не каждый запомнит. Ну так пойдёте или передать чего?

– Иду. Мне инструмент и помощника брать?

– Чего? А! Нет, пока, сказали, не надо ничего. Эта... идёте.

Вышли. Мартовское солнце поднималось медленно, но грело так, что во дворе уже порядочно натаяло. Снег сохранился только возле стен. Путь лежал в обход храмины. Монахи сновали по двору, двигали, носили, перекапывали, трое-четверо куда-то направлялись с клиньями и топорами. Гравий пополам с ледышками тихо похрустывал под подошвами.

– Как спали ночью, господин палач? А?

– Спал? – с удивленьем переспросил монаха Золтан. – Благодаренье господу нашему, я замечательно спал. А почему бы мне замечательно не спать?

– Дык, это... – брат Арманд почесал макушку. – Всякое ж бывает.

Золтан поморщился – монах чесался почти непрерывно.

– Всякое? Что есть «всякое»?

---

³⁸ Я обучаюсь (нем.).

Брат Арманд, не сбавляя шага, осенил себя крестом, бросил два быстрых взгляда по сторонам и понизил голос.

— Хотите верьте, господин палач, хотите нет, — проговорил он, — только я вот чего скажу: неладное что-то делается в нашей обители с тех пор, как эту девку привезли.

— А что такое?

— Разное, — уклончиво ответил монах. — Шум по ночам, я сам шаги слышал, окошко у её ночами как-то не по-христиански светится... Слух ходит, будто бы она, ведунья эта, по ночам колдует, вроде как, и это... это самое...

Он гулко сглотнул, многозначительно дёрнул подбородком и умолк.

— Колдовство? — спросил Золтан.

— Ну ага. Слава всевышнему, — торопливо добавил Арманд, осеня себя святым крестом, — слава всевышнему, ей монастырский воздух разгуляться не даёт, а то б она всех своими колдовскими кознями как есть поизвела!

— Это есть чушь, — презрительно бросил Хагг. — А ты есть болван, если веришь. Потому как если монастырь ваш святой и вера ваша сильна есть, то никак нельзя колдовать. А если эта ведьма столь сильна есть, что не боится вас и стен обители, она давно бы убежала. So?

— Так-то так. — Помощник келаря опять поскрёб макушку. — Тока почему тогда солдаты это... друг на дружку косятся и это... а? Соль освящённую на теле носят, ладони воском натирают. И пьют без роздыху, как греческая губка. А ночи

три тому назад вообще пальбу затеяли, всю братию перебудили. А мы как выбежали – ничего и нету. А?

– Наверно, это всё из-за вина.

– Може, оно и так, а тока – хотите верьте, господин папач, хотите нет – я сам видал, как что-то этакое по небу летало, как бочонок в тряпках. Я ведь что? Ведь я встал тогда, той ночью, по нужде. Ага. Стою (добрался, значит), отливаю. Это... голову задрал на небо поглядеть, какая завтрава погода, а гляжу – летит! Белое, пытит, руками машет, морда – во! А я же это... я ж со сна, не сразу понял, а оно по-над стеной, меж башен во-он туда – и был таков. А я испугался, так испугался, что, стыдно говорить, подол у рясы обмочил. Добрался до постели, лёг, читаю Pater noster, зубы лязгают, сам думаю: привиделось или не привиделось? Привиделось или не привиделось? Ведь раз оно привидение, то, стало быть, привиделось. А раз на самом деле было, значит, не привиделось. О как, думаю себе! А тут эти ка-ак выстрелят... Я разом так и понял: не привиделось!

– Das ist брехня, – уверенно отрезал Хагг и прибавил шагу.

В келье, предоставленной монастырём брату Себастьяну, было холодно и аскетически просторно. И монаха, и его ученика такое положение дел вполне устраивало, но Золтан сразу заскучал по своей душной, но натопленной комнате в приюте для странников. За дверью оказались только сам брат Себастьян и его ученик. Аббата не было. Помощник келаря

не стал входить и удалился.

– *Rax vobiscum*, сын мой, – сказал монах, вставая.

Золтан нацепил на лицо желчную маску Людгера Мисбаха и сухо поклонился в ответ.

– Вы хотели, чтоб я пришёл, святой отец, – сказал он. – Мои услуги уже требуются?

– Не так скоро, сын мой, не так скоро. – Брат Себастьян встал и прошёлся по келье, заложив ладони в рукава рясы. Золтан и послушник молча и сосредоточенно следили за его передвижением.

Наконец монах остановился у окна.

– Случай, с которым мы имеем дело, несколько нетипичный, – проговорил он, стоя к ним спиной, затем обернулся, но всё равно избегал глядеть собеседнику в глаза, будто в смущении. – Вы уже видели эту женщину?

– Ту девочку?

– Пусть вас не смущает её внешность. Это её обвиняют в ведовстве, участии в бесовских шабашах, приготовлении запрещённых знахарских снадобий, а также в ереси и покушении на убийство.

– *Gerr Gott!* – с чувством сказал Золтан и неторопливо перекрестился. – Это слишком много для один человек: здесь хватит на три костра. Я, я её видел. Её вина доказана? Каков есть *corpus delicti*?³⁹

Монах вздохнул.

---

³⁹ Состав преступления (*лат.*).

– Это-то нам с вами и предстоит установить. Справедливость требует, чтобы ведьма не была приговорена к смерти, пока не признает себя виновной. Вы не хуже меня знаете, что ведьму мало схватить, у неё ещё полагается вырвать признание в колдовстве. А это непросто. Нужно, чтобы она подтвердила свои показания на суде. *Confessio extrajudicialis in se nulla est; et quod nullum est, non potest adminiculi*⁴⁰.

Золтан поклонился:

– Не беспокойтесь. Знать и различать подобное – моя обязанность. Я ведьмин знак у тысяч женщин искал и около сотни их сжёг. Я весь внимание. Что требуется?

Тут брат Себастьян опять неожиданно задумался, вполоборота встал к окну и долго молчал. Яркий свет, льющийся через мелкие стёкла переплёта, резко очерчивал его профиль.

– Я в затруднении, – наконец признался он. – Как я уже сказал, случай нетипичный. Нетипичность заключается в том, что эта девушка, эта молодая... хм... ведьма носит ребёнка. Думаю, вы уже знаете об этом, у солдат длинные языки. Срок небольшой – я приглашал акушерку, она подтвердила. Тем не менее... – Он колебался. – Тем не менее я считаю опасным подвергать её обычным, предусмотренным в таких случаях пыткам. Святая Церковь Христова сурова, но милосердна. Я вовсе не желаю причинять девице вред,

---

⁴⁰ Внесудебные признания сами по себе ничего не стоят, а то, что ничего постоит, не может служить опорой (*лат.*).

но мои положение и сан, а также долг инквизитора обязывают доискаться истины и спасти заблудшую душу. Я искренне надеюсь, что здравый смысл возобладает, раскаянье снизойдёт на неё и она сама признается во всём. Но если дело всё-таки дойдёт до пыток, я хотел бы, чтобы их применял профессионал. Для этого я вас и вызвал. Вам раньше доводилось иметь дело с такими... случаями?

– С беременными женщинами? – с грубой прямоотой уточнил Хагг. – Я. Но не часто. И обычно судья был мало озабочен тем, чтоб сохранить будущий ребёнок. Это и есть вся... нетипичность?

Священник покивал:

– Увы, я понимаю вас: гражданские суды жестоки до чрезвычайности. Их тоже можно понять – мирские преступления требуют самого скорейшего расследования, и здесь все средства хороши. И всё же удивительное равнодушие общества к определённым формам жестокости не может не вызвать нареканий... Но к делу. Мы не проклятые протестанты и не еретическая Звёздная палата⁴¹, поэтому всё будет по закону. В качестве предупреждения можете предложить её вниманию любые ваши инструменты и приспособления, вплоть до самых жестоких; это обычная процедура, тут у меня нет нареканий. Но в качестве реальных мер я бы предпочёл видеть

---

⁴¹ Суд Звёздной палаты был создан в Великобритании во времена правления Генриха VIII и применял одни из самых жестоких пыток, которыми запятнало себя английское правосудие. Был распушен в 1640 году.

что-либо более... щадящее. Она ни в коем разе не должна скончаться раньше, чем свершится правосудие.

– Значит, вы полагаете, дело может ограничиться тюремным заключением?

– Почему бы нет? – развёл руками отец Себастьян. – Такие случаи не редкость. Более того, чаще всего наказанием становится именно тюремное заключение. Да вот, зачем далеко ходить за примером: совсем недавно, этой весной, один такой пособник колдуна, трубочист из Гаммельна, отделался обычным *migus largus*⁴². Всё зависит от добровольности признания обвиняемой своей вины и тяжести оной. Главное, чтобы жертву постигло искреннее раскаяние. Итак, что вы предложите?

Золтан задумался. Многолетняя, въевшаяся в кровь привычка сдерживать эмоции, как всегда в такие минуты, взяла верх. По пустому, равнодушному выражению его лица стороннему наблюдателю непросто было догадаться, что происходит у него в душе.

А происходило многое.

Среди инквизиторов встречались люди разные. В глубине души Хагг был уверен, что в процессе дознавания и выявления истины всё зависит от того, какой человек берётся за дело. Брат Себастьян был и прав, и неправ. Если отрешиться от методов, инквизиция создала четкую и хорошо продуман-

---

⁴² Одинокое заключение без ношения цепей и с регулярным допуском посетителей.

ную систему ведения следствия и судебного процесса, ставшую эталоном даже для гражданской власти. Что до жестокости, то эти свечи горели с обоих концов: жестокость шла не только сверху, но и снизу. Если только можно было так сказать, девчонке дико, неправдоподобно повезло, что её схватили сами церковники, без всякого доноса и людского оговора. В противном случае процесс уже давно бы состоялся. После множества публичных казней у народа уже вошло в привычку: если власти по первым, даже самым сомнительным слухам не принимают решительных мер и не прибегают к пыткам и сожжениям, народ сразу начинает вопить: «Эти судейские со своими жёнами и детьми пущай остерегаются! Их, должно быть, подкупили богачи, раз они так медлят! Все знатные семьи города предались магии; скоро можно будет просто пальцами показывать на ведьм! Но погодите, ваша очередь ещё придёт!»

Судя по происходящему в стране, их очередь уже пришла. Золтану вспомнился его не слишком давний разговор с господином Андерсоном (тревога недопонимания опять кольнула сердце: для чего он всё-таки везёт с собой тот чёртов улей?), когда тот говорил, что спасение Фландрии – в растущей ненависти между бедняками и богачами. То, что ненависть ударит и по этим, и по тем, Золтану ему доказать не удалось. Сейчас, пожалуй, он нашёл бы подходящий аргумент.

О пытках следовало подумать особо. Регламент инквизи-

ции допускал применение последовательно всего трёх пыток – верёвкой, водой и огнём. Тяжесть их возрастала от первой к последней, поэтому нельзя было начинать пытать сразу, скажем, с третьей. Пытку могли и вообще не начать в случае сознания обвиняемого в предъявленном обвинении. Золтан знал случаи из собственной практики, когда негодяи и заклятые враги католической церкви лицемерным раскаянием не только избегали пытки, но и вообще наказания в привычном понимании. К тому же последние постановления предписывали проявлять определённое милосердие к детям, старикам и беременным женщинам.

Но признание почти немедленно повлекло бы за собою наказание, а этого было нельзя допустить. Был ли у девчонки шанс на оправдание? Наверное, нет.

А выжить?

Выжить – был.

Золтан вполне мог выиграть в этой опасной, но не безнадёжной игре. Главное сейчас было не ошибиться.

– Если вы так настаиваете, – наконец сказал он, – я не буду рекомендовать вам *peine forte et dure* или *strappado*⁴³, хотя я однажды видел, как в Вюрцбурге беременная женщина провисела на вывернутых руках четыре часа подряд. So. По этой же причине, вероятно, недопустимыми будут *tormento*

---

⁴³ *Peine forte et dure* – пытка наложением тяжестей; *strappado* – подвешивание за руки с грузом на ногах.

de toca и hoc est superjejunare⁴⁴, если мы не хотим помешать нормальному развитию плода. А мы же не хотим?..

Монах одобрительно кивнул, выражая согласие, Хагг сделал в уме ещё одну пометку и продолжил:

– В таком разе, думаю, можно что-нибудь из арсенала лёгких пыток применить, скажем, «кубики» или bastinado⁴⁵. Лучше всего второе – это действительно, болезненно, не требует много времени и не вредит костям. Это может быть полезным и потому ещё, что, если потребуется перевезти пленницу, она сама сможет идти и не понадобится тележка.

– Похоже, мне не зря вас рекомендовали, господин Мисбах, – с удовлетворением сказал инквизитор. – Вижу, что вы дока в этом деле, и всецело одобряю ваш выбор. А что до той резни в Бамберге и Вюрцбурге... – Он помрачнел и покачал головой. – Я слышал об этом. И сожалею. Но мы ничего не успели сделать: в этих землях нет инквизиционных трибуналов, приговоры выносили епископальные суды.

Хагг не нашёлся, что ответить, только снова поклонился. Если даже брат Себастьян и сомневался в нём или в его способностях палача, эти сомнения развеялись. Золтан всякое повидал в этой жизни и многое, о чём говорил, знал не понаслышке.

---

⁴⁴ Tormento de toca – пытка водой; hoc est superjejunare – лишение пищи.

⁴⁵ «Кубики» – на пятке узника закреплялись железные плашки, напоминавшие игральные кости, которые сжимались закручиванием винта; bastinado – битьё по пяткам и ступням. Относилось к лёгким пыткам.

– Так что насчёт показательной беседы? – сделал он следующий ход. – Быть может, стоит прямо сегодня начать? Это много времени не займёт, и чем раньше произойдёт, тем дольше она будет об этом думать и до суда сможет положение своё трезво оценить.

Монах задумался.

– Пожалуй, да... – сказал он наконец. – Да, да. Вы совершенно правы, мастер Людгер. Давайте дождёмся вечера и сразу с ней поговорим. Что ж, пожалуй, это всё. Вы можете идти. Э-э... что-нибудь ещё?

– Ещё? – Золтан задумался и решил рискнуть. – Да, пожалуй. Мне не нравится, что девушку содержат одну. Установления предписывают после признания не оставлять ведьму в заключении одну, её надо держать с сокамерницами, чтоб предотвратить самоубийство.

Брат Себастьян отрицательно покачал головой:

– Для этого как минимум следует отвезти её в город, в тюрьму, где есть другие ведьмы. А этого пока мне делать... не хотелось бы. Она ведёт себя спокойно, потолок в её комнате низкий, а в кровати нет верёвок. Не устраивать же мне ей для компании облаву на ведьм по окрестным деревням!

Золтан мысленно выругался, проклиная изощрённый ум испанца – второго варианта даже он не мог предусмотреть.

– Пусть её хотя бы посещают чаще. Наблюдают. И говорят с ней.

– Ей и так два раза в сутки приносят пищу.

– Тюремные уложения велят проводывать заключённую каждый час. Я слышал, там, среди стражи, есть какой-то юноша – кажется, его зовут Михель. Может, стоит разрешить ему иногда просто так бывать у неё? Под присмотром, конечно. Подобный бесед может спровоцировать её на откровение и облегчить признание.

– Возможно, возможно, – с сомнением произнёс испанец. – Но кто будет присматривать? Подготовка к процессу отнимает у меня слишком много сил и времени. Томас ещё слишком юн, чтобы доверить ему такое дело. А этот Мигель... у меня есть на его счёт некоторые, скажем так, сомнения.

– Я мог бы эту обязанность на себя взять.

– Вы думаете? Хм...

– Вполне думаю. К тому же я постараюсь не быть навязчивым.

– Хорошо, – решил наконец брат Себастьян, – пусть будет так. Приготовьте всё необходимое, и после обедни мы навестим нашу пленницу.

– Я приготовлю, – сказал Хагг. – Это уже допрос будет?

– Нет, просто ещё одна попытка её образумить.

Золтан Хагг поклонился и против воли проскрипел зубами.

– Я приготовлю, – повторил он и, поворачиваясь, зацепился взглядом за послушника.

Мальчишка пристально глядел ему в глаза.

Некоторое время после ухода «мастера Людгера» в келье царила тишина. Отец-инквизитор, всё так же стоя у окна, молча провожал взглядом худую чёрную фигуру.

– Ты ничего не находишь странного в происходящем, друг мой Томас? – спросил он у послушника, когда палач скрылся за углом.

Томас поднял голову:

– Ч-что?

– Я спросил тебя: ты ничего не заметил странного в этом человеке?

– Н-нет... хотя его взгляд... На миг мне п-показалось, что он ненавидит в-всех в округе. Словно бы на этом чеа-э... ловеке лежит печать чего-то тёмного.

Старший монах вздохнул.

– Это как раз неудивительно – на всех палачах, наверное, лежит отпечаток чего-то тёмного, такова их профессия, но и она тоже нужна. Но я говорил не об этом. Видишь ли, бастинадо – восточная пытка. Я нисколько бы не удивился, предложи её палач Наварры или Гранады, но откуда её может знать фламандский немец?

Мальчишка неопределённо пожал плечами:

– Д-должно быть, много повидал.

– Как ты сказал? – повернулся к нему брат Себастьян. – «Много повидал»? Хм... Может, и так, может, и так... Во всяком случае, хочется в это верить.

И снова замолчал.

Небо было предвечерне-синим, в медленно плывущих разноцветных волнах матового света. Выше них скользили облака, сквозь кои просвечивал узор незнакомых созвездий. Отдельные звёздочки и даже сочетания их память будто узнавала, но в целом картина складывалась совершенно чуждая и сердцу, и уму. Не было ни солнца, ни луны. Да и само небо здесь казалось слишком низким, закруглялось ближним горизонтом сразу за горами; купол будто давил на затылок, заставлял человека сутулиться, втягивать голову в плечи.

Царила странная и совершенно неземная тишина без птичьих криков. Воздух, сухой и прохладный, пах перепрелой листвой.

– Жаль, что ты не видишь всех цветов.

Человек на смотровой площадке старой башни вздрогнул, обернулся, встретился глазами с собеседником и облегчённо выдохнул.

– Тил, – констатировал он. – Не ждал тебя сегодня.

Тот помахал рукой:

– Привет, Жуга. Не рад меня видеть?

– Отчего же, – кисло усмехнулся травник, – рад. Только никак не могу привыкнуть к твоей манере подкрадываться неслышно.

Пришелец – стройный как тополь, высокий парень с белыми, но не седыми волосами, стриженными так, чтоб закрывали уши, в свою очередь усмехнулся и погрозил длинным пальцем:

– Нечестно. У тебя такая же.

– Нашёл оправдание... – Травник сморщился, как морщатся от застарелой боли, и потёр грудь под рубахой. Прошёлся пятернёй по мокрым от тумана рыжим волосам и непроизвольно оглянулся ещё раз.

– В этом месте, – медленно проговорил он, – мне всё время кажется, будто кто-то прячется за углом. Следит за каждым моим шагом. Мерзкое чувство. Будто кто-то в будущем ходит по моей могиле.

Беловолосый подошёл ближе, откинул за плечо потрёпанный зелёный плащ и облокотился на шершавый парапет. Окинул взглядом окрестности.

На расстоянии в пятьсот шагов от башни начинался лес, предгорья тоже кучерявились деревьями. Почти нигде не зеленела хвоя, только маленькая роща сосен там, где должен быть восток. Скользил туман. На склонах серебрились два ручья, чуть ниже по течению сливавшиеся в речку, она огибала замок с двух сторон и утекала прочь, на западе ныряя вниз, под землю. Вода в ней круглый год не замерзала. Жуга не удивился бы, узнав, что под землёй она глотает свой хвост и оттого течёт по кругу.

Дорог в лесу не было.

Замок отличался необычностью. Наполовину вросший в основание скал, наполовину облепивший их снаружи, он был и каменный, и деревянный, 50 на 50, сливался с местностью, казался хаотичным. У его создателей было странное понятие о красоте и удивительные методы строительства. Туннели, вырытые в толще скал, казались дикими, но в их расположении просматривалась некая система. На стенах травник не нашёл следа кайла или зубила, лишь остаточную магию, от времени сухую и трескучую, как паутинка. Все залы, переходы и сквозные анфилады комнат были созданы таким же способом. Везде царила чуждая людскому глазу, но при этом явная гармония несоразмерных стен, перил, подъёмов, спусков, пандусов и лестниц, закруглённых поворотов, не прямых углов, витого купольного свода и оконных переплётов в виде сотовых решёток. То был мир головокружительной несимметричности, архитектура выгнутого сустава. Только пол был ровный, в этом предпочтения сидов и людей совпадали. Нигде ни кирпича, ни вделанного в стену камушка; гладкие поверхности напоминали текстуру древесной коры с орнаментом листвы и перекрученных ветвей на балюстрадах и колоннах. Лишь недавно травник понял, что все эти туннели и ходы в скале прокладывали *корни*. Именно так. Старший народ жил с магией в крови и свои замки не строил, а выращивал. Можно было догадаться и раньше: все семнадцать башен, включая донжон, представляли собой гигантские стволы деревьев неизвестной травнику породы —

белокорые, с толстыми ветвями наверху, с корнями у подножия, полые внутри, закаменевшие снаружи. Вся обстановка в комнатах и в караулах тоже была выращена.

Или отсутствовала.

– Вот уж извини, – проговорил беловолосый, – с этим твоим беспокойством я ничего не могу поделать. Я ведь говорил тебе...

– Да помню, помню: старая застава Тильвит-Тегов, всё такое. Просто очень мне не по себе. Не обращай внимания. Привыкну.

Тил усмехнулся:

– Привыкнешь? Это вряд ли. Тут всегда немного странно. А чего ты хочешь? Всё опутано следами старой магии. Здесь применяли сильную волшебную «пропитку» – колдовство удерживает стены этой крепости, как у людей раствор скрепляет камни. А если учесть, что кругом следы ремонтов после боя, остатки сторожевых заклятий, клочья маскировки, сигнальные струны...

Травник вскинул голову, заинтересованно огляделся и опять повернулся к собеседнику:

– Ты что, чувствуешь всё это?

– А то нет! – Налетевший порыв ветра колыхнул перо на его фламандской шапочке. – Это всё равно как если бы убрали пушки, но оставили лафеты. Трудно после этого не думать о войне. Но ты напрасно беспокоишься: уже много сотен лет тут никого нет, ни высокого народа, ни подземных

гномов, никаких живых существ, только камень и дерево, — закончил он, вздохнул и грустно улыбнулся своим мыслям. — Ладно, — объявил он, шлёпнул ладонями о парапет, отстранился и развернулся к собеседнику лицом. — В следующий раз буду предупреждать о своём появлении.

— Интересно как?

— У меня свои способы.

Глубокие, непроглядно-чёрные глаза пришельца были не по-человечески грустны и в то же время не по-человечески насмешливы. Взгляд их было трудно выдержать. Ещё труднее было потом отвести свой.

Рыжий выдержал. Затем отвёл.

— Лучше бы ты помог мне выбраться отсюда, — ответил он. Тил покачал головой:

— Ты знаешь, что это не в моих силах.

— Но сюда-то я как-то попал!

Беловолосый не ответил. Вместо этого опять поднял голову к небу.

— Скоро совсем стемнеет, — как бы про себя сказал он. — Жаль, что ты не видишь этих цветов.

— Ну жаль и жаль. Бог с ними. А зачем они?

— Вот этого не знаю. Думаю, это погодная магия слегка разладилась. С *той стороны* уже весна, а здесь ещё снег. Но до чего красиво! Прямо как тогда на Севере. Ты ужинал?

— Нет ещё.

— Давай поедим. — Тил поднял сумку, висевшую у него на

плече, и похлопал по ней. – Я принёс хлеб, сыр, рыбу. И ещё вино.

– Спасибо.

– Не за что. Прости, что не могу заглядывать почаще: я знаю, ты тоскуешь по людской еде. Пойдём, а то ещё гробанёмся в потёмках...

Жуга усмехнулся. Опасения его спутника были совершенно лишними: уж на этот счёт можно было не беспокоиться – старая магия исправно действовала, зажигая на стене холодные огни по мере продвижения по лестницам и коридорам и так же исправно гася их за спиной, – за три месяца пребывания здесь он успел в этом убедиться. Сам Жуга прекрасно видел в темноте, а на самый крайний случай и он, и его спутник могли зажечь собственный магический огонь. Предлог был явно надуманным, но спорить он не стал и первым двинулся вниз.

– Их четыре, – вдруг раздался голос за его спиной.

– Что? – травник обернулся.

– Я говорю, что их четыре, этих крепостей.

– Таких, как эта?

– Да. Четыре пограничных цитадели запада: две севернее – Авалон и Тир-Нан-Ог, одна на западе – Каэр Сиди, «Кружащийся замок», в Слиаб Мис, и эта, Катаэр Крофинд – «Крепость с белыми валами». Юго-западный рубеж.

Он умолк, и некоторое время только лёгкий звук его шагов раздавался в тишине.

– Что они оберегали, Телли? – тихо спросил Жуга. – От кого?

– Какая разница? Теперь не важно. Мир не всегда был таким, как сейчас, Лис. Раньше доступ в Серединный мир, где обитают люди, был свободным. Не для всех, но был. А здесь пролежала граница трёх миров. Сейчас она закрыта. Нет пути, и нечего больше охранять. Заставы сняты. Гарнизон ушёл.

Витая лестница закончилась.

– И давно это случилось?

– Давно. – Тил остановился и сбросил сумки на пол. – Расположимся тут?

Травник огляделся. Везде, куда падал взор, стена начинала матово сиять, будто по ней бегал солнечный зайчик, вернее сказать, не «солнечный», а «лунный» – серебристое пятно отражённого света.

– Почему здесь? – спросил он.

– Чем тебе не нравится? Тепло, просторно. Вид из окошка хороший.

– Здесь нет стола.

– Об этом не беспокойся. Лучше принеси чего-нибудь из кладовой.

– Раскомандовался.

Телли усмехнулся, сбросил плащ, шапку и размял косяшки пальцев.

– Предлагаешь поменяться?

– Ладно, чего там, – Жуга махнул рукой, – делай, разумеешь, у меня всё одно ничего не получится. Чего принести-то?

– Выбери на свой вкус. Мне всё равно.

Когда минут через десять Жуга вернулся, неся посуду и провизию, стол был почти готов. Четыре ножки выросли из пола, пустили отростки и теперь смыкались под рукою эльфа в ровную, хотя геометрически не очень правильную поверхность. Ещё минута, и всё было закончено.

– Скамейку или табуретки? – спросил Тил. – Скамейку быстрее.

– Опять возня. Какого лешего ты вырастил его таким высоким? Сели б на пол. Давай твори свою скамейку. – Травник выложил на стол стопку лепёшек, запакованных в сухие листья, три горшочка и жбанчик из бересты. – Вот, – сказал он. – Уж не обессудь, не знаю, что там: взял, что подвернулось под руку.

– Там написано.

– Никак не научусь читать ваш алфавит. И руны вроде знакомые, а сложишь в слова – непонятно.

Тил хмыкнул.

– Жуга, ты меня удивляешь. Это же простой *тенгвар*... Впрочем, ладно. Дай сюда.

Не отрывая ладони от растущей лавки, Телли развернул горшочек надписью к себе и нахмурил брови.

– Ореховый паштет, – объявил он, прочитав. Повернул

другой. – Лесные яблоки в сиропе. – Дотянулся до третьего. – Так, а это... крупяная запеканка в белом соусе. Сойдёт?

– Сойдёт, – одобрил травник. – А что в коробке?

– Не знаю, не написано. Скорее всего, хрень какая-нибудь. Давай, раскупоривай.

– Как там лавка?

– Всё готово. – Тил потряс руками. – Можно садиться.

Он извлёк из сумки мягкий сыр, бутылку в ивовой оплётке и корзинку, от которой шёл копчёный дух. Выдернул затычку и разлил вино по кружкам. Травник вскрыл берестяной «стаканчик» и вдруг рассмеялся.

– Тил! – позвал он. – Погляди.

– Что там?

– Хрен. Ты угадал. – Он приняхался. – И уксус с яблоком.

Некоторое время оба молча насыщались. По мере того как за окном темнело, стены в комнате светились всё ярче и ярче.

Наконец с едой было покончено.

– Ты не ответил на мой вопрос, – напомнил травник.

Тил повертел в ладонях двузубую деревянную вилку и вздохнул.

– Я уже сказал, что не могу тебе помочь.

– Но почему, яд и пламя? Ты приходишь и уходишь, значит, я тоже мог бы рискнуть. Раз Рик принёс меня сюда, значит, можно и выбраться отсюда.

– Выбраться? – Тил поднял брови и повёл рукой. – Да за-

просто! Граница изнутри не заперта, ничего тебя не держит. Можешь хоть сейчас открывать портал и уходить.

– Но ты говорил...

– Да. Говорил и снова повторяю, если ты меня не понял: коль ты решишься, это будет твой последний день. Эта крепость – «Оплот пустоты», понимаешь? Здесь особое заклятие. Ты не умрёшь, просто потеряешь память. Очень действенное средство против нарушителей. Помнишь, как ты встретился со мной? Помнишь, что со мною было?

– Помню, – одними губами произнёс Жуга, но Тил услышал.

– Помнишь? Превосходно. Будет то же самое с тобой. Так устроено, – продолжил он, – что, проходя через границу, каждый, кто не получил дозволения, начинает терять воспоминания. Не до конца, но главное он забывает: самого себя, сложные знания и все намерения, с которыми явился. Так сделано нарочно, чтобы враг, пусть даже и прорвался, сделался бы неопасен.

– Но дракон пронёс меня, хоть я и плохо это помню.

– Так то дракон! – ответил Тил. – Потом, ведь *сюда* проход не возбраняется. А Рик ушёл, и я не знаю, какими делами он занят во внешних сферах. Ни мне, ни тебе туда доступа нет.

– И у тебя ни разу не было желания его найти? Ведь столько лет прошло!

– Зачем? – пожал плечами он. – Наступит время, сам вернётся. Что для бессмертного десяток лет? Если бы не Нелли,

я бы их даже не заметил... А что же ты его не позовёшь? Где твоя флейта?

— Там осталась. — Травник поставил локти на стол и обхватил руками голову. — Значит, мне никак отсюда не вырваться?

Тил покачал головой:

— Пока никак.

— Но мы же можем что-то сделать!

— Вряд ли. Я...

— погоди. — Жуга выставил руку. — Я хочу сказать: мы оба сможем в волшебстве. Мы можем попробовать расколдовать замок, как-то убрать эту завесу. Хотя б на час, хотя бы на минутку. Этого будет достаточно. Как-то ведь её убирали! Магия подобной силы не может столько лет существовать сама по себе, должен быть источник подпитки. Отыскать его — и все дела. Он, наверное, и так на ладан дышит, вон магия погоды уже разладилась.

— Я только предположил, что она разладилась.

— Ну и что? Может, так оно и есть?

Телли не ответил. Вместо этого взял со стола эльфийскую лепёшку, развернул листья, в которые она была завернута, разломил и поднял половинки пред собой, показывая травнику. Тот молчал, ожидая объяснений.

— Смотри, Жуга, — сказал Тил. — Смотри внимательно. Вот у меня эльфийские дорожные хлебцы. Как видишь, совершенно свежие, мы только что их ели. А им лет двести или

триста, если не все восемьсот. Тому паштету в горшочке, – он кивнул головой, – и того больше.

Чувствовалось, что травник слегка ошарашен, но присутствия духа не потерял.

– И что? – с вызовом спросил он.

– Простенькая магия, а сохранила еду свежей в течение столетий. Представляешь, на что способны заклęcia старшего народа? Сторожевые заклęcia!

– Этот замок огромен, Жуга, – продолжал он. – Здесь размещался второй по величине гарнизон после Авалона, сама воительница Айфе останавливалась в нём во время военных походов. Здесь держали оборону лучшие маги, feanni dea, чёрная элита Тильвит-Тегов. Закоулков здесь не счесть. Мы можем обшаривать его всю твою жизнь и не найти и десятой части оставленных магических секретов... Ты говоришь, что смыслишь в магии? Ты, алхимик, травник, человек? Ты, который так и не научился выращивать мебель в этом замке? Да ты не можешь даже прочесть надпись на горшочке с ореховым паштетом! Прости, я тебя очень уважаю, но ты ничего не смыслишь в *этой* магии.

– А ты?

– Да и я тоже. – Тил безнадёжно махнул рукой, посмотрел на зажатую в ней половинку лепёшки, откусил кусок и принялся жевать. – Я навигатор, а не маг, – пояснил он. – Мне ещё и сотни нет. По меркам моего народа я необразованный мальчишка. Не делай глупостей, Жуга. На лучше, съешь ле-

пёшку.

– Да пошёл ты со своей лепёшкой!.. – рявкнул травник, махнул рукой и отвернулся. – Яд и пламя, что мне делать?

– Ждать. Провизии здесь хватит на несколько жизней, вода есть, ничего, кроме скуки, тебе не угрожает. Я делаю всё, что могу, поверь. Когда вернётся Рик, ты попадёшь в свой мир обратно. Это я тебе обещаю.

– Толку от твоих обещаний... Я не могу сидеть и ждать, не могу больше слоняться без дела, карабкаться по скалам, спать и поджигать ваши эльфячьи припасы, понимаешь? Немо-гу! Я скоро чокнусь здесь. У меня кусок не лезет в горло, я почти не сплю. Ты пойми: там мои ученики, одни. Они могут попасть в беду, могут даже умереть!

– Я постараюсь разузнать о них, – сухо сказал Тил. – Это единственное, чем я пока могу тебе помочь. У меня и так куча дел. Ты знаешь, какая в Нидерландах затевается буча.

– А тебе-то что с того?

– Ну надо же мне как-то скоротать пару веков, – ответил Тил. – К тому же поведение людей... Эй, ты чего?

– Пару *что*? – травник начал привставать. – Пару *веков*?!

– Эй, успокойся, успокойся! – поднял руку Телли. – Это ж я не о тебе. Думаю, Рик вернётся раньше.

– Да, конечно, лет через тридцать! – Жуга вскочил и зашагал туда-сюда. – Сушая мелочь, если судить по твоим меркам! Яд и пламя, зачем ты вообще тогда ко мне сюда приходишь? Душу мне травить? – Он остановился и с прищуром

посмотрел на собеседника. – А ты изменился. Раньше ты не был... таким... таким...

– Бесстрастным?

– Равнодушным!

– Всё меняется, – философски заметил Тил. – Люди, знаешь ли, смертны. За эти годы я повидал много всего. Если бы я всё воспринимал близко к сердцу, вряд ли бы я выжил.

Жуга остановился у окна. Потёр виски.

– Стол... – пробормотал он, – лавки... это же должно быть просто... очень просто... как ореховый паштет...

– О чём ты?

Ладони травника легли на подоконник. По стенам пробежала дрожь, свет замерцал, пол под ногами просел. Со всех сторон раздались шорохи и скрипы. На мгновение возникло ощущение, что башня вот-вот рухнет, но, когда она шатнулась пару раз и ничего плохого не произошло, обоим сделалось понятно, что строение сродни тем деревьям, которые качаются, но не ломаются. Напугать могло другое: шевелилась сама комната, в которой, казалось, не осталось ничего надёжного и прочного; стол покосился и начал оплывать, как перегретая свеча, потолок выгнулся куполом, гексагоны оконной решётки дали трещину – снаружи сразу потянуло свежестью весенней ночи; орнаменты на стенах и колоннах тоже начали ползти и двигаться, тянуться во все стороны побегами, преобразая комнатку в подобие лесной поляны.

– Жуга... – Тил переменялся в лице и начал привставать,

всегдашняя саркастическая усмешка исчезла с его лица. – Жуга, стой! Не трогай здесь ничего! Что ты...

Телли осёкся, когда ушедший из-под ног пол заставил его повалиться грудью на стол.

А через мгновение светящиеся стены погасли, со всех сторон донёсся еле слышный треск, и на пол посыпались клейкие чешуйки – это повсюду в замке на башнях из белых деревьев одновременно лопнули почки.

Воцарилась тишина. Жуга убрал руку от стола, мгновенье глядел на свои пальцы, всё ещё окаймлённые бледноватым сиянием, затем порывисто и резко повернулся к собеседнику.

– Я словно умер, – тихо проговорил он.

– Там, снаружи, так и думают, – таким же тихим голосом подтвердил Тил.

– А какая разница? – Травник горько сморщился и потёр грудь, где под разорванной рубахой звездой краснел на коже свежий огнестрельный шрам. – Та пуля из испанской аркебузы вполне могла меня убить, и ничего б не изменилось. Так уже было, помнишь? Снова, как тогда, в пустыне, надо выбирать – жизнь или безопасность. Можно без конца сидеть в убежище, но, если хочешь перемен, придётся выйти. Этот замок – золото глупца, пользы от него никакой, он мёртвый, как и твой народ. А я выбираю жизнь, Тил. Пусть я в ловушке. Пусть. Но если тело поймано, почему дух не может быть свободным? Ты когда-то сказал, что придёшь мне на

помощь. Ты... ах-хг...

Он согнулся и зашёлся кашлем.

– Я... – Тил проглотил комок в горле и попытался сесть обратно на скамью, но выросшие ветки его не пустили. – Я и пришёл.

Приступ миновал. Травник вытер рот.

– Окажи мне услугу, – попросил он.

– Видит сердце, я и так... Что за услугу?

– Принеси мне какую-нибудь одежду. И оружие. Мне нужно размяться, я теряю форму.

– Меч и дага тебя устроят?

– Хватит и меча. И побыстрее, я не сид и не могу мерить время вашими мерками. И... – он поколебался, бросил взгляд на стол, где в молодых ветвях запутался злосчастный горшочек, и закончил: – И научи меня читать по-эльфийски.

Снаружи вдруг донеслись непонятные звуки, словно одинокая птица в чаще пробовала голос. Травник подошёл к окошку – выглянуть, ненароком коснулся сломанного переплёта и отдёргнул руку, перепачканную липким. Нагнулся, заинтересованно потрогал желтоватые потёки на решётке, поднёс пальцы к лицу, осторожно понюхал, лизнул и удивлённо поднял бровь.

Поворотился к Тилу:

– Мёду хочешь?

Четвёрка, возглавляемая рыжим вихрастым парнем лет примерно двадцати пяти, ввалилась в лиссбургский кабаk с башмаками на вывеске, когда заведение уже закрывалось. Несмотря на холод, ветер и глухую темень за окном, все были веселы, пьяны, возбуждены, смотрели с вызовом. Вожак держал в руках бутылку. На донышке ещё плескалось.

– Хозяин! – закричал он с порога. – Это... как тебя... давай чего-нибудь на стол! И выпить! Выпивки давай, ага...

Приятели нестройно заподдакивали.

Корчмарь напрягся. Медленно стянул и скомкал фартук, аккуратным образом его расправил, сложил и спрятал за стойку.

– Слушай, рыжий, – примирительно сказал он, глядя куда-то поверх его головы, – ты задолжал мне за три месяца. Может, сперва всё-таки заплатишь?

– Ву Got! – взмахнул руками тот. Остатки вина выплеснулись из бутылки. – Чего ты ерепенишься? Я ж сказал: погодь немного. Как только мне покатит фарт, я сразу всё отдам и сверху приплачу. Я праильно говорю? – Он обернулся к приятелям и снова к кабатчику. Ударил себя в грудь: – Что ты, не знаешь меня, что ли? Давай наливай, не порть людям веселье...

Старый Томас упрямо покачал головой.

– Нет монетов – нет и выпивки, – сказал он, вновь берясь за тряпку. – И вообще, запомни, Шнырь: я терпеливый, но не очень. В долг я больше не налью, ни тебе, ни твоим корешам. И вообще, гляжу, раз ты уже с бутылкой появился, значит, деньжата у тебя водятся. Так что плати или убирайся.

Четвёрка смолкла. Было слышно, как ветер трясёт ставни. Рыжий вразвалочку подошёл, перегнулся через стойку, вытянул руку и ухватил кабатчика за рубаху. Притянул к себе.

– Слышь, ты, – прошипел он ему в лицо. – Забыл? Я тебе тоже кой-чего в тот раз сказал. Не хочешь верить на слово, придётся поверить... вот этому!

Он подбросил бутылку, перехватил её за горлышко, одним движением расколошматил о прилавок в дрызг и брызг и поиграл стеклянной «розочкой» под носом у кабатчика.

– Ну? Поял?

С блескучих острых краешков, с торчащих лепестков, как кровь, закапало вино. Кабатчик дёрнулся, заегозил, как червяк на крючке, только вырваться не сумел, а может, поболся. Шрамы у него на шее налились лиловым. Наконец он ослаб, облизал пересохшие губы и кивнул:

– Понял...

– Вот и ладушки. – Шнырь отпустил рубаху и подбросил битую стекляшку на ладони. – Давай наливай. Добром-то оно всегда приятнее. – Он обернулся к собутыльникам: – Я праильно говорю?

Те снова закивали одобрительно.

– Нет, – вдруг раздалось из-за стойки. – Не «праильно».

Шнырь обернулся и тотчас понял, что забавы кончились.

Два дюжих молодца неторопливо вышли из-за занавески, закрывавшей вход на кухню, и остановились возле стойки. Хозяин, воспользовавшись замешательством, успел шмыгнуть на кухню, выглянул оттуда пару раз и скрылся окончательно. Шнырь и его приятели попятились к двери, но вдруг и та раскрылась, и в корчму проникли ещё двое. Осмотрелись, хмуро глянули на троицу, на рыжего у стойки и шагнули в стороны.

А на пороге появился Яапп Цигель.

Заправила городских домушников был выше рыжего почти на голову, лицом был узок, глаз имел желтушный, выпуклый и потому смотрел на скандалиста сверху и вполоборота, как петух на таракана. Два приземистых широкоплечих молотилы рядом с ним выглядели как башни около донжона.

– Ну здравствуй. – Цигель снял шляпу и похлопал ею об колено. Огляделся. – Сядем?

Троица подельников Шныря послушно, хоть и нерешительно, опустилась на ближайшую скамейку, предпочтя не спорить. Сам Шнырь тоже почуял беспокойство и спрятал «розочку» за спину. Не сел.

– Братва, вы чё?.. Вы чё, братва?..

– Хорош ворону корчить, пасынок, – презрительно скривился Цигель. – Сядь, не егози. Разговор есть.

Шнырь послушно заткнулся и плюхнулся рядом с това-

рищами. Цигель тем временем кивнул своим парням. Один вышел, второй встал у двери.

Яапп остановился около стола.

– Ты знаешь, кто я?

Шнырь гулко сглотнул и кивнул:

– Знаю...

– Это хорошо. А то уж я подумал, что ты глуп непроходимо. Давно ты в городе?

– Не... неделю.

– Да? – притворно удивился тот. – Всего неделю? Надо же, а так много успел! А прежде, стало быть, ты в город только пива выпить забегал?

– Да врёт он всё, кабачник энтот!..

– Замолчи, щенок! – тоном, не терпящим возражений, оборвал его Цигель. – Ты кому врёшь? Кому врёшь, я тебя спрашиваю?! Кто после Рождества торговые ряды потрошил? Месяц назад у Вассермана особняк кто грохнул? А? Кто ван дер Brentу, Хольцману и Флорентийцу побрякушки сбыть пытался? Ты думаешь, никто тебя не видел?

– Это не я! Богом клянусь, Цапель... – начал было Шнырь, но Цигель сделал быстрый знак рукой, и парень у двери, в одно мгновение оказавшись у стола, отоварил рыжего по уху. Тот боком рухнул на пол, опрокинул скамейку и затряс головой. Разбитое бутылочное горлышко кувыркнулось и зарылось в грязные опилки. Три собутыльника невольно вздрогнули и сгрудились теснее.

Цигель привстал и наклонился сверху.

– Полегчало? – ласково осведомился он и наступил, давя стекло. – Освежило память? Протрезвился? Так-то лучше. – Он усмехнулся. – Что мне твои клятвы! Сявка... Ты кем себя возомнил? А? Кем ты себя возомнил, я тебя спрашиваю? Я тебя ещё год назад заприметил, но тогда простил по малолетству. А ты, я вижу, ничему не научился. Думаешь, здесь можно, как в твоих деревнях, безнаказанно шарить? Ты почему на хазу не пришёл, когда задумал особняк бомбить? Зачем гемайн не отстегнул? Или думал, заезжим здесь раздолье? А? Отвечай, пробка сортирная!

– Я... – Шнырь попытался сесть. Из уха кровоточило. – Я не успел... Цапель, я не успел! Мы думали потом, когда сдадим, тогда и придём...

– Не ври.

– Чес-слово, не вру! Что толку на шмотье башлять? Мы особняк спецом не собирались квасить, как-то само получилось. Блестяшки кончились, а тут на старую закваску как ненароком лапоть не поддеть? Цапель, ну ты чё? Ты же знаешь, как оно бывает!..

Яапп Цигель откинулся к стене, побарабанил по столу, задумчиво разглядывая пивные кружки на полках за стойкой. Вдохнул. Четверо охранников молча ждали указаний. Колокол на башне городской ратуши гулко пробил двенадцать. Цигель встрепенулся и нахмурился, будто что-то вспомнил.

– Значит, так, – наконец решил он, – слушай сюда. Тот

особняк я прощаю. Рауб можешь оставить себе. Однако завтра вечером придёшь на сходку и заплатишь отступного.

– Скока?

Цигель помедлил.

– Полторы.

– Полторы?! – вскричал Шнырь. – Побойся бога, Цапелъ! У меня нету столько!.. Мы столько даже взять-то не надеялись!

– Найдёшь, коль жить захочешь, – с презрением бросил тот, вставая. – И через три дня чтоб тебя в городе не было. И вообще, чтоб я тебя никогда больше здесь не видел. Да! И долг кабатчику тоже вернёшь.

Шнырь почувствовал, как сердце его будто обволакивает холодная патока, а пустота, образовавшаяся в душе, заполняется горячим бешенством бессильного отчаяния.

– Цапелъ! Стой, Цапелъ! – брызжа слюной, закричал он ему в спину. – Я не смогу, ты ж знаешь!.. Неоткуда взять! Сбавь отступную, Цапелъ! Ах, чтоб ты провалился!..

– Заткни своё хайло.

– Да пошёл ты!!!

Цигель задержался на пороге, обернулся и кивнул своим:

– Поучите недоноска, как надо разговаривать.

И вышел за дверь.

Четыре парня молча развернулись и набросились на рыжего. Дружки Шныря предпочли не вмешиваться – один было рыпнулся, но схлопотал под глаз, свалился в угол и увял.

Шнырь завизжал, метнулся к стойке, получил раз, два, упал и откатился в сторону, сжавшись в клубок и прикрывая голову, пока четверо сноровисто охаживали его ногами. Глаза залило красным, боль горячими толчками прорывалась сквозь хмельную пелену, пока не прорвалась окончательно. Его приподнимали, ставили, опять сбивали с ног. После какого-то удара Шнырь влетел в кладовку, где упал, разбрасывая вёдра, тряпки, швабры и метёлки. Попытался встать, хотя бы сесть, и вдруг почувствовал, будто *проваливается*. Выплюнул зуб. Оглядываться не хотелось. «Амба, всё», – подумал он с усталым равнодушием, но тут внутри него будто кто зашевелился и негромко, рассудительно сказал: «Оставь, дай я».

И Шнырь стал сам не свой.

Метла, стоявшая в углу, словно сама скакнула в руки, Шнырь не успел удивиться, как его пятка сбила помело, ладони половчей перехватили черенок, а ноги понесли его вперёд. Приятели, разинув рты, смотрели, как он врезался меж четверых амбалов и как очумелый заработал палкой. Шнырь чувствовал себя будто пьяным. Впрочем, он и был пьяный, но сейчас он будто спал и видел сон – руки-ноги действовали без его участия. Глаз оценивал картину боя, руки сами выполняли хваты и удары, голова сама просчитывала все финты, уловки и шаги. Оставалось лишь держать глаза открытыми, что Шнырь и делал. Громилы, не ожидая подобного напора, на секунду растерялись, и этого хватило, чтобы ини-

циатива перешла к обороняющемуся. Через мгновение один упал с разбитой головой, другой схватился за отшибленную руку, получил подножку и тоже оказался на полу; два оставшихся успели спохватиться, но это им не помогло – Шнырь оттеснил обоих в кухню, рванул обратно в зал, махнул рукой своим: «Скорее!..» – и все четверо исчезли, только их и видели.

...Остановились они, пробежав квартала два. Шнырь привалился к стенке, пытаясь отдышаться, отхаркнулся. Грудь его ходила ходуном, руки тряслись. Остальные трое выглядели не лучше, разве что рубашки не в крови да зубы целые.

– Ну, Шнырь, ну ты дал! – восхищённо покрутил носом один из них. – Поначалу, когда начали тебя махратить, я уж думал: всё, укроют тебя. А ты, глянь, и сам ушёл, и нам помог, и этим навалял...

– Уж да так да! – подтвердил второй, осторожно щупая синяк. – А я и не знал, что ты дубиной можешь. Думал, ты только по домам шуршишь, а ты, оказывается, жох! Уважаю.

Шнырь молчал. Откуда в нём взялось умение так драться, он не знал. Но появилось оно весьма кстати. Впрочем, он был не уверен, сможет ли при надобности повторить. Ощущение чужого присутствия исчезло, оставив пустоту и непонятный привкус сожаления. Все его устремления и цели показались мелкими и глупыми. Дубинка потерялась. Кости ныли, мышцы словно налились свинцом. Он попытался отлепиться от стены – не получилось: повело. Привалился спиной. Под-

нял взгляд. Небо потемнело окончательно. Высыпали звёзды. Круглая луна маячила сквозь облака, как оловянная тарелка, в её свете городские улицы и набережная были как на ладони. Сквозь куртку и рубашку ощущались неровности стылого камня. От воды тянуло сыростью и гнилью.

– Пошли вы все... – вдруг вырвалось у него.

Приятеля переглянулись.

– Да брось ты, Шнырь! Отважно вышло!

– Я говорю: подите к чёрту! – взорвался он. – Приятели... Дерьмо свинячье! Я на вас надеялся, а вы... Трепаться только мастера, на вассере стоять да ширмы чистить. Всё! Один я с этих пор. Валите к дьяволу на все четыре стороны.

– Иоахим, ну чего ты?... – Первый примирительно тронул его за плечо. – Ну куда ты один? Нам теперь, наоборот, гуртом держаться надо, где-то бабки доставать. Ведь ежели поймают, Цапелъ с тебя шкуру спустит, а так, всех вместе, может, ещё послушает.

– А мне чихать. Спустит так спустит. – Шнырь стряхнул его руку с плеча, тронул кровь под носом и под ухом, посмотрел на ладонь и вытер её о штаны. – На кой мне такие подельники, которые, чуть что, сразу в кусты? Я вам больше не товарищ. Пояли?

– Куда ты?

– Всё равно куда. Лишь бы отсюдова подальше.

– А... нам куда тогда?

– Да хоть в воду!

Он махнул рукой и не оглядываясь двинулся по набережной Блошиной Канавы. Вскоре он скрылся за углом.

— Чего это с ним? — с недоумением и даже опаской сказал один из троицы, глядя ему вслед. — На себя стал не похож. Ровно бес какой в него вселился...

— И то, — кивнул второй, — на самом деле диковато. Я Иоахима шесть лет знаю, а такого не было. Где он так махать наловчился? Один махом четверых!

— Да ещё каких четверых...

— Что верно, то верно: у Цапеля в охранниках кто попало не ходит.

— В жизни такого не видел.

— А я видел, — мрачно сказал молчавший доселе третий и плюнул.

— Когда? — обернулся первый.

— Так... было дело, — уклончиво ответил тот.

— И чего?

— А ничего. Пушай идёт. Он конченный теперь.

Приятели замялись. Переглянулись.

— Да ну, чего ты... Может, ещё отвертится.

— Не отвертится. Тут без колдовства не обошлось. Падла буду, конченный он. Конченный.

Повисла тишина. Сразу стало холодней. Первый на всякий случай осенил себя крестом, остальные поспешили последовать его примеру.

— Бреешь, Штихель, — неуверенно сказал парень с синя-

ком, нелепо двигая шеей в тесном вороте, будто ему стало трудно дышать. – Откудова тебе знать?

Поименованный помедлил, потом отвернулся.
– Оттудова.

* * *

*Вышли мыши как-то раз
Поглядеть, который час.
Раз-два-три-четыре.
Мыши дёрнули за гири.
Вдруг раздался страшный звон —
Убежали мышки вон⁴⁶.*

– Как замечательно! – Октавия засмеялась и захлопала в ладоши. – Ещё! Ещё! Почитай ещё! Ты знаешь ещё что-нибудь?

Фриц замялся.

– Я так сразу и не вспомню, – признался он.

– Ну пожалуйста, ну, Фридрих, ну ещё что-нибудь такое, про мышек!

– Да не помню я... А тебе что, мышки разве нравятся?

– Ага! То есть нет – я их боюсь, но в песенках они такие смешные! Расскажи что-нибудь ещё.

---

⁴⁶ Самуил Маршак, «Мыши».

– Ну ладно, – согласился Фриц, тем более что как раз сейчас ему припомнилась ещё одна считалка. – Ладно.

Мышка в кружечке зелёной

Наварила каши пшённой.

Ребятишек дюжина

Ожидает ужина.

Всем по ложечке досталось —

Ни крупинки не осталось!⁴⁷

– Ой, здорово, здорово! Спасибо! – Девчонка подскочила к Фрицу, обняла его за шею и по-детски клюнула губами в щёку.

– Ты просто настоящий поэт!

Мальчишка покраснел и стал высвобождаться из объятий.

– Да ну, чего ты... пусти...

– Забавные стишки. – Карл Барба поправил на носу очки и посмотрел на башенные часы, большая стрелка на которых подползала к девяти. – Откуда ты их знаешь?

– А, это так... считалки. Я их когда-то для сестрёнки придумывал. Она тоже мышей боялась, а мне не нравилось, когда она всё время визжала. Я хотел, чтобы она перестала их бояться.

– И она перестала?

– Наверное, да.

– А где сейчас твоя сестра?

---

⁴⁷ Самуил Маршак, «Семейка».

Фриц совсем погрузнел.

— Я... я не знаю, Карл-баас. Они... Их... Я давно ушёл из дома.

— Ну что за помощники мне попадаются! — с чувством сказал бородач. — Одни сплошные беглецы. То Карло, то Алексис, теперь вот вы... Однако что это мы так долго причаливаем?

А причаливали в самом деле долго. Большинство пристаней в пригороде было занято, а хозяева двух-трёх пустых ожидали в ближайшее часы свои баржи с верховьев. Шкипер «Жанетты» спорил до хрипоты, дымил трубкой, тряс колпаком, потел и ругался. Скорее всего, он был прав: никаких барж не предвиделось, просто арендаторы стремились набить цену за швартовку, а переплачивать ему не хотелось. Три с половиной часа баржа стояла на фарватере, мешая судоходству, пока терпение шкипера не лопнуло и он не приказал сниматься с якоря и продвигаться в город по каналам. Въездная пошлина на шлюзе съела столько же, но и разгрузить получилось ближе. Очень скоро плоская равнина кончилась, и Брюгге выплыл им навстречу выщербленными стенами своих окраин, которые, впрочем, вскоре сменили дома старой застройки, жилые и многоэтажные, закрывавшие обзор. Запахло морем.

Дома большей частью были шириной в одну комнату, черепичный скат одного упирался в скат соседнего, и островерхие крыши сливались на фоне утреннего неба в пыльча-

тый драконий гребень. Над ними, видимая издалека, возвышалась белая громада башни Белфри – гордости суконных рядов. Не было двух одинаковых фасадов, что по форме, что по цвету, многие дома опутывал плющ, сухой и голый по весне, а окна часто выходили прямо на канал, без набережной или тротуара. Нигде не было занавесок – это действовал gezelling: герцог Альба, среди прочих приказов, запретил фламандцам занавешивать окна, дабы шторы не скрывали от испанских солдат намерений хозяев. Всё чаще стали попадаться на глаза voonboten – заброшенные баржи, ошвартованные возле набережных и переделанные под жильё. То и дело на пути возникали мосты, что, право, не было чем-то удивительным для города с таким названием, ведь «брюг» по-фламандски и означает «мост». Фриц всякий раз невольно сжимался и втягивал голову в плечи, когда баржа проплывала под их замшелыми сводами. Октавия же, наоборот, несколько не пугалась и с любопытством вертела рыжей головкой. Каналы были узкие, кривые, пробираться по ним оказалось сущим мучением, Ян и Юстас изругались до хрипоты и намахались шестами до седьмого пота, Фриц даже несколько пересмотрел свои взгляды на профессию каналщика, но тут «Жанетта» наконец пробралась в Звинн, и Фриц позабыл обо всём.

Здесь было множество причалов, барж, пакгаузов, морских торговых кораблей (вернее, может, и не так уж много, но для мальчишки и это было в диковинку). Звинн был

большой морской рукав, образовавшийся когда-то давно после страшного наводнения, затопившего целую провинцию. Но нет худа без добра: фламандцы получили в своё распоряжение великолепный порт, дарованный самой природой; именно благодаря ему Брюгге стал полноправным соперником Лондона и Ганзы и главным складом двадцати двух торговых городов. Его вывоз простирался далеко, захватывая все европейские порты. Двадцать консулов заседали в его городском совете, пятьдесят две гильдии, каждая со своим гербом, объединили сто пятьдесят тысяч ремесленников и мастеровых. Здесь жили кузнецы, ткачи и ювелиры, а узоры брюжских кружевниц служили эталоном для всех прочих мастеров, включая Оверн и Брабант. Здесь впервые, в доме ван дер Бурзе, был основан специальный зал торговых сделок – «биржа», как его именовали иностранцы. Этот смелый город никого не боялся, здесь даже чеканили свою монету. А когда король Франции отправил своих рыцарей наказать его за строптивость и независимость, горожане взялись за дубины, и четыре тысячи золотых рыцарских шпор украсили стены городского собора. Брабантскому Антверпену было далеко до Гента. Да что говорить, когда из трёх больших флотов, ежегодно отправлявшихся венецианской республикой, один плыл прямо в Слейс! Фландрским купцам оставалось только сидеть и ожидать чужестранцев. Фриц слышал много рассказов об этом городе, но даже подумать не мог, что когда-нибудь сам ступит на его мостовые.

На причалах, выложенных тяжёлым камнем, царил рабочий беспорядок. Там кнорр привёз лес из Норвегии, тут рабочие сгружают португальские кожи, английскую шерсть, шелка из Бурсы и Китая, апельсины и лимоны из Кадиса, немецкий фаянс и английскую оловянную посуду, а обратно загружают уголь, железо и штуки сукна, бочки с маслом, уксусом, водой и вином; разносчики с лотками и тележками орут, препираются и предлагают снедь и выпивку, всюду на воде качаются объедки, рыбы потроха, бутылки, чайки, обломки дерева с облупившейся краской... От звуков, запахов и ярких красок у мальчишки кружилась голова. Помимо вездесущих коггов Данцига, Любека и Гамбурга, всюду ошвартованы суда всех форм, размеров и расцветок. Фриц не знал названий, но Октавия на удивление хорошо ориентировалась в этом мире вёсел, мачт и парусов и трещала без умолку. Ян и Юстас только удивлённо переглядывались и поднимали брови. Французские пинки, узкие испанские шебеки с гафельными парусами, пузатые фламандские каракки, обвешанные якорями венецианские нефы, старые гасконские бузы, килсы, хулки, простые кечи и фиш-гукеры фламандских рыбаков, востроносые военные галеры – тут было всё, что только можно вообразить, а барж так и вовсе не сосчитать. Чуть ниже по течению виднелась арка крытого канала, ведущего к большому торговому центру, куда могли заходить морские суда, а дальше... У Фрица захватило дух при виде огромного корабля с тремя мачтами – то был новёхонький

тяжёлый португальский галеон, пришедший с грузом табака, сахара, перца и кошенили из Парамарибо – голландской колонии в Новом Свете. На его сходнях арматор в коричневом бархате с золотым шитьём шумно бранился то ли с капитаном, то ли с чиновником. Слышалась фламандская речь, французская, немецкая, норвежская, испанская и итальянская, а часто и латынь, когда сходились двое, говорящие на разных языках.

Наконец канальщики «Жанетты» присмотрели подходящее местечко меж двух барж – жилой и грузовой, и, поругавшись для порядка с экипажами обоих, причалили. Фриц было оробел, однако господин Барба, похоже, здесь бывал не раз и споро взялся за дело.

– Хватай вон этот ящик, Фрицо, и тащи его на берег. Осторожнее на сходнях!.. А ты, девочка, – повернулся он к Октавии, – сиди здесь и ничего не трогай. Не хватало ещё сейчас вылавливать тебя из воды. Поняла? *Va bene*. За работу! Раз, два – взяли!

Сундуки и ящики они сгрузили быстро, а вот рабочих для их переноски удалось найти лишь через час. Из-за парапета на баржу всюю таращились зеваки, многие не прочь были заработать грошик, но, завидев гору сундуков, которую надлежало таскать, поспешно отказывались. Предъявив портовому чиновнику свой паспорт и уплатив въездную подать – полсу за человека, считая детей, Барба двинулся на поиски жилья. Мест в ближайшей гостинице не нашлось, пришлось

арендовать повозку и пробираться квартала два до следующей, но и там провозились с переноской чуть не до полудня. Один сундук едва не украли, хорошо, глазастая Октавия вовремя подняла крик. В итоге за доставку им пришлось заплатить втрое больше против начального. Разумеется, весёлости это кукольнику не прибавило, и он, пересчитав монетки в кошельке, решил, что будет дешевле и правильной снять одну комнату на троих.

– Вам обоим будет полезно побыть под присмотром, – заявил он. – Это лучше, чем оставлять вас одних, да и искать не надо в случае чего... Так, где очки-то мои? А, вот они. Ну что? Умываться, завтракать – и в город. Октавия! Ты где? Ну-ка, вылезай из шкафа! Вылезай, вылезай. Что ещё за шуточки? Ты по-прежнему не передумала и хочешь идти с нами? Порт рядом, я ещё могу договориться, чтобы тебя отвезли домой.

– Нет, пожалуйста, не надо! – побледнела та. – Я и раньше боялась, а теперь совсем боюсь! Там столько страшных дядек и тётек... Вы ведь меня не отдадите им? Ведь правда же не отдадите?

Бородач покачал головой:

– Ну что мне с ней делать, а? Ладно, не отдам. Но тогда приготовься к тому, что будешь мне помогать. Безделья я не потерплю. Город – непростое место. Если мы хотим здесь заработать, нас ждёт много работы.

– Да, конечно, господин Карабас! Что мне надо делать,

господин Карабас?

– Пока хотя бы постарайся не теряться, – был ответ.

В трапезной внизу они поели, а Карл Барба ещё и освежился кружечкой пивка, после чего кукольник взгромоздил на себя полосатый тук с ширмой, барабаном и трубой, а на долю Фрица выпало катить тачку с малым сундуком, где находились сами куклы.

Октавии доверили зонтик.

– Ну, двинулись! – скомандовал Карл-баас, оглядев напоследок маленькую процессию.

И они двинулись.

Была среда. Сияло солнце. Дети катались в пыли по улицам и переулкам, но весенний воздух был напитан ожиданием грозы. Под скрип колёсика тачки и стук деревянных башмачков Октавии они довольно долго шли по узким улочкам, провожаемые мимолётными взглядами прохожих, пока наконец не достигли рыночных рядов. Здесь был канал. На воде качались чешуя и маслянистые пятна. Рыбные прилавки, с их тошнотворным запахом, собаками и чайками, торговцами и попрошайками, а также горами очистков с липнувшими потрохами, Барбу мало привлекли. Проталкиваясь сквозь толпу, бородач, Октавия и Фриц прошли их насквозь и вышли на набережную малого канала, где цирюльники пускали кровь, карнали волосы и брили бороды, а прачки за вполне приемлемую плату стирали и гладили бельё и одежду. Они миновали ряд горшечников и вскоре оказались возле празд-

ничных лотков, где продавались сласти, копчёности, игрушки, украшения, одежда и галантерея.

— Как всё изменилось! — Карл Барба сбросил тюк на мостовую так, что зазвенела труба, вынул из кармана бороду, потом платок и вытер пот. — Однако раньше рынок был немного в другом месте. Надо будет подыскать гостиницу поближе... Фриц! Стой, остановись. Оставь тележку. Нам потребно место, чтобы выступать, ищи свободный пятачок. Если будут ругаться и гнать, скажи, что мы заплатим, но предупреди, что будем торговаться. Я пока всё приготавливаю.

Им посчастливилось — подходящее место нашлось на удивление быстро. Чуть правее, там, где два высоких дома соприкасались, Фриц обнаружил залитый солнечным светом закуток. Торговцы снедью и одеждой предпочитали тень, а фруктовые ряды находились в другой стороне. Пара нищих, в этом закутке расположившихся, затеяли скандал, но Барба угрозами и посулами умудрился их уговорить часа на два, на три освободить насиженное место, и вскоре Фриц уже стучал молотком, загоняя стойки и перекладыны в пазы. Работа шла туго. На «Жанетте», пока они плыли, Барба трижды заставлял Фридриха собирать этот балаган, но теперь тому приходилось работать самостоятельно, без указаний. Он волновался.

Карл-баас тем временем надел на шею барабан, обмотался бородой, затем трубой и влез на маленький разошедшийся бочонок, очень кстати оказавшийся поблизости. Взял палоч-

ки, несколько раз ударил в барабан, проверяя, в меру ли подсохла кожа, потом оставил их и начал дуть в трубу. «Бу-у... бу-бу... бу-буу...» – густой, тяжёлый, но при этом странно мелодичный звук поплыл над рынком и каналом, словно шлейф невесты на ветру, легко перекрывая ярмарочный шум. Мелодия была проста, две-три ноты, игрок тоже не отличался мастерством, но для привлечения внимания этого хватало. Медный раструб изрыгал басы, мастер Барба дул и дул, физиономия его налилась багрянцем. Народ начал останавливаться. Когда скопилось человек пятнадцать-двадцать, Фридрих с маленькой помощью Октавии уже собрал каркас, установил за ширмой длинную скамейку, а сверху – перекладину с крючками, к которым теперь подвешивал занавес, расписанный драконами, караколями, цветами, птичками и рыбками. Видимо, этого было уже достаточно, поскольку Барба жестом велел Фридриху заканчивать и открывать сундук, сам выдул на прощанье из трубы особенно глубокое «бу-бу», умолк и развернул её назад, чтобы удобней было говорить.

– Почтеннейшая публика! – провозгласил он и ударил в барабан. – Господа и дамы, *signorkes* и *signorkinnes*!⁴⁸ Не проходите мимо, раз уж вышли из дома: вот вам картина, где всё незнакомо! Прямо на рынке, где фрукты в корзинках, кукольный театр в новинку! Дети и взрослые, в свой инте-

---

⁴⁸ *Signorkes* и *signorkinnes* – «господа и дамы», испанское название с фламандским уменьшительным суффиксом.

рес несите монеты без счёта, на вес. Здесь и сейчас покажет представление, всем на удивление магистр кукол Карл-баас – для вас!

Он пару раз ударил в барабан, затем снял шляпу и раскланялся, едва не сверзившись при этом со своего постамента. Бочонок заскрипел, но устоял, а кукольник продолжил:

– Честь имею, друзья, Карл-баас – это я, а в сундуке – моя семья: куклы разные, прекрасные и безобразные, толстые и тонкие, носатые и пузатые, проездом из Италии во Фландрию и так далее! Поэтому смотрите да денежки несите! А если понравится, Карл-Борода ещё постарается! Начинаем!

Он соскочил с бочонка, выпутался из трубы. Метнулся за кулисы, выхватил из сундука Арлекина и Пьеро, первого сунул под мышку, а второго сразу выпустил на подмостки, предварительно взобравшись на подножку. Фриц бочком придвинулся к стене, чтобы одновременно видеть и сцену, и кукловода, а заодно перекрыть проход за кулисы.

Народ загомонил и стал протискиваться ближе.

Пьеро зашевелил руками.

– Добрый день, почтеннейшая публика! – печальным тоном и писклявым голосом заговорил бородач. – Меня зовут Пьеро. Сейчас вы увидите замечательную комедию...

Это было так неожиданно, что Фриц вздрогнул, а Октавия ойкнула и затрясла чепчиком. Пьеро на сцене трагически взмахнул белыми рукавами и продолжил свой монолог.

– Ах, сердце моё разбито! Навсегда, на долгие года! Где,

где мне обрести покой, когда мою невесту заберёт другой?

Над ширмой защёлкала вторая крестовина, кверху потянулись новые нитки, а на сцену вывалился Арлекин.

– Ха-ха-ха! – лишь только появившись, рассмеялся он. Фриц опять вздрогнул: так резко кукольник менял голоса и так они были не похожи друг на друга. – Посмотрите на этого дурака! Ты чего плачешь?

– Я плачу потому, что я хочу жениться, – грустным голосом сказал Пьеро.

В толпе слышались смешки. Кто-то запустил на сцену огрызком.

– Вот дуралей! – тем временем затрясся от хохота Арлекин. – Чего же тут плакать? Это же потеха, когда женятся!

– Дело в том, – отвечивал Пьеро, – что я хочу жениться, но моя невеста ещё этого не знает.

– Ну и что?

Дальше действие развивалось в том же духе. Раскрашенные деревянные человечки обсуждали всякие проблемы, один потешался над другим, потом на сцене появилась Коломбина – девочка в цветастой юбке с ромбами. Она и была той, на которой хотел жениться Пьеро, но у неё, оказывается, был жених – старый богатый дурак Панталоне. Но Арлекин подговорил друзей не унывать и обещал устроить дело к лучшему. Сперва всё и правда шло неплохо. Куклы где-то с полчасика то объяснялись в любви, то лупили друг друга палками, Пьеро плакал, Коломбина страдала, Панталоне считал

деньги, а Арлекин метал подянки тем и этим. Но постепенно Фриц, который одним глазом смотрел на сцену, а другим косил на публику, заметил неладное. Карл-баас показывал чудеса ловкости, пищал, скрипел и крякал на разные голоса, одновременно управлялся с двумя и тремя куклами, а пару раз и вовсе вывел на сцену сразу всех четверых. Но, несмотря на это, публика стала скучать, смешки раздавались всё реже и реже, а взрывы хохота прекратились совсем. Фриц не мог взять в толк, что происходит. Ему спектакль нравился, да и Октавия смотрела, разинув рот. Но они видели представление впервые, а пьеса, судя по всему, была весьма заезжена. Постепенно народ начал расходиться, и вскоре возле балагана остались только стайка ребятишек да пара семей, выбравшихся погулять. И когда бородатый итальянец закончил представление, только жидкие хлопки были ему наградой, а в шляпе, с которой Октавия обошла зрителей, оказалось несколько монет на самом доньшке, из которых ни одна не была крупней патара.

– Al dispetto di Dio, potta sì Dio!⁴⁹ – выругался бородач, пересчитав монетки. – Этак у нас дело не пойдёт. Не иначе кукольные представления перестали быть диковиной. Что поделать! Всё меняется, и не всегда в лучшую сторону. Н-да... Однако так мы ничего не заработаем, и через три дня нас вышвырнут из гостиницы на улицу... Что это там за шум?

Со стороны канальной набережной донёсся барабанный

---

⁴⁹ Ах ты, в Бога душу, разрази тебя Господь! (*ит.*)

бой, какие-то выкрики, и народ постепенно начал двигаться в ту сторону. Карл Барба торопливо побросал кукол обратно в сундук, подкатил бочонок к балагану и взобрался на него.

На них текла толпа. Впереди палач с помощниками тащил на верёвке грязную растрёпанную женщину. Вокруг толпилось множество других тёток, осыпавших её ругательствами.

– Porca Madonna! – воскликнул кукольник. – Фриц! Прикрой глаза малышке! А лучше уши.

– Но, господин Карабас... – пискнула Октавия, которой тоже хотелось посмотреть, и она тянула шею и подпрыгивала от любопытства.

– Прикрой, я сказал! А лучше отверни её лицом к стене – маленьким девочкам нельзя смотреть на такое непотребство...

Платье женщины было увешано красными лоскутьями, а на её шее, на цепях, висел тяжёлый «камень правосудия», из чего можно было заключить, что она была уличена в торговле собственными дочерьми. В толпе говорили, что её зовут Барбарой, что она замужем за Язоном Дарю и что должна переходить в этом одеянии с площади на площадь, пока вновь не вернётся на Большой рынок, где взойдёт на эшафот, уже воздвигнутый для неё. Едва процессия вступила на рынок и толпа образовала коридор, стал виден эшафот. Женщину привязали к столбу, и палач насыпал перед ней кучу земли и пучок травы, что должно было обозначать могилу. Прикрывать глаза девчужке всё время было нелепо, и свою до-

лю зрелища Октавия успела углядеть. Примерно с час женщина стояла там, а толпа осыпала её насмешками, плевками и огрызками. Половина публики втихомолку поругивала губернатора за жестокость, а вторая сожалела, что несчастная – не ведьма, а то была б потеха и костёр. Потом палач отвязал женщину и вновь увёл. Кто-то сказал, что её уже бичевали в тюрьме.

Толпа помаленьку принялась расходиться.

– Они не любят испанцев... – заметил как бы между прочим Карл Барба. – Этим надо воспользоваться, пока они не разошлись. Фриц!

– А?

– Хватай барабан и лупи что есть мочи.

– Да я не умею!

– Что тут уметь! Просто стучи, чтобы на тебя обратили внимание. А я сейчас...

И он нырнул в сундук.

Фриц пожал плечами, но спорить не стал, вместо этого послушно утвердил высокий барабан на бочке, взял в руку обе палочки, чтоб было громче, и принялся размеренно стучать, пока публика вновь не обратила взоры к балагану.

На сцену упала борода, а следом сверху показалась выпученная рожа господина Барбы. В одной руке он держал нечто длинное, мохнатое, из другой торчали кукольные руки-ноги.

– Почтеннейшая публика! – провозгласил Барба, обнажив в улыбке широкий ряд зубов, словно у него была четверть

луны в голове. – Не спешите убежать, спешите видеть! Я вам расскажу историю, которая всем понравится, а если кого и обидит – дураку не привыкать, а умный сам с обидой справится!

Народ стал подтягиваться. Барба откашлялся и продолжил:

– Сие сказание моё гишпанское, игристое, как шампанское, не сиротское и не панское, а донкихотское и санчопанское. Вот на почин и есть зачин и для женщин, и для мужчин, и всё чин чином, а теперь за зачином начинаю свой сказ грешный аз!

На сцене показались чуть ли не все куклы, что были в сундуке: Фриц сбоку видел, что хозяин подвязал их к одной доске и теперь просто водил ею туда-сюда.

– Во граде Мадриде груда народу всякого роду, всякой твари по паре, разные люди и в разном ладе, вредные дяди и бледные леди.

*У Мадридских у ворот
Правят девки хоровод.
Кровь у девушек горит,
И орут на весь Мадрид,
Во саду ли, в огороде
В Лопе-Вежьем переводе!*

Карл-баас, не иначе, был волшебник: куклы двигались, встречались и раскланивались, в самом деле напоминая на-

дутых испанцев, так кичившихся своею родословной и военными заслугами. Ни одна не стояла на месте. Борода служила частью декораций. В толпе захихикали.

Пока бородач говорил, на сцену опустилась ещё одна кукла, изображавшая Тарталью, – Карл-баас подвязал ему шнурком университетский балахон, сделав его похожим на сутану, а края четырёхугольной шапочки-менторки загнул так, чтобы она напоминала кардинальскую.

– И состоял там в поповском кадре поп-гололоб, по-ихнему падре, по имени Педро, умом немудрый, душою нещедрый, выдра выдрой, лахудра лахудрой!

Смешки переходили в откровенный хохот. Люди улюлюкали, свистели и показывали пальцем. Барба оказался прав: испанцев в Брюгге не любил никто. А бородач, вдохновлённый успехом, уже водил по сцене новую куклу, ранее, наверное, лежавшую на дне сундука – Фриц её никогда и не видел. Это оказалась собака, мохнатая, запылившаяся, но вполне узнаваемая.

– И был у него пёс-такса, нос – вакса, по-гишпански Эль-Кано. Вставал он рано, пил из фонтана, а есть не ел, не потому, что говел, а потому, что тот падре Педро, занудре-паскудре, был жадная гадина, неладная гадина, сам-то ел, а для Эль-Кано жалел...

Мохнатый чёрный пёс под эти комментарии совершал описываемые действия, вплоть до задирания ножки на угловой столбик, «падре Педро» то крутился в танце в обнимку

со связкой сосисок, то хлебал из бутылки, то гонялся за псиной с дубиной. Бородач продолжал:

– Сидел падре в Мадриде. Глядел на корриду, ржал песню о Сиде, жрал олья-подриде, пил вино из бокала, сосал сладкое – сало, и всё ему мало, проел сыр до дыр, испачкал поповский мундир.

*Вот сыр так сыр,
Вот пир так пир.
У меня всё есть,
А у таксы нема,
Я могу всё есть
Вьшие максимум!*

– Ох, и стало такое обидно, ох, и стало Эль-Кано завидно, и, не помня себя от злости, цапанул он полкости и бежать. Произнёс тут нечто падре про собачью мадре, что по-ихнему мать, схватил тут дубинку и убил псих псинку, и в яму закопал, и надпись написал, что во граде Мадриде падре в тесноте и обиде от такс. Так-с!

Фриц понял, что на сей раз кукольник попал в точку: народ не просто хохотал – он стонал от смеха! Зрители напирали, в задних рядах подпрыгивали, силясь разглядеть, что происходит, а выше всех, над хохотом толпы, над басом кукловода, серебрястым колокольчиком звенел смех маленькой Октавии.

– Ну и дела, как сажа бела! – заканчивал Карл-баас. – А

нас счастье не минь, а Педро аминь, а прочие сгинь! Дзинь!⁵⁰

Толпа захлопала и засвистела, на сцену балаганчика дождём посыпались монетки. Пара-тройка мальчишек бросились было подбирать, но Фриц был тут как тут: он выскочил первым, отогнал одних, показал кулак другим и принялся за дело.

– Ещё! – закричали в толпе. – Ещё давай! Ещё!

Пришлось повторить ещё два раза. Кукольник на ходу импровизировал, добавлял в текст соли и стихов, чтоб закрепить успех. Народ хохотал ещё пуще. Шляпу нагроузили так, что Октавия еле дотащила её.

– *Va bene!* – радостно вскричал Карл-баас, когда народ разошёлся и монетки подсчитали. – Вот это совсем другое дело! Надо будет завтра повторить это где-нибудь. Ещё два-три таких представления, и можно две недели не работать. Фрицо, помоги разобрать балаган. Где тачка? Тачка где?

Тачку спёрли, но даже это теперь не особо расстроило троицу. Один флорин из выручки пришлось потратить на покупку новой тачки, на неё погрузили сундук, трубу и балаганчик, после чего Карл Барба сам повёз её обратно, предоставив Фрицу тащить барабан. Дождь так и не пошёл, зонтик не понадобился.

Весь вечер Барба пировал. Он заказал яиц, толчёного го-

---

⁵⁰ В основе пьесы – подражание Кирсанову авторства А. М. Финкеля («Про попа и собаку сказание читателю в назидание»), цитируется по сборнику «Парнас дыбом», М., «Художественная литература», 1990.

роху, сыру, жареного поросёнка, choesels⁵¹ и большой пирог, себе – бутылку красного лувенского, а детям – сладких блинчиков, изюму и gystpap⁵², велел подать всё это в комнату наверх и растопить там камин.

В двенадцать ночи разразилась страшная гроза, молнии сверкали на полнеба, вода потоками катилась по стеклу, по крыше будто камни грохотали. Во всех церквах звонили в колокола, чтобы отвести молнию. Октавия забилась под кровать, откуда её еле выцарапали и постарались успокоить, прежде чем она успела спрятаться в шкафу. Поддавший кукольник извлёк свой геликон, зачем-то нацепил очки, пробормотал (кому – не ясно): «Вот я её сейчас!» – и принялся дудеть, стараясь попадать в такт грозовым раскатам. Теперь уже казалось, что корчму трясёт не только снаружи, но и изнутри. Никто ничего не понимал, постояльцы повыскакивали из постелей и забегали по коридору.

А в комнате, где поселился кукольник, горел камин и свечи; мальчик с девочкой, забравшись с головой под одеяло, встречали каждый удар грома восторженными взвизгами, а Карл Барба вторил трубным басом. Время от времени он останавливался перевести дух, делал добрый глоток из бутылки, вытирал платком вспотевший лоб и вдохновенно повторял:

– Это просто праздник какой-то!

---

⁵¹ Фламандское мясное рагу с потрохами.

⁵² Блюдо из сладкого риса.

Он так и уснул на сундуках, не сняв трубы, завернувшись в театральный занавес, похожий на волшебника в расшитой звёздами мантии. Фриц и Октавия остались на кровати, а когда гроза ушла, заснули тоже.

На следующий день встали поздно. Фриц спал плохо, то ли от переедания, то ли от избытка впечатлений. Почему-то всё время снился брат Себастьян, показывающий язык. Уснул он под утро, зато крепчайшим образом. Окна выходили на запад, солнце долго не заглядывало в комнату, а когда заглянуло, это было уже ни к чему. Позавтракав остатками вчерашнего пиршества, все трое собрались и двинулись на рынок.

В этот раз всех кукол решили не брать.

– Это хорошо, что мы вчера так удачно выступили, – удовлетворённо говорил Карл-баас, толкая тележку и время от времени потирая бока, слегка помятые во сне изгибами трубы. – Теперь по всем кварталам разнесётся слух, si. Может, сегодня ещё больше народу соберётся. Жалко, что нет музыки! Надо будет нанять ещё пару скрипачей и флейтщика, чтобы сделать *assompanimento*, а пока обойдёмся так.

– Что будем делать?

– Будем делать как вчера. Готовься собирать палатку.

Однако «как вчера» не получилось. Во-первых, угол у стены оказался занят – нищие, которым перепало от предыдущего выступления, разнесли весть среди своих, и теперь там обосновалось человек десять в надежде, что и им уплатят за

аренду места. Во-вторых, бочку облюбовал какой-то молодой оборванный поэт и теперь читал с неё свои стихи. «Крыша над нами – небо; мы не работаем, мы свободны, как птицы...» – донеслась до ушей мальчишки пара строф. Тратиться или ругаться Барба счёл излишним, да и пяточок был сыроват после дождя. В итоге все трое отправились искать новую площадку и искали её целый час. Но когда нашли, уладили все недоразумения с окрестными торговками и установили балаганчик, грянула беда.

Весть о вчерашнем представлении и впрямь, похоже, разошлась по городу. Однако Барба в своих восторгах не учёл одного обстоятельства: известность – штука обоюдоострая и так же хороша, как и опасна. Как только собрался народ и кукольник завёл свой монолог про «падре Педро», край толпы заволновался, расступаясь, и показалась городская стража – шестеро солдат с капитаном. Время было смутное: на севере сражались Альба с Молчаливым, южные окраины, как саранча, опустошали французские банды, в окрестностях центральных городов пошаливали гёзы, потому все стражи были с алебардами, в железных шляпах, а командир ещё и в полупанцире.

– Прекратить! – сурово крикнул он. – А ну, прекратить немедленно! Что здесь творится?

По тому, как он выговаривал слова, мгновенно стало ясно, что перед ними испанец. Карл-баас осёкся и опустил марионеточные крестовины; куклы на сцене обмякли. Толпа ста-

ла рассасываться по окрестным переулкам. Навстречу ушедшим, однако, спешили другие – посмотреть, чем кончится. На площади возникли коловращение и гул. Испанец нахмурился.

– Нарушение порядка! Клеветать на власть? – хрипло гаркнул он, подходя к балагану. – Ты кто? Где разрешение на действо?

Карл Барба вылез из-за ширмы.

– Signor капитан, – примирительно сказал он, снимая шляпу и раскланиваясь. – Я всего лишь бедный кукольных дел мастер, а в представлении нет ничего крамольного...

– Ничего крамольного? – тот побагровел. – Да я своими ушами слышал, как ты тут поносил мадридское духовенство! Что ещё за история с собаками? Я тебе покажу собак!

– Но я ничего не представлял, signor капитан, – ответил Барба, – всё разыгрывали куклы. Если хотите, арестуйте кукол.

В толпе послышались смешки, однако сейчас этот приём сработал против бородатого: начальник стражников, почуяв, что становится участником уличного представления, совсем расвирепел.

– Что? Проклятые менапъенцы! Насмехаться над представителем порядка? Canaille! Эй, – обернулся он, – ребята! Взять его! И этих, – указал он на мальчишку с девочкой, – тоже взять!

Фриц был как во сне. Ему опять показалось, что сбывается

ся его самый страшный кошмар. Страх ворочался в груди, мысли разбегались веером. Если его сейчас арестуют и дознаются (под пыткой или так), кто он такой, сразу пошлют за *тем* священником, и тогда не миновать костра, несмотря на юные года.

Возможно, кукольнику удалось бы всё уладить миром – золото, как известно, открывает все двери, а он как раз увещевал стражников принять «скромный подарок», но тут Фриц окончательно потерял голову, вскрикнул, сорвался с места и бегом метнулся прочь.

А следом припустила и Октавия.

Всё смешалось. Толпа загудела и пришла в движение. Корону не любили – это раз. К тому же испанцу не следовало обзывать кого-то в этом городе канальщиком, а уж тем паче менапьемцем: такого в Брюгге не прощали – это два. Поняв, что в уговорах нету смысла, бородатый кукольник махнул рукой на балаган, воспользовался суматохой и тоже рванул вдоль набережной за детьми – это, если доводить до красивых чисел, было три. Альгвазилы бросились наперехват: «Расступись! Расступись!», один споткнулся, и народ раздался в стороны, чтоб никого не ранило упавшей алебардой. Тачку и сундук опрокинули. Последний стражник, пробегая, рубанул актёрский балаган – дощечки треснули, ткань смялась – и побежал за остальными.

Мальчишка мчался, не разбирая дороги, ныряя под прилавки и сшибая лотки. Услышал сзади тоненькое «Фриц!

Фриц!», обернулся и увидел Октавию: чепчик с неё слетел, рыжие кудряшки вились по ветру, башмачки стучали, словно колотушка. Он задержался: «Руку! Давай руку!»

Схватились, побежали вместе. Сзади – брань и топот. Кто-то пытался поймать их, но мальчишка, маленький и юркий, как мышонок, всякий раз нырял под руку или уворачивался. Некоторые, наоборот, нарочно заступали преследователям дорогу, опрокидывали бочки, горшки и корзины. Переполох поднялся невообразимый. Погоня превратилась в свалку. Одна торговка передвинула свою тележку с зеленью, зазвала рукой: «Сюда, ребятки!», и они свернули в переулок. Пробежали его насквозь, выскочили на набережную прачек и рванули дальше меж корыт, лоханей и развешанного, выстиранного, хлопающего на ветру белья. Чья-то рука ухватила мальчишку за рубаху: «Эй, малец! Куда?» – Фриц лягнул его, упал и покатился по мостовой. Руку девочки пришлось выпустить. В какой-то миг они снесли рогулину с верёвкой, мокрые простыни рухнули и накрыли обоих, как свинцовые листы. Пока позади чертыхались и ёрзали в поисках выхода, Фриц уже выбрался и огляделся.

Путь впереди был перекрыт. Одним глазом он видел, как Октавия с визгом отбивается от грудастой крикливой тётки, у которой они, оказывается, опрокинули корыто, а другим – как сзади, криками и кулаками расчищая путь, несётся кукольник. Барба был страшен: без шляпы, волосы гнездом, глаза наружу, рот на боку; в руках он держал зонт, а боро-

ду запихал за пазуху. Едва завидев его, горожане уступали дорогу, а при виде стражников бежали по домам. Фриц подскочил к прачке: «Не трогай её!» – и укусил за руку. Тётка закричала, девчонка вырвалась, запрыгнула на кое-как сколоченный помост, путаясь в юбках и теряя башмаки, и побежала дальше.

А сзади дрались уже по-настоящему. Потеряв надежду высмотреть в толпе бородача, Фриц оттолкнул гладильщицу так, что она села в лохань с грязной водой, и вслед за девчонкой забрался на прилавок. На два мгновенья закачал руками, балансируя в мыльной луже, и тут произошли два или три события, которые решили дело.

Альгвазины подросли к месту схватки, но в это время мокрый ком измятых простыней стал с бранью подниматься. Когда ж преследователи сбили его пинком, то налетели на лохань, где сидела давешняя тётка с толстым задом. Обежать её не было возможности, остановиться тоже, и алебардисты, чертыхаясь, повалились друг на дружку. Завидев стражу, гладильщица заголосила пуще. Капитан витиевато выругался, огляделся, вспрыгнул на помост – и шаткое сооружение встало на дыбы. В сущности, это были просто две доски, возложенные на грубо сколоченные козлы. Когда на них запрыгнул тяжеленный стражник, крайняя подпорка треснула и доски уподобились весам, на чашку коих бросили ядро. Фриц, оказавшийся на середине, только и успел увидеть, как Октавия на том конце помоста взмыла в воздух, как циркач-

ка, и с отчаянным девчачьим «И-и-и!» влетела головой вперёд в огромную лохань, где разводили синьку.

Все отшатнулись.

А испанский капитан, не удержавшись, как топор повалялся в канал, угодив точнёхонько меж двух vonboot'ов.

И вмиг пошёл ко дну.

Всем сразу стало не до погони. Шум поднялся такой, что с окрестных крыш сорвались голуби. Народ гомонил и толкался, люди высовывались из окон, спрашивали, что случилось. По воде плыли пузыри и мыльные разводы. Кто-то прыгнул в воду спасать капитана, два стражника, которые умели плавать, сбросили сапоги и каски и тоже нырнули. С баржи кинули верёвку, и вскоре нахлебавшийся воды испанец, кашля и задыхаясь, показался на поверхности. Он был без каски, лицо побелело, глаза закатились. Его положили на мостовую и стали откачивать, но Фриц этого уже не видел. Протолкавшись до лохани, где ревела и барахталась девчонка, он попытался вытащить её, но только сам перемазался. Тут, как из-под земли, рядом возник Карл Барба. Возник, увидел торчащие из синьки детские ножки в полосатых чулках и переменялся в лице.

– Dio mio! – вскричал он, бросил зонт, запустил руки в лохань и в одно мгновение вытащил оттуда девочку. С неё текло, кудряшки слиплись, под густыми синими разводами не различить лица.

– Как тебя угораздило? – воскликнул бородач.

– Не сейчас, господин Карл, не сейчас! – замахал руками Фриц, подпрыгивая на месте. – Бежимте! Бежимте отсюда!

– Scuzi? А! Да-да, ты прав. – Кукольник пребывал в ошеломлении. – Следуй за мной!

– Куда мы идём?

– В гостиницу.

Теперь их никто не преследовал. Придерживая девочку под мышкой, как котёнка, Карл-баас быстрым шагом шёл по самым тёмным переулкам, Фриц едва за ним поспевал. Октавия уже не плакала, только хныкала и размазывала слёзы. Идти она могла: один её башмак упал в канал, другой остался в злополучной лохани.

Лишь в гостинице они слегка пришли в себя. По счастью, был тот промежуток времени между обедом и ужином, когда все предпочитают заниматься собственными делами или спать, а не глазеть по сторонам, поэтому их появление прошло незамеченным. Вести девочку в бани кукольник поостерёлся – народ с площади мог их узнать, и затребовал бадью и мыло прямо в комнату. Несмотря на бурные протесты, Октавию раздели и стали оттирать мылом и мочалкой.

Синему платью синька повредить не могла. Пятна с кожи обещали сойти. Но в остальном...

– Ой, – невольно сказал Фриц, когда девчоночья головка вынырнула из полотенца. – Твои волосы...

– Что? – перепугалась та, схватившись за голову. – Что с моими волосами? Да скажи же!

– Они голубые!

Некоторое время царила тишина. Карл Барба отступил на шаг и склонил голову набок.

– Гм, – сказал он, прочищая горло, и поправил очки. – Действительно, необычный цвет для волос. Я бы даже сказал – весьма необычный.

Октавия вытянула в сторону одну прядку волос, другую, скосила глаза туда-сюда и залилась слезами.

– Как же... как же я теперь?

Фриц и Карл Барба переглянулись и замялись.

– Ну не знаю, – неуверенно сказал бородач. – Наверное, со временем краска должна сойти. Но у нас нет времени! Нам надо срочно уходить из города или, по крайней мере, переселиться в другую гостиницу, подальше. Бельё, чулки и башмаки мы тебе добудем новые, но с волосами надо что-то делать – так ты слишком приметна. Можно попробовать их обстричь...

Не дав ему договорить и не переставая плакать, Октавия зажала ушки ладонями и затрясла головой так, что капли полетели во все стороны.

– Хорошо, хорошо. – Кукольник выставил вперёд ладони. – Успокойся: мы не будем их стричь. На полотенце – вытрись как следует и переоденься.

– Во что-о-о?..

– Возьми пока мою рубаху в сундуке... Фриц, отвернись! Porca Madonna, что делать, что делать?!

– Может, всё-таки останемся здесь? – робко предложил Фридрих.

– Chissá se domani!⁵³ – сердито сказал Карл Барба. – По счастью, я сегодня не называл своего имени, но в этом городе полно бродяг, которые за полфлорина мать родную продадут, не говоря уже о нас. И если кто-нибудь из них прознал, где мы остановились... – Он топнул ногой. – Ах, жаль кукол, как же кукол жаль! Хорошо ещё, что я не взял сегодня с собой их всех... Но всё равно! Коль надо, можно обойтись и без Тартальи, и без Панталоне. Но Пьеро! Но Арлекин!..

И тут в дверь постучали.

Все трое замерли, кто где стоял.

Стук повторился. Октавия с пискom прыгнула в кровать и зарылась под одеяло.

– Я ищу господина кукольника, – благожелательно сказал за дверью голос молодого человека, почему-то показавшийся Фрицу знакомым. – Кукольника с бородой. Да не молчите, я знаю, что вы здесь: я шёл за вами от самой площади. Если б я хотел вас выдать, я бы сделал это двести раз.

Кукольник прочистил горло.

– Что вам угодно? – наконец спросил он.

– Слава богу, вы там! – облегчённо вздохнули за дверью. – Я вам не враг. Я видел, как вы убегали от испанцев. Я хочу вам помочь.

Ответа не последовало. Карл Барба напряжённо размыш-

---

⁵³ Кто знает, что случится завтра! (*um.*)

лял.

– Так вы впустите меня? Иначе я уйду, и тогда выпутывайтесь сами.

– *Avanti...* – наконец решился бородач. – То есть – тьфу! – я хочу сказать: входите.

Фриц откинул щеколду, и в комнату проник какой-то худой парень, почти подросток в серой, протёртой на локтях ученической хламиде. Острый нос, чахоточные скулы, серые колючие глаза. Неровно подстриженные чёрные волосы торчали во все стороны. За спиной у него был мешок с чем-то, видимо, тяжёлым, а по форме – угловатым.

– Здравствуйте, господин кукольник, – сказал молодой человек, ногою закрывая дверь. – Меня зовут Йост. – Он огляделся. – Я надеюсь, вам всем удалось убежать? А где малыша?

– Пойдите, пойдите... да я же вас знаю! – с удивлением сказал Барба, глядя на него через очки. – Ну да, конечно! Вы читали стихи на рыночной площади. Кстати, весьма недурные стихи, господин вагант.

Теперь и Фриц распознал в неожиданном госте давешнего студента на бочонке.

– Польщён. – Парнишка шаркнул ножкой и раскланялся. Сбросил с плеч мешок. – Мне тоже понравилось ваше представление. Но к делу. Я принёс ваш сундучок...

– Мои куклы! – подпрыгнул Карл. – Вы принесли моих кукол! Юноша, вы мой спаситель! Как мне вас отблагодарить?

– Примите это как плату за спектакль, – сказал тот, уклоняясь от объятий. – И поменьше разбрасывайтесь такими обещаниями. К сожалению, мне не удалось спасти навес и инструменты. Впрочем, я, кажется, запомнил того парня, который унёс вашу трубу... Вы, видимо, приезжий, господин кукольных дел мастер? У вас нездешний выговор.

– Я родом из Неаполя.

– О, Сицилия!⁵⁴ Снимаю шляпу. Я встречал сицилианцев – отважные ребята. Однако это странно, когда подданные короны так не любят испанцев.

Карл-баас в ответ на это сухо поклонился.

– Фландрия – тоже испанские владения, – сказал он.

– Ш-шш! – Парень прижал палец к губам. – В этом городе опасно говорить такие речи. А после того, как чуть не утонул этот испанец, вам опасно даже оставаться здесь. Но выбраться из города без письменного разрешения испанских чиновников теперь нельзя. Я поговорю с нужными людьми, они вам помогут. А пока...

Тут он умолк, завидев, как зашевелилось одеяло на кровати – это Октавия рискнула выглянуть наружу. Некоторое время поэт и девочка смотрели друг на друга, затем тонкие губы Йоста тронула улыбка.

– Прелестное дитя, – сказал он, – могу я узнать ваше имя?

---

⁵⁴ В 1504–1860 гг. (с перерывами) южная часть Апеннинского полуострова также называлась Сицилией и, вместе с одноимённым островом, как «Королевство обеих Сицилий» входила в состав Испанской империи.

Та опустила глаза.

– Меня... зовут... Октавия, – тихо сказала она.

– Вам очень идёт этот цвет.

Девочка сколько-то сдерживалась, потом природа взяла верх – носик её сморщился, и она опять заплакала.

* * *

...От взгляда на железо перехватывает дух, когда пядь за пядью меч являет миру своё узкое отточенное жало. Нет в мире человека, кто не испытал бы сильных чувств при этом зрелище, и безразлично, страх это, отчаянье или восторг.

Когда клинок оставляет ножны, раздаётся слабый звук – это не скрежет и не шелест, а нечто совершенно не от мира сего. Это песня смертоносного металла, металла, отнимающего жизнь, она как тихое предупреждение змеи, венцом которому – холодный чистый звон, и вслед за тем – бросок, укус и смерть. Для скольких тысяч человек этот звук стал последним, что они слышали в этой жизни?..

Но трофейный клинок выходил абсолютно бесшумно. У этого меча не было языка.

«Меч мой, меч, мой серый друг, мой гибельный собрат, моя печаль и радость; твоя любовь чиста и холодна, я убиваю её в сумерках весны и счастлив, принимая эту смерть...»

Лис плясал на гравировке.

Мануэль Гонсалес сидел неподвижно на скамье у окна,

один в пустующей купальне, положив меч на колени и наполовину вытащив его из ножен, смотрел на искристую серую сталь в ожидании вечера. В последнее время это стало для него сродни ритуалу. Он всегда старался уединиться в такие минуты, чтобы никто не видел этого меча (да и собственного его лица тоже), чтобы никто не отнял даже видимость принадлежащего ему сокровища. Это было как молитва, это было как влечение к женщине, это было как бутылка изысканного вина, это было нечто настолько глубоко интимное, что временами Мануэль испытывал смятение, стыд, неловкость, словно мальчик после рукоблудия. И так же, как тот глупый мальчик, он не мог удержаться от того, чтобы в следующий вечер вновь не остаться с этим мечом один на один.

Это было ужасно. Это было прекрасно. Это разрывало его душу на части. Это было...

Это было совершенно невыносимо.

За окошком захрустел гравий. Гонсалес вздрогнул, помотал головой и поспешно спрятал меч в ножны. На мгновение сердце затопила горечь сожаления – ему опять помешали, но, с другой стороны, завтра обещали быть новый день и новый вечер.

Дверь распахнулась, и на пороге возник Родригес.

– Мануэль! – окликнул он, жуя табак. – Ману... А, вот ты где! Так я и думал, что найду тебя тут. Опять бдишь над своим мечом? Глядя на тебя, можно подумать, что ты готовишься к посвящению в рыцари. Шучу, шучу, хе-хе. В по-

следнее время тебя не узнать.

– Чего надо? – хмуро бросил маленький солдат.

– Amferes сказал, чтобы ты с палачом и с padre шёл к той ведьме. Они собираются начать допрос.

– А почему я?

Родригес пожал плечами, выплюнул тягучую табачную струю и вновь пожал плечами.

– Послушай, hombre, в последнее время ты задаёшь нелепые вопросы. Ты всё-таки на службе. Чего ты уставился на меня, как подсолнух? Скоро всё равно твоя очередь стеречь у дверей: Эрнан и Санчес отстояли и уже задряхли, а мне... тоже дела... в общем, есть одно дело там... ага.

– Какие это, интересно, у тебя дела?

– De nada, – буркнул тот, отводя глаза. – Послушай, Мануэль, ты всё равно ведь просто так сидишь. Да и чего мне делать там при них со своим протазаном? А у тебя всё же меч.

Губы маленького испанца тронула улыбка.

– Ты боишься, Родригес, – сказал он. – Боишься этой ведьмочки. Я прав?

Глаза у того забегали.

– Ты бы следил за своим языком, – проворчал он.

– Ты боишься, – продолжал подначивать Мануэль. – Трусишь, как заяц.

– Canarios! – Родригес встопорщил усы. – Замолкни, сопляк! Я никого не боюсь, и ты не хуже других это знаешь. Я

служил в святой эрмандаде, когда ты ещё ходил под стол! Мы с Санчесом протопали пешком от Мадрида до Антверпена, я был в тридцати городах и видел такое, что тебе и не снилось. Кто ты такой, чтобы ругать меня такими словами? Кто, а? Жестянщик, переводчик, tinta alma!⁵⁵ Тьфу!

Он выплюнул жвачку ему под ноги и умолк.

Некоторое время оба, тяжело дыша, молча буравили друг друга взглядами. Мануэль с трудом сдерживался, чтобы не броситься на друга. Меч на поясе, казалось, тоже чувствовал его раздражение: рукоять так и просилась в руку. Однако, хоть в душе и бушевало пламя, Мануэль осознавал, что ссора была беспричинной. «Что это на меня нашло?» – подумал Гонсалес. Усилием воли он подавил вспышку гнева и заставил себя успокоиться и пойти на попятный.

– Ладно, Альфонсо, – медленно проговорил он, так медленно, что за это время можно было сосчитать до десяти. – Ладно. Извини. Скажи мне только одно: это наш командир приказывает, чтобы я сопровождал их к этой девке или этого хочешь именно ТЫ?

Родригес выдохнул и опустился на скамью, не глядя на собеседника.

– Ты стал таким пронизательным, hombre, – с горечью сказал он. – У тебя, наверное, глаз вырос на затылке. Врать не буду. Я не понимаю, почему так, но мне не по себе от одной мысли, что её будут допрашивать. Всё время кажет-

---

⁵⁵ Чернильная душа (*исп.*).

ся, что она возьмёт и как скажет что-нибудь такое, от чего нам всем гореть потом в огне. Valgame Dios! Я видел ведьм, compadre, видел всяких, можешь мне поверить, от девчонок до старух. И ты их видел. Она на них похожа, как ты считаешь? Скажи, похожа или нет?

– Палач разберётся.

– Палач с кем хочешь разберётся... А что потом? – Он обратился к Гонсалесу лицом, и того поразила его необычная бледность. Усы Родригеса перекосились и теперь напоминали стрелки на часах (без четверти четыре). – Вот что я тебе скажу, hombre: эта девка так похожа на ведьму, что я стал сомневаться, были ли ведьмами те, другие, до неё. И в то же время она какая-то... не такая.

Как ни был Мануэль разгорячён и зол, он ощутил, что спину его тронул холодок.

– Это ты так думаешь из-за ребёнка? – Он сказал это и тотчас поймал себя на мысли, что все, решительно все в их маленьком отряде избегают обсуждать любые обстоятельства беременности девушки.

Родригес помотал головой:

– Я не знаю, откуда ребёнок. Только я твёрдо знаю, что она не простая женщина. Это пахнет или чудом, или ересью. Стеречь её – это одно, допрашивать – совсем другое. А я ещё не успел покаяться во всех своих грехах.

– И поэтому решил послать туда меня, – подвёл итог Гонсалес. – Ладно, старая лиса, я подменю тебя, если ты этого

хочешь.

– Да не в этом дело, – отмахнулся Родригес. – Просто... ну что ты мог наделать в своей жизни, ты, мальчишка? Ты и не жил ещё. А мы с Алехандро... Ты сказал, что я боюсь. Нет, Мануэль, я не боюсь. И я пойду, но в свой черёд. Но помяни мои слова: сожгут её, отправят в тюрьму или отпустят, мы всё равно не будем спать спокойно. У тебя есть водка?

– Есть. А что?

– Глотни для храбрости. И мне тоже дай глотнуть, а то у меня кончилась.

Фляжка перешла из рук в руки. Родригес присосался к горлышку и запрокинул голову.

– Ты всё-таки боишься, – глядя поверх его головы, сказал Мануэль. От водки запершило в глотке, язык едва ворочался, слова произносились словно сами по себе. Он чувствовал, что должен это сказать. Холод снова накатил и начал подниматься вверх, к затылку. Заболели глаза. – Ты боишься, как бы мы случайно не отправили на костёр *новую Марию*.

Родригес поперхнулся и закашлялся; водка пошла у него носом. Он вытаращил глаза, разинул рот и замер, глядя на Гонсалеса.

– А если это так, – безжалостно продолжал развивать свою мысль Мануэль, – если это так, то через сколько-то там месяцев родится... тот, кто у неё родится. И наступит светопреставление. Ты ведь об этом думаешь, а? Об этом, старый

sabron? – Он криво усмехнулся. – Конечно, об этом! Иначе для чего тебе так спешно потребовалось каяться в грехах?

Родригес наконец обрёл дар речи.

– Ты это... думай, что говоришь! – хрипло закричал он.

Мануэль невозмутимо отнял у него флягу, заткнул её пробкой и повесил на пояс.

– Я солдат, – ответил он. – Я не умею думать.

И ушёл.

* * *

... Ящик палача являл собою зрелище невероятно мерзкое и с любопытством как-то вовсе и несовместимое, и в то же время неотвратимо притягательное. Ялка проснулась от шагов, потом от скрипа дверных петель, потом два человека с натугой втащили сундук, и ей стало не до сна. Его даже не открыли, просто поставили в углу, но он сразу будто занял полкомнаты. Палач, его помощник и охранник Мануэль Гонсалес – аркебуза на руках и меч на поясе – молча замерли рядом и ждали. Ялка тоже молчала.

После злополучного визита Карела монахи посчитали целесообразным перевести пленницу на первый этаж, поближе к караулке, дабы слышать подозрительное. Здесь было сыро, гуляли сквозняки. Когда бритоголовый палач с толстым помощником втащили сундук, её заставили встать, и теперь она безучастно наблюдала за происходящим, зябко пересту-

пая босыми ногами. В эти минуты душа её как бы ушла далеко-далеко, все чувства притупились, будто всё происходило не с ней, но по случайности она получила возможность смотреть на мир глазами этой девушки. Она стояла и слушала, изредка бросая взгляд на низенького стражника, точнее, на его меч, а брат Себастьян говорил:

– ...и поскольку мы, божьей милостью инквизитор, монах святого братства ордена проповедников брат Себастьян, во время предыдущих дознаний и допросов не в состоянии оказались добиться от вас желаемого признания и добровольного раскаяния, то вынуждены были из-за этого держать вас взаперти до тех пор, пока вы не передадите нам всю правду, но мы так её и не добились. Посему я ещё раз хочу напомнить, что, поскольку Святая Церковь подозревает вас в колдовстве и еретических деяниях, что нашло подтверждения в показаниях свидетелей и очевидцев, то мы, с целью спасти вашу душу и предать вас очистительному покаянию, ещё раз настоятельно просим вас сознаться и покаяться в совершённых вами деяниях.

Тягучим мёдом, даже нет, не мёдом – янтарём застыла пауза, потом за окошком цвиркнула ласточка, и все в комнате вздрогнули.

– Мне нечего вам сказать, – помолчав, ответила девушка. Брат Себастьян вздохнул.

– В таком случае, – продолжил он, – я хочу, чтобы вы подтвердили под присягой своё обязательство повиноваться

Церкви и правдиво отвечать на вопросы инквизиторов, и выдать всё, что знаете, о еретиках и ереси, и выполнить любое наложенное на вас наказание. Вы клянётесь в этом?

– Мне нечего вам сказать, – повторила Ялка.

– Вы клянётесь?

– Да, я клянусь.

– Клянётесь *в чём*?

– Святой отец, – сдавленно заговорила она, – я уже сказала вам раз и повторю опять: я клянусь святым крестом и именем Господа нашего Иисуса Христа и Девы Марии, в которых я верую, что ни мыслями, ни действием я никогда не хотела причинить вреда другим людям. Я жила, как живут все добрые христиане-католики в этой стране, и вся моя вина состоит в том, что однажды я отправилась бродяжить, чтобы найти свою судьбу. А когда я не нашла то, что искала, то не смогла остановиться и пошла дальше. Я не творила непогрешеств, не сожительствоваала во грехе, не насылала порчу, град, болезнь или туман... Я не вижу злобы и предательства в том, что я делала и делаю, а если я сделала что-нибудь, что могло оскорбить вас... и Святую Церковь в вашем лице... то скажите мне, в чём я виновата... в чём причина моего ареста... скажите, и тогда я постараюсь дать ответ... и выполнить... наложенное наказание. Но не заставляйте меня говорить о ереси и еретиках, потому что я ничего не знаю об этом!

Монах покачал головой:

– Этого недостаточно. Вы увиливаете и недоговариваете. Вы думаете спровоцировать меня, но что могу знать я, скромный слугитель божий, о ваших бесовских играх и чёрных ритуалах, коим вы, как нам стало известно, предавались на ведьмовских шабашах? Я не смею предъявить вам, дочь моя, конкретных обвинений, поскольку вы можете согласиться с любыми предъявленными вам обвинениями, чтобы только избавиться от моего присутствия и дальнейших допросов. Этого не будет. Только одно может вам помочь: сознайтесь во всём добровольно, сами, и вы возвратитесь в лоно церкви очищенная и спасённая.

Руки девушки бесцельно мяли юбку.

– Если клятва именем Христа ничего для вас не значит... мне нечего больше сказать.

– Подумайте хорошенько, дитя моё, – произнёс инквизитор, пристально заглядывая пленнице в глаза. – Подумайте над своими словами ещё раз. И помните, что Святая Церковь не желает вам зла. Я искренне желаю, чтобы вы добровольно признались во всём несправедливо содеянном и выдали бы мне ваших сообщниц и сообщников. Сердце моё полно печали и сострадания, но мы имеем право оправдывать исключительно в тех случаях, когда это предусмотрено законом. И здесь многое зависит от того, с какой степенью добровольности подсудимый содействовал ходу расследования. Мы не будем торопиться. Мы дадим вам ещё время до того, как прибегнуть к более действенным средствам дознания

и убеждения. Вас ждёт долгий допрос, я хочу использовать каждую возможность апеллировать к вашему разуму. Я не хочу вас пугать, но, чтобы вы не подумали, что я шучу или говорю пустые слова, я пригласил сюда вот этих двух уважаемых граждан. Посмотрите на этого человека в чёрном, посмотрите на него. Этот господин – палач, а в сундуке – его инструментарий, и мне очень не хотелось бы прибегать к его услугам. Но если вы решитесь мне довериться, найти во мне поддержку, раскрыть мне свою душу, дайте знать об этом мне через него, и я сделаю всё, чтобы помочь вам и облегчить вашу участь. Через два дня вас отведут на допрос в присутствии аббата, свидетелей и прочих добрых людей. Подумайте, что вы там скажете. С тем мы оставляем вас сегодня. Да вразумит вас Господь.

С этими словами он развернулся, сделал знак писцу и стражнику следовать за ним и вышел из комнаты. Палач с помощником подхватили свой страшный груз, так и оставшийся нетронутым, и тоже удалились, а последним вышел Мануэль, бросив перед тем на девушку взгляд, исполненный странного выражения. Дверь за ними закрылась.

Ноги девушки подломились, Ялка опустилась на кровать и долгое время сидела неподвижно, сложив ладони на коленях. Было холодно. Слезы сдавливали горло и душили грудь. Она повернулась к окну, часто смаргивая, и сидела так, глядя на проплывающие облака, пока от мыслей не осталось только эхо, а от чувств – пустыня равнодушия. Бледные губы ше-

вельнулись.

– Летела кукушка, да мимо гнезда... – проговорила она. – Летела кукушка, не зная куда...

Она раскачивалась и шептала. Так прошло часа два или три. Она сидела, прислушиваясь к своим ощущениям и стараясь ни о чём не думать. Иногда получалось. Хотелось забиться, лечь и уснуть, но останавливала мысль, что в этом случае потом придётся пролежать без сна полночи-ночь, а это было выше её сил. Как начало смеркаться, вновь слышались шаги – должно быть, несли ужин. Дверь скрипнула и стукнула, Ялка вздохнула, внутренне готовясь к разговору с Михелем, вытерла вспотевшие ладони, но, когда она повернулась посмотреть, это оказался вовсе не Михель.

Это был палач.

В первое мгновение она решила, что её время истекло и он вернулся приступить к своим обязанностям, и сердце обдал холодок. Но в руках у него были только блюдо с чечевицей, краюха хлеба и кувшин с водой, разбавленной кислым вином. Страшный сундук остался внизу. Девушка невольно перевела дух. Это было что-то новенькое, если палачи заделались тюремными прислужниками. Или все испанцы были заняты?

Палач тем временем поставил еду на стол, но уходить не торопился, почему-то медлил, даже дверь прикрыл. «Присматривается», – подумала девушка и против воли снова поглядела на него. Раньше она не обратила внимания на его

внешность, лишь отметила, что он худ, высок и не бросает слов на ветер, а чтобы понять его короткие реплики, надо было напрягаться, словно он был иностранцем. И вообще, она больше смотрела на сундук, на руки, на меч травника, который забрал себе испанец, на монахов... Теперь же, заглянув ему в лицо (а капюшон он снял), она испытала странное чувство, будто они встречались. Что-то ей казалось в его облике знакомым. Было противно, но ползли минуты, а они смотрели друг на друга, и она всё больше убеждалась, что определённо где-то видела этот горбатый нос, шрам на губе, другой – под левым глазом, два пенька на месте двух зубов...

А человек тем временем взял и нарушил молчание.

– Что ты знаешь о нём, девочка? – спросил он тихо, но при этом безо всякого акцента. – *Что знаешь ты об этом человеке?*

Ялка вздрогнула. Память пробуждалась медленно и отдавала нажитое неохотно. Разумом девушка ещё не поняла, где она слышала эти слова, но в том, что она их слышала раньше, сомнений не было. Лицо пришедшего двоилось у неё перед глазами, а лучше разглядеть мешали слёзы. Она заморгала.

– У меня тогда было белое лицо, – опять сказал палач, – и длинные волосы с хвостиком. А ты ещё плеснула в нас водой из таза. Помнишь?

Воспоминание пробилось, будто лопнул пузырь. Ялка против воли ахнула и вскинула ко рту сжатые кулачки, мельком поразившись, как меняет человека полное отсутствие

волос. Это был тот, приходивший к травнику длинноволосый незнакомец, про которого Жуга сказал: «Он друг».

– Вы... – тихо сказала девушка и уронила руки. – Так вот вы, оказывается, кто... – равнодушно проговорила она. – Вот почему нас... нашли.

Взгляд её потух.

Человек в чёрном оглянулся на дверь, убедился, что та закрыта, и придвинулся на шаг, чтобы лучше было слышно.

– Послушай, Кукушка, – тихим голосом сказал он, взявши девушку за плечо (та едва заметно вздрогнула и на мгновение подняла на него заплаканные глаза). – Всё не так, как ты думаешь. Я здесь, чтобы тебе помочь. Лис просил тебя разыскать, если случится беда.

Ялка помолчала. Повела плечами. Ей вдруг стало холодно.

– Вы врёте, – сказала она. – Это вы нарочно так мне говорите, чтобы у меня появилась надежда, а потом мне сделалось больнее. Я вам не верю.

– Мне плевать, веришь ты или не веришь. Мне некогда спорить, так что постарайся всё запомнить с первого раза.

– Что вы хотите?

– Вытащить тебя. Спасти и увезти прочь отсюда, в безопасное место. Я пока не знаю как, но мы над этим думаем. У нас есть время, около недели. Послезавтра тебя поведут на допрос. Там тебя будут спрашивать про Лиса и про остальных. Ты им расскажешь...

Она сглотнула резко и так же резко отвернулась.

– Мне всё равно.

– Не перебивай меня! – раздражённо встряхнул её палач. – Я не для того наделал дел на три костра, чтобы тут с тобой препираться... Да ты слушаешь меня или нет?! – Он снова её встряхнул и заставил заглянуть себе в глаза. – От тебя требуют признания в колдовстве и в твоей связи с Лисом. Ты повторишь всё, что говорила сегодня. Но и только. Можешь пару раз упомянуть про травника и про его лесную нечисть. Этого им покажется мало: у них слишком много свидетелей. Тогда тебе наверняка назначат пытки и допрос с пристрастием.

Ялка еле разлепила деревянные губы.

– Зачем это всё? Я не хочу допроса с пытками... Пусть уж лучше сразу... Почему вы так в этом уверены?

– Допрос – поганая штука. – Хагг говорил теперь очень быстро, наклоняясь как можно ближе, так, что Ялка чувствовала исходящий от него запах пота и чеснока. – Ты даже не подозреваешь, КАК ловко они умеют допрашивать! Чем меньше ты им скажешь на первом допросе, тем меньше у них будет шансов тебя запутать и сразу обвинить. Им понадобится пытка. А по закону перед пыткой полагается несколько дней держать подозреваемого в одиночке, на воде и хлебе, чтобы сломить его волю. Если всё так и случится, мы выиграем дня три, а может быть, четыре, а это много. Мы к тому времени успеем что-нибудь придумать.

– А если не успеете?

– Тогда тебе придётся терпеть. Терпеть в любом случае! Иначе костёр. Поняла? Костёр или вода. Или меч. Или верёвка. Что для тебя одно и то же.

Повисла ужасающая тишина. Даже за окном все звуки будто замерли. Мысли путались, цеплялись друг за дружку, словно ноги у плохого бегуна, ни одна не поспевала вовремя, и каждая была не к месту. Кулаки сцепило судорогой. Опять возникло ощущение бездны за спиной, вращающейся пропасти, откуда в душу веет сквозняком, и почему-то не сильно, но резко заболела грудь.

– Это вы... будете меня пытаться?

Золтан вздохнул и поднял глаза к потолку.

– Я молю бога, чтобы этого не случилось, – искренне сказал он. – Но коль придётся, то заранее меня прости. А можешь не прощать, но всё равно терпи! Иначе нельзя: мне приходилось этим заниматься, и я знаю, что слукавить будет трудно. Будет больно. Может, даже очень больно. Но я постараюсь сделать всё, чтобы не навредить тебе и твоему ребёнку. Поняла? Ты поняла или нет? Ты не должна сдаваться, ни при мне, ни без меня. Ты сейчас – лягушка в крынке со сметаной. («Лягушка-кукушка», – ни к селу ни к городу подумалось ей.) Двигай лапками. Ты *должна* это выдержать, девочка, потому что у тебя есть хоть какая-то надежда, а у других её не было... У тебя здоровое сердце?

Вопрос застал девушку врасплох.

– Сердце? – неуверенно произнесла она. – Не знаю... Кажется, да. Но у меня мама умерла от сердца.

Золтан покивал:

– Хорошо, что сказала. Я учту.

Она подняла голову.

– Как... – начала она, но спазм сдавил ей горло. Ялка умолкла, но потом переборола себя и договорила до конца: – Как это будет?

– Не сейчас. – Золтан распрямился и шагнул к двери. – Тебе расскажут. И покажут. Это тоже часть... процедуры. Мне же и придётся рассказывать. А пока постарайся не думать об этом.

– О чём мне тогда думать?

Вопрос догнал его уже на пороге. Золтан обернулся, помедлил и указал рукой на её, пока не слишком заметный, но уже округло выпирающий живот.

– Думай *о нём*, – сказал он. – Ешь свою чечевицу и думай. Теперь у него, может, есть будущее.

И он захлопнул за собою дверь.

* * *

Выйдя из лечебницы на свежий воздух, Золтан ощутил, как закружилась голова, и ухватился за дверной косяк. Прикрыл глаза и некоторое время стоял, гулко сглатывая и пережидая дурноту. «Старею, – вновь подумалось ему. – А мо-

жет, не старею, просто весна. От весеннего воздуха всегда голова кружится».

Он облизал сухие губы и украдкой огляделся – не видел ли кто его приступа. Вроде никто не видел. На душе сделалось муторно и мерзко. Разговор с девушкой напряг его больше, чем ожидалось. Он так и не понял, удалось ли ему растопить в её душе ледок недоверия. Впрочем, это было ничто по сравнению с тем, что он раскрыл своё инкогнито, хотя бы даже перед ней: он был лазутчик, а вокруг был стан врагов (во всяком случае, уж точно не друзей). Пока их тайна была ведома ему и Иоганну, в душе был относительный покой. За Шварца тоже можно не беспокоиться – тот слишком хорошо знал Хагга, чтоб проболтаться. Но теперь в тонкости расклада была посвящена девочка, которая пребывала в отчаянии и никому не верила. Кто мог знать, как повернётся судьба. Правильно он поступил, неправильно – теперь уже не было иной возможности проверить, кроме как дожидаться, когда все раскроют карты. А пока оставалось только увеличивать ставку.

Небо темнело. Если не считать цвирканья ласточек, царил тишина. Жгли прошлогодние листья. Сиреневый дым щекотал ноздри. Раздался звон колокола – монахов скликали к вечерне. Пропускать молитву было негоже, и Золтан сделал шаг с крыльца по направлению к церкви.

И тут его схватили за рукав.

Подавив первый и естественный позыв вырваться и нада-

вать нахалу по морде, Золтан придал лицу выражение брезгливого недоумения, обернулся и нос к носу столкнулся с сумасшедшим Смитте. Как здоровяк ухитрился незаметно к нему подобраться, оставалось лишь гадать. Скорее всего, он просто стоял за дверью, дожидаясь, пока кто-нибудь выйдет.

– Кар-кар, – вместо приветствия сказал толстяк, дурачки улыбаясь. – Кар-кар! Ведь ты тоже ворон?

– А, это ты. – Хагг разжал его пальцы и высвободил рукав. – Чего тебе надо?

– Тебя, – последовал ответ. – Он говорит: искал, слышишь? Иска-ал!

– Кто искал?

– Он! Он! – Смитте часто задышал, придвинулся ближе и снова вцепился Золтану в рукав. Ладони его дёргались, челюсть отвисла, лицо, и так лишённое всяческого выражения, сделалось и вовсе тестяное. – Ты знал *его*? Ты знал... Он возвращается, он скоро будет здесь. Или... не здесь. Но здесь он тоже будет! Да! Потом они: четыре лошади, четыре всадника, четыре возгласа трубы, конь блед, конь рыж и два других коня... Отряд, отряд... Дашь подудеть, когда наступит время, первый ангел? Дашь или не дашь?..

Смитте был умалишённым безобидным, за таким не замечалось буйства и припадков, он мог обихаживать себя самостоятельно, и ему позволялось гулять по монастырю где вздумается, разве только за ворота его не пускали. Но сейчас явно происходило что-то неладное. Золтан с некоторым бес-

покойством увидел, что глаза толстяка закатились, лоб сморщился, а изо рта свисает ниточка слюны. Нервенность росла, Хагг заопасался, что сейчас толстяк рухнет в обморок или, ещё чего не хватало, облюёт его. Он поглядел вправо, влево и, к немалому облегчению, увидел, что по дорожке движется Бертольд. Тот шёл с работ, нёс на плече лучковую пилу и очень торопился, даже не глядел по сторонам, а может, нарочно напускал на себя подобный вид в надежде проскользнуть. «Удача!» – подумал Золтан и тотчас рывкнул:

– Бертольд!

Монах аж присел и стал оглядываться, усердно притворяясь, что не замечает их обоих. Хагг замахал рукой:

– Шварц! Подойди сюда.

Брат Бертольд приблизился, опасно косясь по сторонам. Руки его теребили рясу.

– Я, господин Золтан... меня это... настоятель... А что случилось?

По-прежнему поддерживая Смитте под руку, Хагг помаанил монаха пальцем, а когда тот наклонился, жёстко взял его за вырез ворота и притянул к себе.

– Я тебе не Золтан! – прошипел он сквозь зубы. – Меня звать «мастер Людгер», или забыл? – Шварц глотнул и быстро закивал. – То-то же, – смягчился Хагг. – Ну-ка, помоги мне его поддержать.

– А что с ним... э-э... мастер Людгер?

– Да не знаю. Плохо.

Толстяка шатало, как сосну под ветром. Он мычал, тряс головой, клонился набок, лицо его сделалось белым, в уголках рта показалась пена, один глаз закрылся, второе веко дёргал тик, колени дрожали. Золтан взял его за руку – тот выдернул её. Золтан взялся за другую. Шварц отложил пилу, зашёл перехватить с другого бока. Оба уже собрались под руки вести его в лечебницу, как вдруг толстые, похожие на сосиски пальцы Смитте сомкнулись на запястье Золтана, и толстяк отчётливо и громко произнёс:

– Не надо, Хагг... Не надо. Я... сам.

Тупая боль пронзила сердце и ушла. Золтан весь похолодел, будто под ногами внезапно открылся колодец, обернулся и наткнулся на прямой, совершенно осмысленный взгляд, который никак не мог принадлежать сумасшедшему. Черты лица оформились и отвердели, это по-прежнему было лицо Смитте, но теперь оно приобрело другое, не его, какое-то *чужое* выражение, будто от него осталась – нет, не кожа – гибкая податливая маска, сквозь которую проступили истинные формы. Это было до того нелепо, неправдоподобно, что Золтан застыл соляным столпом, не в силах ни понять, ни осознать, что происходит, чувствуя только ужас и дурноту.

– Святые угодники... – Шварц выпустил руку Смитте и закрестился. Все наставления вылетели у него из головы: – Господин Золтан, что это с ним? Господин Золтан... что... это...

Изменилось, впрочем, не только выражение лица – тол-

стяк стоял уверенно, без колебаний и шатаний, хватка пальцев сделалась тверда. А в следующее мгновение он усмехнулся кривой и какой-то очень *знакомой* ухмылкой и... провёл рукой по лысой голове.

– Здравствуй, Золтан, – сказал он, глядя ему в глаза. – Наконец-то я тебя нашёл. – Он перевёл взгляд на монаха: – А, Шварц! Ты тоже здесь?

– Т-ты? – только и смог выдохнуть Хагг, боясь произнести любое имя. – Это... ты?

– Не я, – *ответили* ему. – *Пока* не я, но это... тоже способ. Я узнал его... когда сражался с ветром. – С этими словами «Смитте» огляделся. – Где Кукушка? Ты... нашёл её?

В горле его хрипело и булькало, толстяк не говорил слова – выталкивал их, как больной харкоту. Голос и манеру было не узнать, но что-то... что-то...

Хагг сглотнул.

– Нашёл, – сказал он. – Я её нашёл. Она здесь, вот в этом доме. А где ты?

Круглое, одутловатое лицо перекосила судорога.

– Хорошо, – сказал толстяк вместо ответа. – Это хорошо. Мне... трудно его держать, но теперь я знаю... Ах... Никак не вырваться, никак...

Тут он внезапно замер и умолк, уставившись куда-то за спину обоим. Золтан проследил за его взглядом, но увидел только монастырский двор и виноградник, весь облитый красным заревом заката. Листья на лозинах только-только

распустились. Пейзаж являл собой картину мирную и самую обыденную.

Не обращая внимания на вцепившихся в него людей, толстяк подался вперёд и сделал несколько шагов. Движенья навевали жуть, хотелось закричать, такие они были: одержимый двигался рывками, конвульсивно, с остановками и иноходью, вынося вперёд одновременно ногу и плечо. Остановился.

– Так вот... какие они... – проговорил он тихо и едва ли не с благоговением. – Да... Ради этого стоило... умереть...

– Кто «они»? – тупо спросил Золтан, тряхнул его за рукав, так как ответа не последовало, и ещё раз повторил: – Кто «они»?

– Цвета, – последовал ответ. Хагг вздрогнул. Обоим показалось – голос Смитте снова сел. А через миг лицо его задёргалось, он снова начал биться так, что Золтану и Шварцу пришлось повиснуть у толстяка на руках, потом внезапно замер.

– Я... ещё вернусь, – сказал он непослушными губами. И тотчас, словно лопнули невидимые нити, огонёк в его глазах потух, пухлое тело обмякло, лицо обрело прежнее овечье выражение. Перед ними вновь стоял, пуская слюни, полоумный Смитте – оболочка человека с мелкими, купированными мыслями, доставшимися ей в наследство от бывшего вора и налётчика. И только.

– Улитка-улитка, – тихо и просительно позвал он, глядя

Золтану в глаза, – высунь рога...

И положил в рот палец.

– Господи Иисусе... – выдохнул Бертольд и дикими глазами посмотрел на Золтана.

Душила жуть. В глазах у Хагга потемнело, небо пошло колесом; он выпустил замурзанный рукав, рванул завязки ворота и медленно осел на каменные ступени.

К счастью, этого никто не видел, кроме Шварца.

А он был не в счёт.

* * *

– Эй, на пристани! Хёг тебя задери... Ты что, спишь, что ли? Эй! Принимай конец!

Старик Корнелис приоткрыл один глаз, приоткрыл второй и в следующий миг едва не сверзился с мостков: к причалу подходил корабль.

У трактира при плотине таких ладей не видели уже лет десять. Было непонятно, как он пробрался в глубь страны по мелководью, где ходили только баржи-плоскодонки; развальный, широкий, непохожий на обычные суда, он еле втискивался в узкое пространство старого канала, гнал волну, но шёл красиво, ходко, как лосось на нерест. Нос и корма, устроенные одинаково, позволяли в случае необходимости не разворачиваться в узком русле, а спокойно двигаться обратным ходом. Парус был спущен, мачта убрана, работали

только вёсла. Над бортами мерно колыхались головы гребцов, а на носу, одной ногою опираясь на планширь, стоял детина в волосатой куртке, голубом плаще и ухмылялся во весь рот. У него были густые рыжеватые брови, толстая шея и крепкие плечи. Рост он имел исполинский. Длинные, светлые, ничем не покрытые волосы плескались на ветру, борода топорщилась, в синих глазах прыгали чёртики, в руках была канатная петля.

– Пресвятая Матерь Божья... – выдохнул мостовщик и протёр глаза. – Уж не викинги ли?!

Смятение и замешательство его можно было понять. Ещё свежа была память, как соседние датчане, свеи и другие скандинавы разоряли и держали в страхе всю Европу своими опустошительными набегами. Ещё звучали до сих пор в церквах слова молитвы: *A furore Normannorum libera nos, o Domine!*.. Что правда, то правда – викинги воспринимались как кара Господня, наряду с ураганами, мором и саранчой; северных людей боялись, даже если те ходили с миром и торговлей, и никто не в состоянии был изгнать их или хотя бы остановить грабежи. Непоседливый народ щедрой рукой разбрасывал по свету своих буйных сыновей. Мира с ними добивались дорогой ценой, если добивались вообще. И даже после того, как власть на скандинавских островах перешла в руки христианских королей, ратная доблесть, удаль и бесстрашие ценились ими много выше, чем рачительность и обывательство, а решимость – паче осторожности. Соблю-

дая в обществе мирские и церковные уставы, большинство из них в душе и в сердце оставались скрытыми язычниками и не боялись ни бога, ни чёрта, ни инквизиции, хотя предпочитали лишний раз не наступать на грабли.

Северяне раздражались легко при малейшей обиде, при том они меньше всего могли сносить несправедливость и не любили подчиняться отношениям, не соответствовавшим их гордому и независимому духу; оттого-то некоторые по удовольствию, другие – по принуждению, как нарушители общественной тишины, не ожидая безопасности и мира на родине, покидали её навсегда и искали убежища в других местах; многие, особенно такие, у которых не было ни дворов, ни какой-либо недвижимости, из страсти к путешествиям охотно уходили в другие страны – посмотреть, подраться и для поселения. В основном пришельцы были викинги, но были среди них и «ландманы» – переселенцы.

А этот вроде был торговец. Говоря иначе – «заключивший договор». Варяг.

– Держи! – тем временем ещё раз крикнул бородатый мореход, и верёвка, развивая кольца, шлёпнулась на дерево причала, аккуратно к ногам старого лодочника. С перепугу сунув трубку в рот чашечкой книзу, Корнелис подскочил, схватил канат и заметался по причалу, топоча башмаками. Впрочем, торопиться было некуда: кнорр двигался против течения, а трактир стоял на левом берегу, поэтому пирс для норвегов оказался справа, и причаливать пришлось со стороны

штирборта; был риск поломать рулевое весло. Кормчий дал команду сбавить ход и подводил корабль медленно и осторожно; даже такой старик, как Корнелис, десять раз успел бы завести петлю на старое причальное бревно. Пока он отдувался, вытирал платком вспотевший лоб и стряхивал с груди просыпанный из трубки пепел, на корабле уже бросили грести и начали подтягиваться. Ещё мгновение – и предводитель спрыгнул на мостки, не дожидаясь окончания швартовки.

– Здорово, шляпа! – прогудел он, нагибаясь и заглядывая под широкие поля этой самой шляпы. – Ба! Корнелис, ты, что ли? Чего молчишь? Не узнаёшь меня?

Дед прищурился, заглядывая мореходу в лицо, и наконец произнёс с сомнением и недоверием:

– Господин Олав? Никак вы?

– Ах ты, старая ты брюква! – рассмеялся бородач. – Узнал! А шесть лет не виделись.

– Да уж, – признал Корнелис. Видно было, что он не в своей тарелке. – А говорили, будто вас того... – он сделал пальцами, – сожгли. Или повесили.

– Ха! – усмехнулся варяг. – Сожгли? Меня? Помру, тогда сожгут, а нынче пусть и не пытаются. Как вы тут живёте? Корчма, я смотрю, совсем развалилась. Ладно, хорош трепаться. Алоиза дома? Как она?

– Алоиза... видите ли... мнэ-э... – замялся Корнелис, кусая дёснами мундштук.

– Только не говори мне, что она не дождалась меня и вышла замуж! – Норвег покачал пальцем с показной суровостью, хотя улыбка оставалась прежней. – Я её характер знаю и всё равно не поверю. Ну? Чего стоишь столбом? Я вам подарки привёз, сейчас мои ребята выгрузят, покажи им, куда складывать.

Сказавши так, гость хлопнул старикана по плечу и зашагал через плотину к дому.

– Алоиза! – крикнул он. – Октавия! Я приехал! Алоиза?.. Корнелис остался стоять, глядя ему вслед и шевеля беззубым ртом.

Некоторое время царила тишина, потом *началось*. Предводитель викингов мелькал то в одном окне, то в другом, домочадцы бегали и голосили, что-то разбивалось, двери хлопали. С чёрного хода выскочил младший сын хозяина пристани, взъерошенный, ушастый, в одном башмаке, выскочил и хромым галопом припустил в деревню – не иначе за подмогой (хотя какая тут могла быть подмога). Наконец всё более-менее утихло, дверь распахнулась и повисла на одной петле, предводитель варягов вышел, дикими глазами обозрел окрестности, увидел Корнелиса и двинулся к нему.

Корабль к этому моменту уже ошвартовался, часть команды спрыгнула на пирс, потопала-поприседала, разминая ноги, и начала сгружать тюки и ящики, но увидала Олава и прервала работу. Разговоры смолкли, воцарилась тишина, только чайки кричали, скользя над землёй и водой. Корнелис по-

пятился, но чья-то рука легла ему на плечо и удержала на месте; он обернулся и встретился взглядом с высоченным рыжим мореходом. Его лицо со шрамом всплыло в памяти мгновенно – этот молчаливый тип всегда сопровождал ярла Олава в его походах. Даже имя вспомнилось – Сигурд.

– Стой, старик, – проговорил он тоном, не допускавшим возражений. – Стой. Наш ярл не сделает вреда. Если ты невиновен, тебе нечего бояться. А если виновен, тем более стой.

Корнелис послушался.

Тем временем варяг подошёл к нему вплотную и остановился, глядя на него глаза в глаза.

– Как это случилось? – отрывисто бросил он, выделяя каждое слово.

– Я... – Корнелис снял и скомкал шляпу. – Я хотел сказать... Не виноватые мы, господин Олав... ни они не виноватые, ни я.

– Как это случилось, я тебя спрашиваю?! – повысил голос мореход. – Отвечай как на духу, иначе я тобой сейчас всю палубу вымою и на мачте повешу просушиться! Клянусь кровью белого Христа, вымою и повешу! Нарочно мачту прикажу поставить! Как случилось, что она умерла?

– Я хотел вам сказать, – проговорил Корнелис, опуская взгляд, – но я боялся. Вы не слушали. Три года как уж, в феврале... Холодно было в тот год, господин Олав, очень холодно. Цыгане не гасили костры, так торопились на юг. Осень стылая, зима... Рожь вздоржала, уголь вздоржал... Вода

в канале в сентябре замёрзла, баржи не ходили, лёд волов держал. Выручки не было. Мы многих не уберегли, у меня у самого племянник умер и кузина... и у мельника племянница... и у старого Жана Дааса внук... и сам Жан Даас тоже умер... Мы бедняки, а у бедняков нет выбора, господин Олав, сами знаете – зимой все хотят быть поближе друг к другу. Она много ходила, помогала, но простыла... слегла...

– А девочка? Где девочка?

Старик не ответил.

– Ты что, не слышишь меня? – Варяг ещё приблизился. – Где моя дочь?

Корнелис отвернул лицо.

Олав медленно, со вкусом сгрёб зрителя причала за грудки мозолистой лапищей и притянул к себе так, что того приподняло на цыпочки. На доски посыпались пуговицы, сукно затрещало и пошло прорехами.

– Я убью тебя, лодочник, если ты не скажешь мне всего, что знаешь! – пригрозил варяг. – Мне сказали, что она пропала. Убежала. Потерялась. И недавно, меньше месяца назад. Это так? Ты это видел? Отвечай, я по глазам вижу, что ты что-то знаешь! Ну?! Это так?

– Так, – наконец признал старик. – Не соврали они: убежала. Они её в приют отдать хотели, а она сбежала. Только я не знаю куда. Был тут господин с мальчишкой, сундуки привёз, очкастый, с бородой. Она в один сундук и забралась, такая егоза. Я не знал, а то бы не позволил: уж вы знаете, как я

её любил. Мне каналыщики, когда обратно шли, рассказали. Пустите рубаху – больно!

Яльмар Эльдьяурссон, известный недругам как Олав Страшный, разжал пальцы. Старик ухватился за горло и зашёлся судорожным кашлем. Пошатнулся, уцепился за перила. Вытер рот.

Заморский гость молчал.

– Прости, старик, – сказал он наконец. – Прости. В сундук, говоришь, забралась?

Тот кивнул.

Норманн всё медлил.

– Как называлась та баржа? – наконец спросил он.

– «Жанетта». Кажется, «Жанетта».

– Где её найти?

Корнелис помотал головой:

– Не знаю, господин Олав. Я не знаю, правда. Они из Гента и сейчас, наверное, там и стоят, товаром загружаются. А может, они не в Генте, а в Брюгге.

– Так в Генте или в Брюгге?!

– Да кто ж их знает, господин Олав! Там же три канала, из Брюгге: в Гент, в Остенде и в Зебрюгге, хоть считалкой выбирай. Вы парочку недель побудьте здесь, подождите, может, они обратно пойдут, тогда и...

– Некогда нам ждать, – оборвал его варяг, посмотрел на облака и обернулся к кораблю: – Сигурд, Харальд! Загружайте всё обратно. Ульф! Ульф?! Сматывай канат. Отчаливаем!

Он заглянул в кошель, поколебался, сорвал кожаный мешочек вместе со шнурком и сунул его в руку старику.

– На, возьми.

– Благослови вас бог...

– Оставь при себе свою благодарность. Лучше расскажи, как они тут... как они жили.

Корнелис долго смотрел на подарок. Поднял взгляд.

– Почему вы задержались? – с горечью спросил он. – Она ждала. Она вас каждый день ждала. Они вас обе... ждали.

Викинг помрачнел и отвернулся, стиснув зубы.

– Поганые дела, – ответил он. – Я не хочу об этом разговаривать. Мой брат попал в беду: церковные собаки обвинили его в ереси, а король поверил. На него повесили огромный долг, хотели испытать лумхорном. Я был в фактории в Новгороде и узнал об этом слишком поздно. Когда я приехал, Торкель уже был в тюрьме. Я помог ему освободиться, свёл с кем надо счёты, но все сбережения ушли на подкупы. Я заложил даже свой кнорр. Не было никакой возможности выбраться. Хорошо, приятель надумил – я сыграл у Бурзе на тюльпанных луковицах; два раза выиграл, один раз проиграл, но всё равно остался в прибыли. Только так... Я дважды посылал письма и деньги с верными людьми, а прийти не мог.

Старый мостовщик покачал головой.

– Они ничего не получали, – с горечью сказал он. – Ничего. Должно быть, ваших людей убили гёзы или наёмники.

Они вернулись? – Варяг не ответил, и Корнелис покивал головой: – Смута в стране. Смута.

Яльмар топнул, плюнул на воду, сжал кулаки и выругался по-норвежски.

– Ну что за гнусные настали времена! – в сердцах воскликнул он. – Разве Один допустил бы такое? Разве допустил бы?!

Корнелис вздрогнул и перекрестился, но смолчал.

Шли минуты. Великан-северянин не двигался, стоял, о чём-то размышляя. Лица прочих мореходов были хмурыми, движения неторопливы. Все что-то делали. Кто-то проверял весло, другой перешнуровывал сапог, ещё один, худой и долговязый, передвигал по палубе мешки, выравнивая крен. На кнорр уже закатывали последние бочки. Не было ни зубоскальства, ни веселья, никаких «Чего мы ждём?», «Ну скоро ты?» и прочих возгласов, обычных для торговых мореходов. Старик Корнелис поглядел на одного, на другого и ощутил холодок: на кнорре не было команды – была *дружина*; эти люди в любой момент готовы были взяться за оружие.

Кружили чайки. О сваи билась мелкая волна, колебля зелёные бороды водорослей. Пахло гнилью и холодной водой. Солнечное небо помаленьку затягивали облака. Темнело. На пристани оставались ещё пара штук сукна, мешки с углём, корзины с неизвестным содержимым и прочая разнотоварная мелочь.

– Оставьте их, – махнул рукою Яльмар. – Пусть *эти* заберут себе. Корнелис, возьми сукна – сошьёшь себе новый

кафтан взамен этого гнилья.

— Благодарствую. — Его обветренная старческая рука со вздувшимися венами всё пыталась запахнуть разорванный ворот. — А вы, стало быть...

— Алоизу... где похоронили?

— Здесь. На кладбище, у церкви.

— Ты покажешь мне её могилу?

Корнелис кивнул:

— Покажу.

* * *

Паук пошевелил жвалами и приблизился. Оказывается, это довольно страшное зрелище, когда паук идёт к тебе и шевелит серпами челюстей, с которых капает зеленоватая слюна. Просто в обыденной жизни люди этого не видят, ибо слишком велика разница в размерах. А был бы тот паук величиной, например, с собаку или с крупную овцу, это увидел бы каждый. Увидел и испугался. До икоты, до одури, до мокрых штанов. А может, даже до смерти.

Этот паук как раз таким и был.

Травник проглотил слюну, переменил стойку, оступил назад. Рукоять меча скользила от пота. Не отрывая взгляда от противника, Жуга вытер о штаны сперва одну ладонь, потом другую, перехватил меч поудобнее и стал ждать.

Когтистые мохнатые ноги царапнули пол. В движении

этом не было ни злобы, ни агрессии, лишь воля и сноровка опытного хищника. Очень опытного. Чёрные бусинки глаз смотрели на добычу, и в каждом при желании травник мог разглядеть своё отражение. Желания, правда, не было. Коричнево-серая, в белёсых крапинах, шкура твари оставалась неподвижной. Жуга всё время задавался вопросом, как паук дышит, если ни брюшко, ни грудь, ни голова почти не движутся... Яд и пламя, нельзя отвлекаться! Но разве он виноват, что даже в такую минуту любопытство испытателя в нём берёт верх над рефлексами бойца?..

Меч, принесённый Телли, был тяжеловат – Жуга к такому не привык, но выбирать не приходилось. Паук тем временем шагнул туда-сюда, подался вбок и вдруг, на первый взгляд расслабленно, на деле – быстро-быстро, ринулся в атаку. Вскинул передние ноги, ударил, промахнулся и вхолостую щёлкнул жвалами. Травник стиснул зубы, затанцевал, оберегая ноги, и заработал мечом. Места для отступления не было – они и так играли в кошки-мышки больше десяти минут: сначала он заманивал чудовище туда, где на восьми ногах было не развернуться, потом паук воспользовался этим и сам оттеснил человека в угол. Теперь брала своё усталость.

Панцирь на паучьих лапах очень прочный. Лезвие скользило и вреда не причиняло, но Жуга сумел отбить атаку и получил некоторый простор для манёвра. Паук развернулся, словно на шарнирах, зашипел и снова двинулся вперёд.

Чем же он шипит? Или это задние лапы волочатся по по-

лу? Аристотель писал, что у паука нет сердца как такового, а есть лишь несколько сердечных сумок, из коих одна главная, а несколько – второстепенные, и расположены они не как у человека или зверя, в левой стороне груди, а на спине, вернее, сверху, под брюшком, там, где обыкновенный крестовик несёт свой крест... Впрочем, тот же Аристотель написал, что у мухи восемь ног, и большинство учёных мужей до сей поры не подвергают это утверждение сомнению. Хотя любой мальчишка, который умеет считать...

Яд и пламя!

Лапы ударили. Травник едва успел увернуться. В любом случае поздно гадать, прав великий грек или не прав – выбора не остаётся. К тому же в прошлые разы этот приём вполне срабатывал, хотя у травника ни разу не было возможности проверить, в сердце он попал или не в сердце...

Яд и пламя, ну почему эльфы так ненавидели пауков?!

Финт, вольт, удар... опять удар... отбивка, выпад, два шага вперёд... Рискованно, но по-другому не получится (во всяком случае, пока не получалось). Чёрные челюсти клацнули в двух дюймах от лодыжки травника, Жуга подпрыгнул, закрутил мечом, ударил вниз и чуть вперёд: отчасти чтобы удержать равновесие, отчасти надеясь зацепить противнику глаза. Сработало. Меч самым кончиком царапнул чёрную лаковую бусину, паук сдал влево и зашарил лапами, на краткое мгновение потеряв врага из виду. Этого хватило, чтобы запрыгнуть ему на спину, перехватить меч и два раза вонзить

его в узор на брюшке. Оба раза – глубоко, как только позволили клинок и рукоять: иначе не достанет.

Паук задёргался, загарцевал, внезапно развернулся и пропустил вдоль стен, отчаянно работая лапами. Разрезы закипели белым. Преодолевая отвращение, Жуга вонзил меч в третий раз, оставил его в ране и обеими руками вцепился в основания паучьих задних ног. Сейчас главным было просто удержаться, не попасть под эти ядовитые серпы... каких-то полминуты... может быть, минуту... или две...

Вскоре всё было кончено. Травник разжал сведённые судорогой пальцы, слез, с усилием выдернул меч и на всякий случай отступил. Голова была пустой и тяжёлой. Как всегда, остался только слабый интерес – что было бы, случись ему не победить, а проиграть?

Руки подрагивали. Болели плечи и колено. Травник грустно усмехнулся: «Сдаю».

Некоторое время мёртвая туша паука лежала неподвижно, подобрав суставчатые ноги и бессмысленно таращась в потолок глазами и глазками, потом воздух вокруг неё задвигался, как в жаркий день над раскалённым камнем, подёргался неровной рябью, тело начало бледнеть и вдруг... исчезло. Испарилось. Жуга невольно моргнул – глаз всякий раз не успевал поймать мгновение, когда поверженный противник растворялся в воздухе, и веки дёргались непроизвольно, словно где-то рядом молот кузнеца ударял в наковальню. Вот только что на полу лежало растопыренное тело. Миг – и его

уже нет. Только слизь, зазубринки на лезвии и длинные, глубокие царапины в полу, да тело ноет от ушибов и усталости.

А ещё через мгновение мерцание стен погасло, и в дальней от травника стене возник дверной проём. Комната вновь стала тем, чем была – большим несимметричным залом с пятью углами разных величин, со стенами необработанного дерева, с единственным входом и выходом. Вот этим самым.

«Тренировка» закончилась.

В первый раз, случайно забредя сюда, Жуга не обнаружил ничего особенного. Комната как комната, не хуже других, разве что без окон. Чулан, кладовка, может быть, тайник, и только. Однако в соседнем помещении обнаружилась ванна, или, правильней сказать, небольшой деревянный бассейн с проточной водой. Это была полезная находка, и Жуга облюбовал сей уголок для утренней разминки. А когда Тил, как обещал, принёс ему оружие, появился сюда с мечом. Просто так появился, без всякой задней мысли.

И началось.

Сперва он не понял, что произошло, когда выход из комнаты исчез, а стены засветились ярче – на старой заставе эльфов всё время происходило что-нибудь этакое. Но тут из ниоткуда вдруг возник зверь – то ли волк, то ли собака, не понятно, но что-то похожее. Возник и изготовился к броску... и думать стало некогда. Лишь когда бой завершился и поверженный враг исчез, не оставив следа, Жуга смекнул, что это неспроста.

Тот день и половину ночи травник провёл в мыслях о произошедшем, на всякий случай уйдя в самые дальние покои, даже заснул с мечом в обнимку.

А на следующий появился опять.

Так и повелось с тех пор – раз или два в неделю травник приходил сюда, чтобы затеять очередную схватку с призрачным противником, который был и в то же время как бы не был. Оставалось загадкой, плодил замок этих тварей из себя или из воздуха или приносил откуда-то извне, но в любом случае здесь действовала древняя и сильная магия. За неполный месяц Жуге пришлось сразиться в этой комнате с самыми странными тварями, каких он только видел, но чаще всего почему-то попадались эти гигантские пауки.

Травник скосил глаза на меч, на клинке которого медленно таяла белёсая слизь, и поморщился. Ну почему эльфы так ненавидели пауков?

Он прошёл в круглую комнату с бассейном, в который непрерывно стекала прозрачная струйка воды, морщась, стянул с себя мокрую от пота рубашку, скомкал и бросил на пол. Рубашка была чёрной. Не от грязи, а так. Пару мгновений Жуга с неудовольствием смотрел на неё, но выбирать не приходилось: по странной прихоти все вещи, которые Телли для него принёс, были чёрными (ага... «Меньше пачкаются»... дурак). Меч травник прислонил к стене и некоторое время стоял, глядя на своё отражение в воде. Отражение смотрело куда-то в сторону.

Тянулись дни, недели, месяцы. Старый замок существовал сам по себе и сам в себе, отдельно от любого мира. Там, снаружи, в срединном мире, могло происходить всё что угодно – войны, наводнения, землетрясения, чума, мор, засуха, набеги викингов, татар, все континенты могли уйти под воду – здесь шла своя жизнь.

Если это можно назвать жизнью.

Кулак разбил отражение, ледяная вода пошла рябью. Успокоиться ей не дали. Травник вымылся до пояса, подумал и отказался от намерения окунуться полностью – разогретые мышцы могло свести судорогой. Он вытерся рубашкой, пригладил волосы и обернулся.

И лишь теперь увидел, что он опять не один.

Белый, словно сотканный из лунного тумана зверь выступил из утреннего сумрака и остановился. Витой блестящий рог качнулся в приветствии, снова поднялся. Воцарилась тишина, нарушаемая шумом льющейся воды.

«Разминаешься?»

– Хорошо ещё, что ты не додумался явиться мне *туда*, – проворчал травник, мотнув головой в сторону бойцовой комнаты.

Насмешливое фырканье в ответ и снова голос в голове:

«Думаешь, сумел бы меня одолеть?»

– Как знать, как знать... Здравствуй, *высокий*.

«Привет и тебе... Лис. Может, опустишь меч?»

Травник покосился на свою руку и с удивлением обнару-

жил, что и впрямь сжимает меч. Когда он успел его схватить – память хранила на этот счёт молчание.

Единорог тем временем приблизился. Нагнулся, обдавая травника холодным, стынущим дыханием, заглянул в глаза, движимый непонятной заботой, тронул губами раны и ушибы, потом наклонил голову и потянулся вперёд своим волшебным рогом. Не делая движений, травник терпеливо ждал, а когда боль исчезла вместе с синяками и ссадинами, повёл плечами, разминая мышцы. Кивнул, благодаря:

– Спасибо. Как ты это делаешь?

«Лучше тебе не знать».

– Вот вечно ты... Нет чтобы поделиться секретом.

«Ты неправильно понял: у человека просто не хватит сил, чтобы повторить такое».

– Даже у меня?

«Даже у тебя».

Жуга перехватил меч лезвием под мышку, подобрал рубашку, бросил её в бассейн и там оставил – вода на заставе была такой чистоты, что за два часа вымывала из одежды грязь и пот без золы и щёлока. Двинулся к выходу. Единорог прошествовал за ним.

– Позавтракаешь со мной? – спросил Жуга, не оборачиваясь.

«Благодарю, – с достоинством ответил тот. – Я не ем людскую пищу».

– Почему? Не можешь?

«Не хочу».

Человек не стал больше ни о чём его спрашивать, и остаток пути оба проделали в молчании. Зверь Века, Белый Индрик, следовал за травником на расстоянии шага или двух – тот непрерывно ощущал спиной его дыханье, настолько холодное, будто он питался мятой, льдом и ключевой водой.

Через казавшуюся бесконечной анфиладу комнат, больше похожую на лесную аллею, через огромный зал – абсолютно пустой и непонятно для чего предназначенный, через короткий коридор они проследовали в дальнюю башню, ту, где состоялась встреча с Тилом и которую травник облюбовал для жилья. Подниматься по лестницам не требовалось: на нижнем ярусе, в одном углу пустой и длинной комнаты (наверно, бывшей кордегардии) он устроил постель, в другом – склад провизии. Обстановка комнаты, с её уродливыми, оплывшими формами мебели и стен, являла посетителю живой пример упорных, но безуспешных попыток травника овладеть эльфийской магией. Стол не держал посуды, на лежанках невозможно было спать, не сломав позвоночник, а на скамьях могли сидеть разве что певчие птицы. На полу стояли пустые бутылки и большущий медный чайник, казавшийся здесь особенно неуместным.

Дальний край стола дал дюжину побегов, все в свежей зелени и синеньких цветочках.

Зверь с видимым интересом огляделся. Небольшое помещение с его приходом сразу сделалось будто просторнее.

«Я смотрю, ты взялся за дело всерьёз».

– Что получилось, то получилось, – отозвался Жуга, доставая еду.

«Я бы предпочёл, чтобы ты погостил с трапезой», – пронаблюдав за ним, сказал единорог.

– Почему?

«Я пришёл говорить».

– Да бога ради! Можешь говорить, мне не мешает, – пожал плечами травник. Привычно забрался на стол, угнездил на коленях тарелку. – Я могу одновременно есть и слушать. Я же не ушами ем. – Он переломил лепёшку, протянул единорогу: – Хочешь хлеба?

«Не хочу».

– Зря: эльфы делали хороший хлеб. Если это, конечно, хлеб. Так... Ну тогда я не знаю. Если хочешь, можешь объесть вот эти веточки. Листья очень даже съедобны. Похожи на капусту, только пахнут как...

«Лис!»

Травник поднял голову и перестал жевать:

– Да?

«Я прошу тебя быть серьёзным».

Жуга опустил чашку и некоторое время молча ковырял в ней ложкой. Потом отставил в сторону.

– Послушай, Вэйхатил, – проговорил он. В голосе травника сквозили усталость и плохо скрываемое раздражение. – Я сижу в этом замке, как селёдка в бочке, уже бог знает сколь-

ко недель и месяцев. И, готов поспорить, ты мог прийти ко мне в любое время. Но ты не приходил. А теперь являешься и требуешь, чтоб я сейчас же, сию минуту выслушал тебя и был серьёзен. Знаешь что?

«Что?»

– Пошёл ты, вот что! Думаю, нет такого дела, которое не могло бы подождать ещё чуть-чуть после стольких месяцев.

Единорог переступил, будто в смущении.

«Я понимаю и прощаю, – был ответ. – Твои слова полны печали и бессилия. Но я на самом деле должен с тобой поговорить».

– Ладно. Ладно. Что случилось?

«Я чувствую проколы в ткани бытия. В пространстве грёз и вероятностных событий. Их много. И почти все нити тянутся сюда. Щель между мирами приоткрылась. Ты выходил из замка».

Последнее не было вопросом или предположением – **высокий знал.**

Лицо травника осталось бесстрастным, лишь на скулах заходили желваки.

– Да, я выходил, – жёстко сказал он. – И что?

«Через чужое тело и сознание».

– А что мне оставалось делать? У меня нет выбора! Я должен – *должен* знать, что там происходит. Если бы я нашёл способ выйти отсюда, я бы ушёл. Но ты же знаешь, что я не могу! – Он колебался и слегка изменил формулировку: –

Пока не могу.

«Опасность, которой ты себя подвергаешь, гораздо больше, нежели ты думаешь и даже представляешь».

– Опасность, – хмыкнул травник. – Что тебе до той опасности? Все вы говорите о ней. Тил, Золтан, ты... Все. И ни один не сделал ничего, чтоб помочь. Вот ты. Ты можешь вытащить меня отсюда? Спорю на что угодно – можешь.

«Да, могу. Но после этого...»

– Я знаю, что случится после этого, – перебил его Жуга. – Я помню, что случилось с Тилом. Но я помню и то, что память к нему вернулась. Пусть не сразу, но вернулась.

«Осенний Луч Солнца – эльф».

– Во мне тоже есть часть старшей крови. Или я не прав?

«Прав. Но всё далеко не так просто».

Единорог прошёл по загромаждённой комнате и замер у окна, устремив свой взор на речку и луга за ней. Снаружи разгорался день, по ощущениям совершенно майский. Тянуло свежей зеленью и запахом воды. Весна, пришедшая в этот замкнутый уголок, пусть с запозданием, но брала своё.

«Заклятия, удерживающие замок в таком состоянии, сложны и нестабильны».

– Что? – Травник прищурился. – Я не понимаю. Повтори.

«Представь шар на горе. Хватит лёгкого толчка, чтобы он скатился. Так и тут. Быть вне мира и вне времени – дело сложное и противоестественное. Магия и силы Старшего народа могли подобное проделывать. Но мир не стоит

на месте. В своём бессмертии Светлые нередко забывали о том, что время всё же существует. За последние недели ты несколько раз выходил за грань. Пусть не телесно, но в данном случае нет разницы. Катаэр Крофинд строился не для того, чтобы позволять такие фокусы. Сторожевые заклатья всё ещё работают, и будь здесь прежний гарнизон, тебя давно бы уже посадили под стражу. В одиночную камеру. Без дверей, с защитой от магического проникновения».

– Вот, значит, как...

«Именно так. Сам замок неразумен, это наблюдатель и слуга. Всё, что вложили в него создатели, отвечало их представлениям о безопасности и порядке, но и об этикете Светлые не забывали. Старший народ был сдержан и нетороплив в принятии решений. Выйти за барьер, преодолеть границу можно и случайно, ненароком, без злого умысла. А среди путешественников и постояльцев было много сильных магов. Если бы заклятье убивало на месте, война велась бы непрерывно. Всю последнюю неделю крепость содрогается от сигналов тревоги. Странно, что ты их не чувствуешь».

– А с чего ты взял, что я их не чувствую?

«Так ты нарочно? Я предполагал».

– И что? – подначил травник. – Боишься, что эльфы встретятся и вернуться?

«Может случиться и худшее», – уклончиво ответил единорог.

– Худшее? Что, например?

Серебряный зверь отвернулся от окна и поднял взгляд на человека.

«Ты никогда не задумывался, отчего Нидерланды, Нижние Земли, стали такими?»

– Какими «такими»? А! В смысле – нижними? Да потому, что... – тут Жуга умолк и изменился в лице. – Постой, погоди... Ты хочешь сказать...

«Крепость С Белыми Валами не всегда была оторвана от мира».

Единорог сделал многозначительную паузу, но не дождался ответа и счёл возможным продолжить. Но синь звериных глаз уже подёрнулась кисеёй воспоминаний.

«Как странно... – медленно продумал он. – А я, оказывается, хорошо помню то время... те смутные тысячелетия, когда на этих землях жили эбуроны и кондрузы, церозы и пэ-маны, сегны и адуатуки... а к западу и к югу – нервии, морины, менапъенцы, атребаты, треверы... Это был нестойкий мир, уже почти утративший старые знания, мир последних войн Третьей эпохи, когда Старший народ окончательно решил уйти и ушёл. Часть эльфийских твердынь досталась людям – незначительная часть, и она была впоследствии перестроена и приспособлена для людских нужд. А всё, что могло повредить, решено было... изъять».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.